

84Р7
Р-71

Валерий
БОНЬШИН
Приключения
Эммы Мухиной

ТАЙНА ВЕФРА В ШОКОЛАДЕ

**НОВИНКА СЕРИИ -
ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ
ДЕТСКИЙ ДЕТЕКТИВ**

710664

Алл

Валерий
ВОНЬШИН
Приключения
Эммы Мухомой

ТАЙНА!
ВЕФФИРА
В
ШОКОЛАДЕ

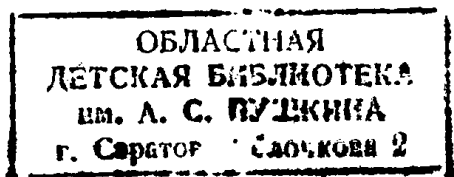

КОЛЛЕКЦИЯ
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО"
Москва - 1996

710664

АМ

Оформление В. Тё
Иллюстрации С. Соколова

- Роньшин В.**
Р71 Тайна зефира в шоколаде — М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1996.—272 с., ил.— (Детский детектив).

Перед вами новинка серии — первый российский детский детектив! Эта книга — начало цикла ироничных, увлекательных, захватывающих повестей одного из самых талантливых детских писателей России Валерия Роньшина о приключениях отважной семиклассницы Эммы Мухиной.

В первой книге цикла Эмма и ее друг Володька срывают планы международных террористов, замысляющих взорвать Санкт-Петербург, и наносят сокрушительный удар по мировой наркомафии.

Р 4857000031—032 без объявл.
99(И)03—96

ББК 84Р7

ISBN 5-89048-007-3

© ТОО «Коллекция «Совершенно секретно», 1996 г.
© Тё В., 1996 г., оформление.
© Соколов С., 1996 г., иллюстрации.

ТАЙНА
ВЕФРИРА
В
ШОКОЛАДЕ

Я ОСТАЮСЬ ОДНА

Выйдя из метро, я сразу почувствовала, что за мной следят. Вернее, я это почувствовала еще в вагоне, когда напротив меня уселся здоровенный тип в черном плаще и стал демонстративно листать детский журнал. Я тут же поняла, что это маньяк-убийца. Их сейчас в Москве развелось видимо-невидимо. В одной газетке даже подсчитали, что в столице орудует десять тысяч маньяков. Да и физиономия у него была типично маньяческая: редкие усики, оттопыренные красные ушки и светло-голубые глаза. У всех маньяков почему-то светло-голубые глаза — писали в той же газете.

Вы, наверное, думаете, что я очень нервная. Ну что ж, вполне возможно. Дело в том, что я родилась тринадцатого мая в роддоме номер тринадцать. Представляете?.. Да еще и имечко мне маман подобрала — смешнее не придумаешь. Эмма. Я ненавижу свое имя. Это не имя, а какой-то сироп. А уж когда мать называет меня «Эми-

и-лия» — я ее просто готова придушить на месте. Честное слово.

Вот из-за такого дня рождения со мной вечно происходят разные неприятности. К примеру, в прошлом году я пошла в гости к своей подружке Таньке. И представьте себе, мне на голову упало кресло. Его поставили на шкаф, когда красили пол в большой комнате, да так и забыли оттуда снять. Вот оно и свалилось прямо на мою репу. Будешь тут нервной.

Вообще я хочу сказать, что человеку, родившемуся тринадцатого числа, да еще с таким «симпатичным» имечком, надо постоянно держать ухо востро. Это я уже давно поняла. Мне нельзя ждать милости от природы. Впрочем, я и не жду. И пока мои подружки, Танька с Анькой, ходят на шейпинг и в бассейн, я по три раза в неделю потею в спортзале, изучая карате и дзюдо. Еще я закончила курсы автолюбителей, научилась стрелять из пистолета и выучила арабский язык по самоучителю. Ну, арабский — это так, на всякий пожарный случай. Потому что, если тебе на голову съипятся кресла, тут уж не угадаешь, что в жизни пригодится, а что нет.

Теперь вы, наверное, решили, что я страшно энергичная. Ничего подобного. На самом деле я лентяйка, каких свет не видывал. Моя голубая мечта — целыми днями валяться в кровати и объедаться зефиром в шоколаде. Думаю, у меня бы это очень хорошо получилось. Но валяться не дают родители, а зефир в шоколаде мне не по карману.

Еще я, конечно, хожу в школу. Вот уж это, я вам скажу, — удовольствие ниже среднего.казалось бы, за семь лет можно и привыкнуть, но я как-то не привыкла. Наверное, все из-за того, что у меня в школе нет подруг. Ну есть Танька с Анькой, но, во-первых, они учатся в параллельном

классе, а во-вторых, они круглые дуры! Например, Анька на полном серьезе считает, что «Пинк Флэйд» — это такая порода собак, типа «доберман-пинчер». А Танька, вообразите себе, однажды заявила, что Шекспира зовут Вильгельм и что он главный тренер футбольного клуба «Бавария»!.. Как, скажите на милость, с такими дурехами можно общаться?! А вот — общаюсь. Не молчать же целыми днями, словно глухонемая.

Учителя в нашей школе тоже, прямо скажем, не эйнштейны. Иногда такое загнут, хоть стой, хоть падай. Буквально вчера наш директор, Михал Тарасыч, с гордостью выдал: «Мне некогда думать, я работаю!» Хотя б одним глазком посмотреть, как он работает. Вечно болтается по коридору со спичкой в зубах.

Или вот наша новая математичка Елена Леонидовна. В школе без году неделя, а ко мне все время придирается. То ей не так, это ей не так. В общем, тоже дура!..

Мы с моим папочкой часто по этому поводу спорим.

— Тебя послушать, — кричит он, — так выходит, кругом одни дураки!

А я что, виновата, если так выходит? Да, одни дураки. Может, где-нибудь в Париже и не дураки. А у нас — дураки!

Кстати, о Париже. Мои родители сегодня туда улетают. Не верите?.. Я и сама поначалу не поверила. Париж... пятизвездочный отель... обед на Эйфелевой башне... Оказалось — чистейшая правда. Моя маман победила в телеконкурсе. Там было условие — кто дольше всех прохохочет. Так вот, маман умудрилась прохохотать два с половиной часа. И то не видать бы ей Парижа как своих ушей, если бы тетку, которая прохохотала три часа, не увезли в психушку.

...Когда я вышла из вагона, маньяк с детским

журналом остался сидеть на своем месте. А за мной увязался другой маньяк. Правда, не такой здоровенный, как первый, зато очень смахивающий на убийцу, приметы которого утром передавали по радио. Убивал он исключительно семиклассниц и исключительно по вторникам. А я, между прочим, семиклассница. И сегодня как раз вторник.

Я чуть ли не бегом выскочила из метро, он за мной. Я пошла направо, и он направо. Я остановилась у киоска, и он остановился. Тут меня злость взяла. Ну, думаю, блин, сейчас я тебе ка-ак врежу между глаз! Ногой. Мне тренер говорил, что удар моей правой ноги напоминает ему удар профессионального боксера в тяжелом весе. Так что мало не покажется.

Маньяк между тем купил в киоске бутылку «Амаретто» и убрался в неизвестном направлении. Наверное, пошел искать другую семиклассницу, понял, что со мной шутки плохи.

Я посмотрела на часы — половина пятого! Мать меня точно пристрелит, у них же самолет через три часа.

Когда я прибежала домой, из комнаты раздался голос матери:

— Эми-и-лия, это ты?!

Вот тоже дурацкая привычка — орать на всю квартиру.

— Эми-и-лия, это ты или не ты?!!

— Это не я! — закричала я в ответ. — Это бандиты!

Маман вышла в прихожую и с ходу начала меня отчитывать:

— Где ты пропадаешь?! Я и твой отец волнуемся! Разве ты не знаешь, что мы сегодня улетаем в Париж!!!

— Я была на тренировке.

— Могла бы и пропустить один раз. Не каждый день твои родители в Париж летают!

Тут из маленькой комнаты появился мой обожаемый папочка. В семейных трудах.

— Кто-о мо-о-жет сравниться с Эмилей моей,— отчаянно фальшивя, пропел он, выставив вперед свой живот.— Девочки, не надо ссориться. Жизнь прекрасна и удивительна!.. Эмка, шагай за мной.

Мы прошли в маленькую комнату, и он протянул мне пачку денег.

— Держи. Надеюсь, на месяц хватит.

— Ага,— отвечаю,— на хлеб и воду, пожалуй, хватит.

Папочка скорчил недовольную гримасу.

— Ну правильно, если ты будешь покупать один зефир в шоколаде, то может и не хватить.

— Ладно уж.— Я забрала у него деньги.— Как-нибудь перезимую; спички есть, дрова сворую.

В комнату заглянула сверхзабоченная маман.

— Положи деньги в укромное местечко,— затараторила она.— Не разбрасывай их по всей квартире.

— Было бы что разбрасывать,— хмыкнула я.

В дверь позвонили. Папочка, натянув спортивные штаны, пошел открывать. Через минуту в комнате появился Володька Воробьев— мой одноклассник и наш сосед по лестничной площадке. Страшный зануда, между прочим.

Его родители, то ли геологи, то ли археологи (во всяком случае, дома они бывают от силы два раза в год), подарили ему на день рождения скрипку. Вот теперь Володька и пиликает на ней с утра до вечера. Маман в Володьке просто души не чает. Он и самостоятельный, он и трудолюбивый, он и талантливый... Короче, не человек, а ходячий идеал со скрипкой.

— Здравствуйте, Мария Ивановна,— говорит этот хлюст приторно-вежливым голосом.— У вас не найдется парочки лавровых листьев, а то я готовлю рыбу по-аргентински.

По-аргентински рыбу он готовит. Слыхали?..

— Ну конечно, Володечка, ну конечно,— прямо-таки растаяла маман.— А мы сейчас в Париж улетаем.

— Кстати, Владимир,— хлопнул Володьку по плечу папочка,— у нас с Марией Ивановной к тебе небольшая просьба. Ты парень серьезный, самостоятельный... Присмотри за нашей Эмкой, пока мы не вернемся.

— Не беспокойтесь, Игорь Николаевич,— важно отвечает Володька.— Даю вам честное слово, что с Эмилией все будет в порядке.

С Эмилией... И этот туда же!

— Ну, я пойду,— продолжает он,— а то мне надо еще полы помыть.

От такого сногшибательного заявления маман даже про Париж забыла.

— Вот видишь! вот видишь! — сверкает на меня глазами.— Владимир моет пол. А ты...

— Владимир,— сказала я, передразнивая его вежливый тон,— ты бы уж действительно шел отсюда. А то еще, чего доброго, рыба по-аргентински уплывет.

— Эмма! — возмущенно закричала маман.— Как тебе не стыдно!

А Володьке хоть бы что. Он даже мне отвечать не стал.

— До свидания, Мария Ивановна,— говорит.— Счастливого вам полета, Игорь Николаевич.

— До свидания, Володечка,— откликнулись мои умиленные родители.

Только ангелочка с крылышками над всей этой сценой не хватало. Но вместо ангелочка появился хмурый мужик в фуражке.

— Такси заказывали? — спросил он, покручивая на пальце брелок с ключами.

— Заказывали, заказывали,— засуетился папочка.

— Мы сейчас в Париж улетаем,— сообщила маман таксисту радостную весть.

— А мне хоть в Магадан,— ответил таксист и запел: — Париж, Париж, не ходишь, а паришь...

В КВАРТИРЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ НЕИЗВЕСТНЫЙ

После отъезда моих драгоценных родителей я решила устроить себе внеочередные каникулы. В одной умной книжке я вычитала, что хоть учись, хоть не учись, в голове остается всего лишь семь процентов от полученных знаний. Все остальное забывается. А раз так, то чего ради стараться?.. Уж семь-то процентов у меня в любом случае наберется. А не наберется — тоже не беда. Ну какая, к примеру, мне разница, как пишется слово «холл» — с одним «л» или с двумя? Да хоть с тремя! Уж если мне так срочно понадобится этот «холл», то я всегда могу спросить у папочки.

Короче говоря, вместо школы я стала ходить на дискотеки. Это тоже, я вам скажу, дело нелегкое. Дискотек по Москве хоть пруд пруди, в одном только нашем районе штук десять! Попробуй все обойти. И везде музыка грохочет, огни мигают, ди-джеи орут, а толпа шизеет. Классно, одним словом!

Домой я теперь приползала где-то в двенадцатом часу ночи, усталая как собака. Сразу бухалась в кровать и спала до обеда. Затем обедала коробкой зефира в шоколаде. И снова валилась на кровать, крутить видик. Пару кассет посмотришь, и уже пора на дискотеку...

Одно только было плохо — деньги таяли как шоколад на батарее. Потому что коробка зефира — это вам не пачка с макаронами. Да и билет на дискотеку, в особенности ночную, тоже стоил недешево.

А тут еще этот зануда Володька повадился приходить чуть ли не каждый день. Я думала, он просто так, от фонаря, брякнул родителям, что будет за мной присматривать. Фиг попало. Как вернется из школы, так сразу и начинает в звонок трезвонить.

— Никого нет дома, — кричу я ему из-за дверей.

— А кто тогда говорит? — спрашивает он.

— Говорит попугай.

— Вот что, попугай, Елена Леонидовна уже три раза интересовалась, почему ты в школу не ходишь.

Елена Леонидовна не только математичка, но еще и наша классная. Мы ее зовем — Леночка Леонидовна. У нее большие ненакрашенные глаза и черное платье с белым воротничком. Типичная училка.

— Передай ей, что я беременная, — говорю Володьке.

— Ну-ну, — отвечает он, — смотри сама. Вылетишь из школы со второй космической... Это ты хоть понимаешь?!

Это я, конечно, понимаю. Но у меня есть чудесное правило — никогда не думать о завтрашнем дне. Будь что будет! И, как ни странно, мне все сходит с рук. Даже если взять это дурацкое кресло, то и оно упало на мою голову своей мягкой частью.

— Так что подумай, — не отстаёт Володька. — Тем более что скоро контрольная по алгебре.

— Ладно, — сдаюсь я. — Завтра, может быть, приду.

Но ни завтра, ни послезавтра я в школу не пошла. Уж больно по утрам вставать лень. Вообще я страшно разленилась. Днем меня только на то и хватало, чтобы дотащить до кондитерской за очередной коробкой зефира.

Вот так я и жила изо дня в день, пока однажды...

Собственно говоря, в тот день тоже ничего особенного не произошло. Произошло ночью. Я, как обычно, вернулась с дискотеки и залезла в горячую ванну, прихватив с собой бутылку кока-колы и коробку зефира. Все это благополучно слопала и незаметно для себя уснула.

Проснувшись я от того, что кто-то ходил по квартире. Сердце у меня бешено заколотилось. Сначала я подумала, что мне это приснилось. Но тут явственно раздались шаги в прихожей. Я так прямо вся и обмерла. Неизвестно кто бродит по квартире, а я лежу в ванне. Вот сейчас — сейчас! — дверь распахнется, и... В отчаянии я схватила зубную щетку и крепко сжала в руке. Выглядела я, наверное, в этот момент, как самая настоящая идиотка.

Скрипнула половица. Тихонько щелкнул замок.

Я лежала в остывшей воде, боясь пошевелиться. Наконец, где-то через полчаса, я осторожно вылезла из ванны и приоткрыла дверь. Потом рванула на кухню и схватила с полки газовый баллончик. Было тихо. Может, мне все это померещилось?.. Я осторожно обошла квартиру. Чтобы как-то успокоиться, включила телевизор. На экране, в гробу, лежала женщина. Вдруг она резко открыла глаза и посмотрела прямо на меня. Я завизжала и, выключив телик, забилась в стенной шкаф.

Так я и просидела в шкафу до самого утра, сжимая в кулаке баллончик с газом.

А утром, как обычно, в дверь позвонил Володька. Я тут же открывала.

— Володька! — бросилась я ему на шею. — Заходи, родной. Как я рада тебя видеть!

— Мухина, ты что, с ума сошла? — подозрительно глянул он на меня. — Если ты идешь в школу, то пошли. Мы и так, на первый урок опаздываем.

Я втащила его в прихожую и, захлопнув дверь, рассказала все, что со мной приключилось этой ночью.

Володька отнесся к моим словам скептически.

— Тебе все это приснилось, — сказал он. — Ты же ведешь нездоровый образ жизни. Вот и снится всякая чушь. Ложиться надо в девять вечера, а по утрам принимать холодный душ.

— Спасибо за совет, — поблагодарила я. — Но мне кажется...

— Крестись, когда кажется, — перебил Володька. — Хватит болтать, Мухина! Пошли в школу!

Я сразу подчинилась. Честно говоря, мне и самой хотелось поскорей уйти отсюда в людное место. Но перед уходом я, несмотря на Володькины насмешки, выдернула из головы длинный волосок и лаком для ногтей прикрепила его к входной двери. Почти у самого пола, чтоб незаметно было.

Первый человек, которого мы повстречали в школьном коридоре, была наша классная, Леночка Леонидовна.

— Вот что, милочка моя, — строго произнесла она (Леночка Леонидовна всегда говорит «милочка моя», когда сердится), — я не собираюсь покрывать твои прогулы. Это у тебя уже не в первый раз. Имей в виду, милочка, ты кандидатка на исключение.

Я покорно кивала головой и отвечала, что буду иметь в виду.

Когда мы вернулись домой, я первым делом проверила — на месте ли волосок? Волосок был на

месте, но со стороны двери оторван. Выходит, пока я отсутствовала, кто-то снова проникал в квартиру. Тут уж и Володька призадумался. Вдвоем мы обшарили все углы, шкафы и ящики. Ничего не пропало, даже драгоценности маман в малахитовой шкатулке остались нетронутыми.

— Интересное кино получается,— сказал Володька.— Может, к тебе Барабашка приходил?

— Барабашки через двери не ходят,— авторитетно заявила я.— Они могут спокойненько проникать сквозь стены.

— Ну тогда не знаю,— пожал Володька плечами.— Денег не взяли, драгоценности на месте. Значит...

— Значит, ему нужно что-то другое.

ПРОПАВШАЯ ФОТОГРАФИЯ

На следующий день все частично разъяснилось. Или, лучше сказать, еще больше запуталось. Это был выходной, и мы с Володькой сидели у меня, в сотый раз пережевывая эту странную историю. Вернее, я одна пережевывала. Володька со скучающим видом глядел в окно.

— Слушай, Воробей,— не выдержала я,— если тебе все это до лампочки, можешь проваливать. Я тебя не держу.

Он поднялся с кресла.

— Ты знаешь, мне действительно пора заниматься. Паганини говорил, что настоящий скрипач должен играть каждый день. Иначе рука перестанет чувствовать смычок.

— Сам ты смычок,— раздраженно сказала я.— «Не беспокойтесь, Игорь Николаевич, с Эмилией все будет в порядке». Кто это говорил?.. Тоже Паганини?! Наобещал с три короба, а теперь в кусты.

— Не в кусты, а на конкурс,— спокойно ответил Володька.

— На какой еще конкурс?

— На такой. В Питере проводится конкурс юных скрипачей. Мне прислали приглашение.

— Поду-у-маешь,— презрительно скривилась я.— В Питере! Нашел чем хвастаться. Вот если бы тебя пригласили в Италию или в Штаты...

— Всеу свое время,— тряхнул Володька головой.— Для начала сойдет и Питер.

И он повернулся, чтобы идти.

— Иди, иди,— зло бросила я ему в спину.— Но учти, если меня укокошат, тебе по ночам будет являться мой окровавленный труп!

— Ну чего ты хочешь? — Он вернулся на свое место.

— Зефира в шоколаде,— капризно произнесла я.— Но от тебя разве дождешься.— Я встала и направилась в прихожую.— Если будешь уходить, захлопни дверь. Мне надо сходить в кондитерскую. Чао-какао.

И я действительно пошла в кондитерскую, купила там себе коробку зефира и, конечно же, на обратном пути все съела. Оставила пару зефиринок на тот случай, если Володька все-таки не ушел к своей обожаемой скрипке.

Володька не ушел. Сидя на прежнем месте, он от нечего делать листал фотоальбом.

Тут надо сказать, что мой папочка — страстный фотолюбитель. Ни на секунду не расстается с фотоаппаратом. По-моему, даже спит с ним в обнимку. Так что наша семья запечатлена во всех мыслимых и немыслимых ракурсах.

В данный момент Володька листал фотоальбом под названием «Наша дочь». Он открывался цветным снимком, который папочка умудрился сделать тринадцатого мая в роддоме номер тринадцать. И как его только туда пустили?.. Далее шли фото-

снимки, где меня, голенькую, купают в ванночке; затем я, голенькая, лежу в кроватке, а после, опять же голенькая, сижу на руках у счастливой маман. Короче говоря — сплошная порнуха.

На следующих страницах замелькали бантики, куколки, новогодние елки... Володька уже собирался листать дальше, но я завопила словно резаная:

— Стой! Стой! Стой!

Он даже вздрогнул от неожиданности.

— Ты чего?

Я без лишних слов забрала у него альбом. Так и есть! Не хватает одного снимка. Его кто-то отодрал. Причем неаккуратно, в спешке.

Я с победным видом посмотрела на Володьку.

— Что ты на это скажешь?

— На что?

— Протри очки, Паганини! — Я сунула ему альбом под самый нос. — Неужели не видишь: одной фотки нет!

— Ну и что? Может, Игорю Николаевичу не понравилось качество снимка.

— Мой папочка, — важно разъяснила я, — скорее повесится, чем наклеит в альбом некачественный снимок. Здесь и дураку ясно — фотку сперли. И спер ее тот самый тип, который приходил вчера ночью. — Я вскочила с дивана, размахивая альбомом. — Он за тем и приходил, чтобы украсть мою фотографию!

— Ага, — дурашливо кивнул Володька. — Это был шпион. А ты сфотографирована на фоне секретных ракет.

Я шутя замахнулась на него альбомом.

— Нет, нет! — тоже шутя, в ужасе заорал он. — Я ошибся! Просто кто-то узнал, что ты станешь знаменитой топ-моделью, и решил заранее украсть твой снимок!

Я на полную мощь врубила «кассетник»... В общем, мы стали беситься.

Вдоволь наоравшись и напрыгавшись, мы повалились без сил — я снова на диван, Володька в кресло.

— Значит так, Мухина, — отдышавшись, сказал он, — сколько тебе лет на этой фотке?

— Лет пять, наверное.

— А что ты там делаешь?

— Не помню. Вроде бы стою в детском саду...

— Слушай, а может, в других альбомах есть такой же снимок?

— Исключено. Папочка всегда оставляет лучший отпечаток.

— А негатив?

— Верно! — воскликнула я. — Должен быть негатив!

Мы помчались в кладовку, где у отца была оборудована фотолаборатория. И... замерли на пороге. Негативы вперемешку с фотобумагой валялись на полу.

Я вдруг почувствовала в душе страшное опустошение. Володька тоже помрачнел. Все то, что в какой-то момент показалось нам веселой игрой, снова превратилось в настоящую опасность.

Мы молча вернулись в комнату.

— Володька, — с тревогой сказала я, — меня выслеживает маньяк-убийца.

— Ну-у... — неуверенно протянул он. — Не думаю.

— Ой, мамочка, — я принялась в волнении ходить из угла в угол, — жить-то как хочется.

— Спокойно, Мухина, спокойно, — стал успокаивать меня Володька, видимо, вспомнив, что он все-таки мужчина. — Я тебя в обиду не дам.

— Не понимаю, — бормотала я, — если он забрал негатив, то зачем ему еще и фотография понадобилась?

— Здесь-то как раз все понятно. Сначала он

обнаружил фото. Оторвал его. А затем нашел и негатив.

— А почему он не унес весь альбом?

— Почему-почему,— вздохнул Володька.— По кочану. Кто его знает, что у него на уме.

— Мне кажется, что мы скоро об этом узнаем,— мрачно произнесла я.

И как в воду глядела.

ЛЕНОЧКА ЛЕОНИДОВНА ПАДАЕТ В ОБМОРОК

Прошло еще несколько дней. Володька уехал в Санкт-Петербург на конкурс юных скрипачей. Я осталась совершенно одна. Днем-то было еще ничего, но вечерами я вздрагивала от малейшего шороха.

Спала я теперь на полу за шкафом в маленькой комнате. А в свою кровать, под одеяло, сунула маманину шубу. На тот случай, если бандюга попытается меня убить.

Я себе это так представляла: он прокрадывается в большую комнату и с дьявольской ухмылкой вонзает в шубу свой нож! А я в этот момент подскакиваю сзади и грохаю его молотком по башке!.. На другой день в газете статья: «Отважная девочка задержала рецидивиста».

Теоретически это, конечно, выглядело неплохо. Но как все получится на практике?.. А вдруг он не свалится без сознания или я вовсе не достану молотком до его головы? Не подставлять же мне стул. А то еще лучше — возьмет и попрется сразу в маленькую комнату. От этой мысли меня прямо в жар бросало.

Но вот прошла одна ночь, вторая, третья... И пока что никто меня убивать не собирался. На дискотеки, впрочем, я все равно перестала ходить. Не то настроение. В школу идти у меня тоже на-

строения не было. Представляю, что мне выскажет Леночка Леонидовна, когда я там появлюсь.

А тут как-то раз, в среду, выглянула я в окно и глазам своим не поверила. Леночка Леонидовна собственной персоной рудит к нашей парадной. Не иначе как ко мне в гости.

Через минуту раздался звонок. Я открыла.

— Здравствуй, Мухина,— сказала Леночка Леонидовна.— Можно войти?

— Конечно,— отвечаю,— входите, Елена Леонидовна.

Вошла она и вежливо интересуется:

— А родители твои дома?

— Нет, Елена Леонидовна,— тоже вежливо говорю,— их дома нет.

— Хорошо. Я тогда подожду.

«Долго же тебе придется ждать»,— злорадно подумала я.

Она сняла пальто и, пройдя в комнату, села в кресло. Достав из сумочки чистенький платочек, стала протирать стекла очков.

— А скоро они придут?

— Недели через две.

— Как недели через две?! — выпрямилась Леночка Леонидовна в кресле.— Почему?..

Я сказала — почему. Она осуждающе покачала головой.

— Ну и что мы с тобой, Мухина, теперь делать будем?

— Давайте чайку попьем,— предложила я.

— Да я не про это,— слегка поморщилась она.— А про твои прогулы. И про твою успеваемость. О чем ты только думаешь, милочка моя?

Честно говоря, в этот момент я думала о том, что хорошо бы сейчас полакомиться зефиром в шоколаде. Но не могла же я ей об этом сказать, сами понимаете.

— Да ни о чем не думаю.

— Вот в том-то и беда, что ни о чем,— скорбно произнесла Леночка Леонидовна.— А пора бы серьезно задуматься, ты уже взрослая девочка. Другие дети в твоём возрасте...

И завела пластинку о том, какие бывают замечательные дети в моём возрасте.

И тут в дверь позвонили.

Я сразу насторожилась. Кто бы это мог быть?.. Танька с Анькой сегодня в бассейне; Володька в Питере... Между тем трезвонили все настойчивее.

Я пошла открывать. Иду, а мне словно кто в ухо шепчет: «Эмка, не открывай. Не открывай, дура...» Я остановилась в нерешительности, постояла... И дальше двинулась уже на цыпочках.

— Кто там? — бодрым голосом спросила я, прижимаясь спиной к стене.

Что здесь началось — вы не поверите.

В дверь стали стрелять!..

Честное слово, не вру. Такой грохот поднялся! Тра-та-та-та-та-та!.. У меня прямо сердце в пятки ушло. Я зажала уши и, опустившись на четвереньки, отползла в сторону кухни.

Пули легко прошивали не только входную дверь, но и дверь напротив, в ванную. Только щепки во все стороны летели.

Мне показалось, что палили целую вечность. Потом стрельба неожиданно прекратилась. «Все,— подумала я обреченно,— сейчас кинут гранату...» По квартире плавал пороховой дым. Входная дверь была как решето. Не лучше выглядела и дверь ванной. А уж про мое любимое зеркало в прихожей я и не говорю...

Я сидела на полу в каком-то оцепенении, в то же время ясно осознавая — меня хотели убить. Именно меня — Эмму Мухину. И убили бы, можете не сомневаться, если б я как нормальная идиотка подошла к дверям. На секунду я представила свое тело, лежащее в луже крови, и мне стало жутко.

На подгибающихся ногах я вернулась в комнату. Леночка Леонидовна все так же сидела в кресле. Она была без сознания. Я похлопала ее по щекам.

— Что это такое? — прошептала она.

— Меня хотели убить, — сказала я.

— Тебя? Убить?.. За что?..

— Ни за что, — ответила я. — Просто так.

— Надо, наверное, вызвать милицию, — лепетала бедная Леночка.

Тут в дверь опять позвонили.

Леночка Леонидовна слабо вскрикнула и снова потеряла сознание. Я похолодела от ужаса. Послышались глухие удары. Дверь с треском распахнулась, и в квартиру ворвались омоновцы. Здоровенные мужики в бронежилетах, масках и с автоматами в руках.

— Всем на пол! Руки за голову! Стреляем без предупреждения!!!

Ничего себе, думаю, заявочки. Но сразу же подчинилась. Потому что хоть это и омоновцы, но по зубам вполне могли прикладом заехать.

— От-ставить! — раздался властный голос, и в комнату вошел плечистый мужчина лет тридцати. — Что это вы, сержант, девочку пугаете?.. Не волнуйся, Эмма, все в порядке. Сейчас поедem в отделение, и ты мне подробно расскажешь, что здесь произошло. Договорились?

Я испуганно кивнула.

— А это твоя мать? — указал он на лежащую в обмороке Леночку Леонидовну.

— Учительница, — с трудом выговорила я.

— Ясенько. — Он снова повернулся к сержанту. — Позаботьтесь об учительнице. Если ей потребуется медицинская помощь, отвезите в больницу. Если нет, снимите показания и отвезите домой. Все понятно?

— Так точно! — гаркнул омоновец.

Внизу у подъезда стоял обшарпанный милицкий автобус с двумя крутящимися мигалками на крыше. Мы прошли мимо и, выйдя из подворотни на улицу, остановились возле ярко-зеленого «ягуара». Мужчина предупредительно распахнул передо мной дверцу.

Мы поехали.

В салоне звучала забойная музыка. Я ничего не понимала. Простой мильтон разъезжает на дорогой иномарке... «А откуда он знает мое имя?!» — вдруг прямо-таки обожгла меня тревожная мысль.

Тем временем «ягуар», влившись в поток других машин, помчался к центру Москвы. Мы выскочили на Новый Арбат, свернули на бульвары... Вскоре показались остроконечные башни Кремля. Повернув в какой-то незаметный проулок, «ягуар» остановился у серого многоэтажного здания. Приехали.

В просторном вестибюле прохаживался рослый охранник в комбинезоне защитного цвета и с отвисшей кобурой на ремне. Мы вошли в лифт и поднялись на седьмой этаж. Здесь тоже разгуливал охранник с пистолетом. По длинному ковру мы направились в самый конец коридора. По обе стороны от массивных дубовых дверей стояли еще два охранника, на сей раз с автоматами.

Двери сами собой распахнулись, пропуская нас в просторный кабинет. За большим столом сидел маленький генерал. Он что-то быстро писал.

При нашем появлении генерал поднял голову.

— Эмма Мухина, — коротко доложил мой спутник.

ДОНЕСЕНИЕ СЕКРЕТНОГО АГЕНТА Ф-17

— Так-так-так, — сказал генерал, вставая. Он крепко пожал мне руку и представился: — Генерал Пивоваров, начальник Управления внешней разведки.

От удивления я не могла вымолвить ни слова. Генерал Пивоваров, видимо, это понял.

— Майор Готов,— обратился он к моему спутнику,— вы что, ей ничего не объяснили?

— Не успел, Фрол Федосеевич,— развел руками майор Готов.— Час назад на квартиру было совершено вооруженное нападение. Стреляли из двух автоматов Калашникова. Девочку чуть не убили.

Это сообщение чрезвычайно обрадовало генерала.

— Отлично! — воскликнул он.— Замечательно! Значит, мы попали в самую точку!

Я окончательно запуталась. Что отлично?.. Что замечательно?.. То, что меня чуть не убили... или то, что они попали в самую точку?..

— Прошу к столу,— пригласил генерал Пивоваров и, нажав кнопку селектора, приказал: — Ирочка, принеси, милая, чего-нибудь сладкого.

Через минуту в кабинете появилась Ирочка. Она катила перед собой столик на колесиках. Чего на этом столике только не было! Мороженое разных сортов, пирожные, шоколадные конфеты, кексы, пряники...

— Бери все, чего душа пожелает,— разрешил генерал.— Вот эклер, вот булочки с повидлом...

— А зефира в шоколаде у вас случайно нет? — спросила я, понемногу осваиваясь в новой обстановке.

— Ирочка,— снова позвал Пивоваров.— Зефира в шоколаде, милая.

Ирочка была тут как тут. С огромной коробкой иностранного зефира.

Вот бы мне такую Ирочку, невольно подумала я. «Ирочка, сегодня диктант по русскому, сходи, милая, напиши на пятак».

— А ты в каком классе учишься? — словно угадав мои мысли, поинтересовался генерал Пивоваров.

— В седьмом,— ответила я.

— Естественно, отличница! — без тени сомнения сказал генерал.

— Да нет,— разочаровала я его,— двоечница.

— Тоже неплохо,— одобрил Пивоваров.— Еще неизвестно, кто талантливее: отличники или двоечники. Я вообще в школу не ходил, а генералом стал. А вот он,— кивнул генерал на Глотова,— институт и две академии закончил, а всего лишь майор. Жизнь, дочка, это тебе не школа.

— Прошу,— подал мне чашку майор Глов. — Турецкий кофе, без сахара...

Генерал Пивоваров целиком отправил в рот пару пирожных.

— Ну что ж, начнем, пожалуй. Итак, Эмма... — Он запнулся.— Как тебя по батюшке?

— Можно без отчества,— разрешила я и съела одну зефирину.— Мне еще нет пятидесяти.

— Итак, Эмма, я должен тебя предупредить: все, что ты сейчас услышишь, является строжайшей государственной тайной.

Я утвердительно кивнула. И съела еще одну зефирину.

— Давай, Глов,— приказал генерал.

Майор Глов достал из сейфа листок бумаги, откашлялся и с выражением прочел:

— «Совершенно секретно. Донесение агента Ф-17. По данным, полученным из достоверных источников, в Москве проживает девочка Эмма, тринадцати — пятнадцати лет. Она обладает сверхсекретной информацией, в сокрытии которой крайне заинтересованы спецслужбы одной азиатской страны. Поэтому не исключен вариант физического устранения вышеназванной Эммы. Фамилию, домашний адрес и внешность девочки выяснить не удалось. Также неясно, какого рода информацией она обладает. Ф-17».

Майор Глов снова убрал листок в сейф. На-

ступила тишина. Я отодвинула от себя пустую коробку. Пока Гловов читал, я слопала весь зефир.

— Ничего не понимаю,— пожала я плечами.— Какая еще сверхсекретная информация? Не знаю я никакой информации.

— Ты и не можешь ее знать,— пояснил майор Гловов.— Она заложена в твое подсознание.

— А вы в этом уверены?.. Может, я вовсе и не та Эмма?

— Ну, милая моя,— сказал генерал Пивоваров,— на то мы и разведчики, чтобы знать, та ты Эмма или не та. Прежде чем выйти на тебя, мы проверили все московские школы. Эмма — имя редкое, и, на наше счастье, Эмм оказалось не так уж много. А уж тех, кому от тринадцати до пятнадцати, и того меньше.

— Тем более,— добавил Гловов,— что сегодня тебя пытались устранить.

— А вдруг это случайное совпадение? — не сдавалась я.— Какие-нибудь рэкетеры пошли на разборку и перепутали адрес.

— В любом случае мы обязаны все досконально проверить,— решительно отрезал генерал.

Я насторожилась.

— И как вы себе все это представляете?

— Логика здесь простая,— принялся объяснять майор Гловов.— Раз они хотели с тобой расправиться, значит, твердо убеждены, что ты и есть та самая Эмма. Поэтому не исключен вариант повторной попытки.— Он отхлебнул кофе.— Короче, мы решили использовать тебя как приманку.

Я прямо обалдела от такого объяснения.

— Гловов,— постучал себя пальцем по лбу генерал,— ты соображаешь, что говоришь? Не надо травмировать ребенка раньше времени.

— Я правду сказал,— стал оправдываться майор Гловов.— Всегда надо говорить правду.

— Правду, конечно, надо говорить,— согласился Пивоваров.— Но не обязательно всегда.

— А как мы назовем нашу операцию? — перевел разговор на другое Глов.— Я предлагаю назвать — операция «Эмма». В честь нашей новой бесстрашной сотрудницы.— И майор игриво мигнул.

— Не возражаю.— Генерал Пивоваров поднялся со своего места.— Ну что ж, дочка, с этой минуты смерть будет ходить за тобой по пятам. Поэтому осторожность и еще раз осторожность. Это первая и самая основная заповедь шпиона.

— Разведчика,— вежливо уточнил майор Глов.

— Да, да,— поправился Пивоваров,— разведчик... А вам, Глов, я приказываю незамедлительно приступить к выполнению операции «Эмма». Дорога каждая минута.

— Слушаюсь, Фрол Федосеевич, — вскочил майор.— Вот только...

Брови генерала недовольно поползли вверх.

— Ну что еще?

— Имеются сведения, что в этом деле замешан... доктор Гроб.

— Этого нам еще не хватало,— с досадой пробурчал Пивоваров. Он полез в ящик стола и извлек оттуда черно-белую фотографию.— Вот Эмма,— генерал протянул мне снимок,— хорошо запомни этого человека. Он крайне опасен.

С фотографии на меня смотрел мужчина с безжалостным взглядом убийцы. Он был похож на мертвеца. Мне стало как-то не по себе. Я быстро вернула фото.

— Кто это?

— Доктор Гроб,— сказал Пивоваров.— Преступник международного масштаба. Мастер диверсий и террора. Пистолетом пользуется чаще, чем носовым платком. По некоторым данным, сейчас

находится в Герундии, занимается там некромантией...

— Чем, чем? — не поняла я.

— Гаданием на трупах, — пояснил майор Глотов.

От страха у меня мурашки по спине забегали. «Боже мой, — подумала я, закрывая глаза. — Автоматчики, стреляющие по дверям, омоновцы, Управление внешней разведки, секретный агент 17, операция «Эмма», какая-то дурацкая информация в моем подсознании, а для полного счастья — еще и доктор Гроб с некромантией...» У меня вдруг возникло странное ощущение, что все это мне только снится. И сейчас я открою глаза и окажусь в гостях у своего дедушки в Задонске. Мы пойдем ловить рыбу, а потом будем есть арбузы в беседке.

Я открыла глаза. Передо мной стояли генерал Пивоваров и майор Глотов.

— Поздравляю тебя, Эмма Мухина, — театрально говорил Пивоваров. — Ты попала в удивительный мир секретной службы. Мир, в котором совершаются самые невероятные и фантастические вещи. У тебя начинается новая, чудесная жизнь, дочка, полная опасностей и приключений. — Генерал отечески поцеловал меня в лоб. — Надеюсь, ты рада?!

— Еще бы, — ответила я. — Просто счастлива.

В ПАРИЖ!

— Не обращай на старика внимания, — сказал майор Глотов, когда мы вышли из кабинета. — В молодости он мечтал стать актером, поэтому его иногда заносит. Начинает говорить так, словно читает монолог из пьесы.

Мы сели в лифт и спустились глубоко под

землю. Здесь находился тир. Несколько человек стреляли по мишеням.

— Сейчас я научу тебя маленьким, но весьма необходимым в секретной работе вещам.— Глотов сунул руку за пазуху и достал большой пистолет.— Вот это казенник,— принялся объяснять он,— в него вставляется обойма с патронами. А это курок, на него надо нажимать, когда стреляешь.

— Дайте-ка сюда вашу пушку,— перебила я и забрав у обалдевшего майора пистолет, почти не целясь, выстрелила три раза по мишени.

Глотов поглядел в оптическую трубу.

— Вот это да! Все три выстрела — в «десятку»! Стреляешь ты отлично, Эмма. Пошли дальше.

Мы пошли дальше. И пришли в спортзал.

Майор Глотов подвел меня к двухметровому верзиле, у которого на мускулистом плече было вытатуировано сердечко с надписью «Катя + Борис».

— Борис Сергеич,— обратился к нему Глотов.— Познакомься — наша новая сотрудница Эмма Мухина. Покажи ей несколько приемов со смертельным исходом.

Верзила смерил меня презрительным взглядом.

— Глотов,— пробасил он,— ты что, совсем спятил? Подростков в разведку берешь. Ей же еще куклы играть.

— Вот давайте сейчас и поиграем,— сказала я задетая его пренебрежительным тоном.

— Ладно, красавица,— усмехнулся верзила,— сама напросилась. Встань вот сюда, около мата. А то боюсь, как бы твои юные косточки не переломались. А теперь смотри...

С этими словами здоровенный кулак полетел в мою сторону. Я стремительно уклонилась вправо и резко выбросив левую ногу вверх, ударила его кроссовкой в шею!

Нехорошо, конечно, поступила. А кто говорит что хорошо?..

Верзила покачнулся и грохнулся на мат. Даже пол слегка завибрировал.

— Неплохой ударчик,— одобрил майор Гло-тов.— Идем дальше.

В секретной библиотеке, куда мы пришли после спортзала, древний старичок со слезящимися глазами долго и нудно объяснял мне, как уходить от погони, как вести себя на допросах, а также куда лучше всего прятать шифровки в случае провала.

— Закрой, милое дитя, глазки,— просил он. Я закрывала.

— А сейчас открой. Теперь хороше-е-нько подумай, куда я мог спрятать зашифрованное донесение?

— А чего тут думать,— хмыкала я,— оно у вас из уха торчит.

Старичок смущенно закашлял.

— Ну, Эмка,— с восхищением произнес Гло-тов,— ты прирожденная разведчица.— Он глянул на часы.— Жаль, с парашютом не успели попрыгать. А может, ты уже прыгала?

— Чего нет, того нет,— сказала я.

— Ладно, как-нибудь в следующий раз. Ты только запомни на всякий случай: когда подлетаешь к земле, ноги должны быть ниже головы. Вот так,— продемонстрировал он.— А теперь пошли гримироваться.

В какой-то комнате две женщины усадили меня в кресло перед зеркалом и принялись накладывать на лицо густой грим, приклеивать ресницы и выщипывать брови. Затем пришла еще одна женщина и занялась моими волосами... Короче, когда я открыла глаза и посмотрела на себя в зеркало — передо мной сидела тетка лет тридцати пяти. Тут же явился шустрый фотограф и сделал несколько снимков.

— Вот, пожалуй, и все,— удовлетворенно произнес Гловтов.— Сейчас твое фото наклеят на за-

гранпаспорт, и можно отправляться в Париж.

— Куда, куда? — не поверила я своим ушам.

— В Париж, милая! В столицу мира!

Ну и денек у меня сегодня выдался, прямо не соскучишься. То одно, то другое, то третье... Впрочем, против Парижа я ничего не имела.

— Только мне надо домой заскочить, — предупредила я. — А то квартира открыта, дверь вся в дырках.

— Об этом можешь не беспокоиться, — заверил меня майор. — Я все улажу. Поставим тебе бронированную дверь. Ее не то что из автомата — из пушки не прошибешь!

Вскоре принесли новенький паспорт, и мы помчались в аэропорт.

— Слушай меня внимательно, девочка, — говорил Глотов, сидя за рулем «ягуара» и глядя на дорогу. — Как только ты прилетишь в Париж, сразу бери такси и поезжай в небольшой русский ресторанчик под названием «Жареный петух». Он находится неподалеку от Эйфелевой башни. Там ты сядешь в зале у окна и закажешь две порции борща. Запомни, не одну, а две. К тебе подойдет мужчина средних лет и скажет: «Морская свинка Афанасий». Ты ему должна ответить: «Пошла и утопилась в квасе». Это пароль.

Я хихикнула.

— Ничего смешного здесь нет, — нахмурился Глотов. — Этот простенький пароль помог нам избежать множества провалов. — Он помолчал. — Дальнейшие инструкции получишь непосредственно от нашего резидента в Париже. Все понятно?

— А деньги? — спросила я.

— Какие деньги?

— Интересное дело. На такси, на ресторан... Или в Париже все бесплатно?

— Молодец, Эмка, — одобрительно глянул на меня Глотов. — Я специально не стал говорить про

деньги. Хотел проверить твою сообразительность.— Он открыл «бардачок» и достал бумажник.— Держи, девочка. На первое время тебе хватит.

Мы подкатили к аэропорту.

— Ну, с Богом.— Майор три раза перекрестил меня.

— Пока,—махнула я рукой и побежала к самолету.

РЕСТОРАН «ЖАРЕННЫЙ ПЕТУХ»

Я уселась на свое место, рядом с иллюминатором. После такого напряженного дня я чувствовала себя совершенно разбитой. В проходе салона появилась миловидная стюардесса и начала что-то быстро говорить. Но я ее уже не слышала, погрузившись в тревожный, полный кошмаров сон.

Мне снился Володька, который стоял на сцене и вместо скрипки держал у плеча автомат Калашникова. Он водил по нему смычком. Автомат стрелял в зрительный зал короткими очередями. Потом вдруг, откуда ни возьмись, появилась Леночка Леонидовна в генеральской форме. Сделав зверское лицо, учительница пошла на меня.

— Попалась, милочка моя...— Ее длинные пальцы извивались словно черви.

— Леночка Леонидовна,— в ужасе закричала я,— вы кто?!

— Я доктор Гро-об!!! — дико захохотала она.

И все в таком роде. Как я со страху не умерла, до сих пор удивляюсь.

Проснувшись я от того, что кто-то легонько тряс мое плечо. Я открыла глаза. Рядом со мной стояла стюардесса.

— Мы уже в Париже,— улыбнулась она.— Пора выходить.

— Где мы?..— Со сна я ничего не понимала.

— В Париже.

Тут я окончательно проснулась и все вспомнила. В салоне уже никого не было. Поблагодарив стюардессу, я направилась к выходу.

Быстро миновав таможенный и паспортный контроль, я вышла к стоянке такси. И, как учил майор Глов, сказала таксисту фразу по-французски: «Ресторан «Жареный петух»,— а для большей надежности помахала руками и два раза прокукарекала.

— Да понял я,— ответил таксист по-русски, и мы поехали.

В Пари́же была весна.

За окнами мелькали красочные витрины магазинов, мчались потоки машин, цвели каштаны, гуляли парижане... Вдруг справа показалась Эйфеле-

ва башня. Я прямо завизжала от восторга. Таксист испуганно ударил по тормозам.

Неужели я действительно в Париже?! С ума сойти!..

Такси остановилось. Расплатившись, я вышла. И первое, что увидела, это большая вывеска с русской надписью «Жареный петух». Между первым и вторым словом сидел нарисованный жареный петух на вертеле и весело улыбался. Чему уж он так радовался?..

В зале почти никого не было. Так, пара-тройка человек по углам. Я села за столик у окна. Ко мне тут же подскочил официант в алых шароварах и белой рубаше навыпуск.

— Чего-с изволите, мадемуазель? — спросил он.

— Борщ, — сказала я. — Две порции.

— Вам как, две порции в одну тарелку?

Я задумалась. В самом деле — как?.. Насчет тарелок майор Гловин инструкций не давал. Хотя, если рассуждать логически, не будет же резидент заглядывать в тарелку, прикидывая на глаз — одна там порция или две.

— Нет, — твердо ответила я, — две тарелки борща.

— На второе чего изволите?

— Ничего.

— Пить будете?.. Имеется русская водочка.

Я чуть со стула не свалилась. Ничего себе ресторанчик — школьницам водку предлагают! И уже хотела чего-нибудь сострить на этот счет, но вовремя прикусила язык, вспомнив, что выгляжу далеко не школьницей. Поэтому как можно вежливее ответила:

— Благодарю, любезный, я лучше борщичка похлебаю.

Когда официант принес две тарелки борща, я снова стала в тупик: есть ли сейчас или лучше

подождать резидента? А то, чего доброго, увидит одну тарелку полную, а другую — пустую и подумает, что это провал. Вздохнув, я с сожалением отложила ложку в сторону.

И тут ко мне подсел мужчина. Лет сорока с хвостиком. Он заказал себе курицу-гриль и графин водки. Когда ему принесли заказ, он с такой жадностью набросился на бедную курицу, будто не ел лет двести. У него прямо за ушами трещало, честное слово. А я сидела напротив и глотала слюнки.

Обглодав курицу до самых костей и выпив водки, мужчина вполголоса сказал:

— Морская свинка Афанасий.

Меня прямо зло взяло. Сам ты, думаю, свинья. Нажрался, напился, а теперь пароль говоришь.

— Влюбилась в свинку дядю Васю, — мстительно ответила я.

Резидент побледнел. Правая рука его быстро нырнула в карман брюк.

— Что вы сказали? — напряженно спросил он.

— Пошла и утопилась в квасе.

Резидент вытер ладонью вспотевший лоб.

— Я уж думал, провал. Вы что, пароль забыли?

— Да нет, — ответила я как ни в чем не бывало. — Просто решила пошутить.

— Что вы себе позволяете! — зашипел он. — Это секретная работа, а не шуточки. — Потом немного успокоился и заговорил нормальным голосом: — Я сейчас выйду на улицу, через пять минут вы тоже выходите. Встретимся за углом.

— Нет уж, — живо возразила я. — Вы курицу слопали?.. Слопали. Теперь моя очередь подкрепиться.

И я наконец-то принялась за свои борщи. Настроение мое мигом улучшилось.

— Так вы и есть Ф-17? — из любопытства спросила я.

Резидент покачал головой.

— Ф-17 — наш суперсекретный агент. А меня зовут Жан Тряпье.

— Вы что, француз?

— Да нет, — нехотя ответил он. — Я русский, из-под Вологды. Настоящее имя — Иван Тряпкин.

— А здесь, в Париже, чем занимаетесь? — не унималась я. — Шпионажем?

— Послушай, дорогая, — взорвался Тряпкин, — не слишком ли ты много вопросов задаешь?!

— Тс-с-с, — приставила я ложку к губам. — Нас могут услышать.

Тряпкин перешел на шепот:

— Завтра вечером мы встречаемся с господином Сундзуки. Человеком-мутантом. Он умеет читать мысли и проникать в глубинное подсознание. По твоей фотографии ему...

— Та-а-ак, — перебила я, — выходит, это вы ее свистнули.

— Что свистнули? — с недоумением спросил Тряпкин.

Я рассказала о пропавшей фотографии.

— Это работа доктора Гроба! — Он возбужденно вскочил со стула. — Значит, ему тоже удалось выйти на господина Сундзуки. Нельзя терять ни секунды. Едем!

ВИЗИТ К ГОСПОДИНУ СУНДЗУКИ

Господин Сундзуки оказался мне по колено — крошечный карлик с малюсенькими ручками и ножками.

— Тебя зовут Эмма Мухина, — пропищал он. — Ты русская. Учишься в седьмом классе московской школы № 324. Двоечница, лентяйка и прогульщица.

«Последнее мог бы и не говорить», — подумала я.

— Не перебивай меня! — нервно закричал гос-

подин Сундзуки.— Тебе в подсознание заложена секретная информация. Думай об этой информации! Думай!.. Думай!!!

Легко сказать — думай. Но как можно думать о том, чего не знаешь? Вот о зефире в шоколаде я могу подумать. И перед моим мысленным взором поплыла большая коробка зефира.

— Сейчас же перестань думать о зефире! — затопал ножками господин Сундзуки.

— Но я его очень люблю.

— Мсье Тряпье,— обратился мутант к Тряпкину,— смойте с ее лица этот дурацкий грим. Он мне мешает работать.

Мы пошли в ванную.

— А откуда он знает русский язык? — спросила я.

— Это же мутант,— ответил Тряпкин.— Он все знает.

В ванной я как следует вымыла лицо, расчесала волосы и снова превратилась в саму себя.

— Вот это совсем другое дело,— одобрил господин Сундзуки, когда мы вернулись. И опять уставился на меня немигающим взглядом.— Думай об информации! Думай!.. Думай!!!

Тряпкин, чтобы не мешать, удалился за дверь. Мы просидели часа полтора, неустанно плясая друг на друга.

— Мсье Тряпье! — наконец позвал мутант.

— Ну? — робко заглянул в комнату Тряпкин.

— Баранки гну. Ничего не получается.

— Вы же говорили, что с живой девочкой должно получиться.

— Мало ли что я говорил. Видно, информация заложена очень давно. В раннем детстве.

— И что теперь? — уныло спросил Тряпкин.

— Снова нужен снимок, но старый. На котором ей лет пять, не больше.

Я вспомнила об украденной фотке.

— Господин Сундзуки, вам должны были приносить этот снимок!

— Ой, девочка,— отмахнулся мутант,— ты хоть не морочь мне голову.

— И все-таки,— настаивала я,— вы не могли не запомнить этого человека. Он похож на мертвеца.

— Постой, постой,— наморщил лоб господин Сундзуки.— Мужчина с безжалостным взглядом убийцы, не так ли?

— Так! — подтвердила я.

— Доктор Гроб! — с досадой воскликнул Тряпкин.— Все-таки он нас опередил!

— Не волнуйтесь, Жан,— успокоил его мутант.— С той фотографией тоже ничего не вышло.

В дверях появилась молодая японка в кимоно. Она пристально посмотрела господину Сундзуки в глаза. Мутант понимающе кивнул.

— Хочу сообщить вам радостное известие,— сказал он, когда японка исчезла.— Дом окружен полицией. Но я подозреваю, что они такие же полицейские, как вы, Тряпкин,— Жан Тряпье.

— Это люди доктора Гроба! — Тряпкин выхватил из кармана пистолет.— Ну я им сейчас покажу, где раки зимуют!

— Потом будете раков показывать,— остановил его господин Сундзуки.— Это не люди доктора Гроба. Это... Это... — мутант напрягся,— это французская контрразведка! Вы же русский шпион, Тряпкин.

— И вовсе я не шпион,— покраснел Тряпкин.

— Ладно, некогда спорить,— сказал господин Сундзуки.— Вы пробирайтесь черным ходом, а мы с Эммой попробуем уйти через главный.

— Вам-то зачем уходить? — удивился Тряпкин.

— Затем же, зачем и вам. Я тоже шпион. Но только — японский.

Тряпкин бросился к двери.

— Встретимся в «Петухе»! — крикнул он на прощание.

— Эмма, — начал распоряжаться господин Сундзуки, — быстро доставай из шкафа комплект пеленок!

Я полезла в шкаф. На полке действительно лежала целая стопка выглаженных пеленок.

Господин Сундзуки ловко вскарабкался на стол.

— Пеленаяй меня, — приказал он.

Я поняла его хитрость. Тут же расстелила две пеленки, положила на них крохотного господина Сундзуки и старательно запеленала. Потом подхватила на руки и выскочила в коридор.

По лестнице поднимались двое полицейских с короткоствольными автоматами. Они подозрительно оглядели меня, и один что-то спросил по-французски.

Я растерянно молчала.

— А-а-а-а! — завопил, как младенец, господин Сундзуки. — А-а-а-а!..

— Утю-тю-тю-тю! — Я склонилась над ним и начала тихонько покачивать.

Полицейские стали подниматься выше. Я выбежала на улицу и, остановив первое попавшееся такси, без сил рухнула на сиденье. Сердце бешено колотилось.

Господин Сундзуки высвободился из пеленок и закурил толстую сигару.

— Гони на всю катушку, — по-русски сказал он водителю. — Плачу двойной тариф.

— Куда гнать-то? — спросил таксист.

— Попетляй, дружок, попетляй, — неопределенно помахал ручкой мутант. — Надо обрубить «хвосты», — шепнул он мне на ухо.

Таксист начал петлять.

...Вволю напетлявшись, мы подкатали к японскому посольству.

— Расплатись с соотечественником,— небрежно бросил господин Сундзуки, вылезая из машины.

Я выгребла из бумажника почти все франки.

— Ну что ж, Эмма Мухина,— сказал мутант, протягивая мне свою крохотную ладошку,— как говорят у вас в России, ни пуха тебе ни пера.

— К черту, господин Сундзуки,— бодро послала я его и добавила: — А вы случайно не помните, что было на той фотографии, которую вам показывал доктор Гроб?

— Случайно помню. Ты там стоишь на арене цирка.

— Точно! — закричала я так громко, что несколько прохожих испуганно оглянулись. — Фокусник позвал меня на арену, и я помогала ему показывать разные фокусы. Только не помню, где это было.

Лицо господина Сундзуки словно окаменело. Он весь дрожал от напряжения. На висках у него вздулись синие жилки.

Я с ужасом смотрела на мутанта.

Господин Сундзуки постепенно приходил в себя.

— Этот фокусник и вложил в тебя таинственную информацию,— тяжело дыша, произнес он. И, резко повернувшись, скрылся за дверью японского посольства.

БЕГСТВО

Я побрела по незнакомым улицам. Купила себе на оставшиеся франки горячий «хот-дог», запила его стаканчиком холодной кока-колы, и жизнь снова показалась мне прекрасной.

В конце концов я жива-здоровая и гуляю по весеннему Парижу.

Я решила не спешить в «Жареный петух». Пускай Тряпкин подождет — ничего, не развалит-

ся. Тем более что операция «Эмма», судя по всему, зашла в тупик.

Я направилась в сторону Эйфелевой башни. «Как интересно,— думала я, пиная пустую банку из-под пива,— где-то здесь ходят мои родители. Вот смеху-то будет, если мы неожиданно столкнемся!»

И вдруг я услышала до боли знакомый голос маман.

— Ой, Игорек, смотри! — кричала она на весь Париж. — Как на нашу Эмму похожа!

Я повернула голову. Так и есть — маман, а рядом с ней, конечно же, папочка, увешанный фотоаппаратами.

— Елки-палки, — тарасился он на меня. — Вылитая Эмка!

Они подошли ближе.

— Э-э, мадемуазель,— обратилась ко мне маман.— Вы очень похожи на нашу дочь.

— Се ля ви,— ответила я.

— Ой-ой-ой,— обрадовалась маман.— Игорек, она меня понимает! Вы меня понимаете?!

— Понимайн,— старательно коверкала я слова.— Очшен понимайн.

Папочка уже настраивал один из своих фотоаппаратов.

— Позвольте, мадемуазель,— попросил он смущенно,— сфотографировать вас на фоне Эйфелевой башни.— И, обращаясь к маман, добавил:— Вот Эмка-то удивится, когда увидит себя в Париже.

— Но, но,— завертела я головой.— Но фотографировать. Только за мани.— Я выразительно пощелкала пальцами.

Пришлось папочке раскошелиться. А маман полезла в свою необъятную сумку и достала оттуда — что бы вы думали? — зефирину в шоколаде!

— Угощайся, доченька,— растроганно сказала она.— Как же там моя Эммочка...— Маман всхлипнула.

Мне так ее жалко стало, что я тоже чуть не разревелась. Вот, блин, думаю, рядом стоят родные отец и мать, а мне нельзя признаться, что я — это я.

Такова тяжкая доля разведчика.

Я горестно вздохнула, кисло улыбнулась в объектив, и мы разошлись как в море корабли.

После этой встречи у меня пропало всякое желание подниматься на Эйфелеву башню. Тем более что вход на нее оказался платным, и чем выше — тем дороже. Поэтому я сразу пошла в «Жареный петух».

Начинало понемногу темнеть. Зажигались огни разноцветной рекламы.

Рядом со мной затормозил какой-то драндулет то ли «вольво», то ли «порше». Красивая женщина открыла дверцу и что-то быстро сказала по-французски.

— Чего? Чего? — переспросила я.

Она тут же перешла на русский:

— Вы не знаете, как проехать на Елисейские поля?

Вот так Париж, все по-русски шпарят!

— Да нет, — отвечаю, — я не местная.

— Простите? — приставила женщина ладонь к уху.

— Я говорю, что не знаю! — повысила я голос.

Но, по-видимому, она была глухая как пень.

— Вы не могли бы, — просит, — наклониться к машине? А то я плохо слышу.

Я наклонилась к самым дверям и закричала:

— Не знаю!!!

Женщина цепко схватила меня за руку и с силой рванула на себя. Я влетела в салон и повалилась ей на колени. Хлопнула дверца.

Машина помчалась с бешеной скоростью.

— Вы что, ненормальная?! — заорала я на эту дуру.

— Успокойся, Эмма. — Она закурила сигарету. — Морская свинка Афанасий.

— Пошла и утопилась в квасе, — растерянно ответила я.

— Меня зовут Элизабет, — представилась женщина. — Я работаю на Тряпкина. Он арестован.

— Тряпкин арестован?!

— Да. Три часа назад его арестовала французская контрразведка. Как новозеландского шпиона.

— А при чем тут Новая Зеландия? — опешила я.

— Он работал по контракту на секретную службу Новой Зеландии.

— А разве так можно?

— Конечно, можно. Актеры же снимаются в иностранных фильмах. Почему бы и разведчикам не работать на иностранные разведки? — Элизабет затолкала окуроч в пепельницу. — Я, к примеру, работаю на русскую разведку и на американскую.

— А я на русскую, аргентинскую и эстонскую, — добавил водитель.

— Это мсье Фабр, — представила его Элизабет. — Наш связной.

— Но почему Тряпкина арестовали как новозеландского шпиона, а не как нашего? — недоумевала я.

— Потому что доктору Гробу невыгодно, чтобы французы вышли на тебя, — объяснила Элизабет. — А именно он выдал Тряпкина французской спецслужбе.

Я совсем запуталась во всех этих шпионских тонкостях и решила сменить тему:

— А зачем вы втащили меня в машину?

— Чтобы избавить от «хвоста».

— Разве за мной следили?!

— А ты думала! Это же Париж, милая. Здесь все друг за другом следят.

— А! Точно! — вспомнила я. — Длинный тип, похожий на латиноамериканца. Он тащился от самого японского посольства, да?!

Элизабет молча кивнула.

Пока мы разговаривали, машина выехала из Парижа и помчалась по автостраде. Вдалеке виднелись симпатичные особнячки. Вскоре мы свернули в сторону и подкатили к одному из таких особняков.

Элизабет провела меня в уютную гостиную, а сама ушла готовить ужин. Мсье Фабр затопил камин и тоже удалился. Я села на мягкий пуфик и стала глядеть на огонь. Глаза начинали понемногу слипаться.

«Как хорошо,—думала я,—сейчас поужинаю и спать...»

В гостиную вошла озабоченная Элизабет.

— Получена шифровка из Центра,—сообщила она.— Ты должна немедленно возвращаться в Россию.

Все мои мечты о вкусном ужине и прохладных простынях растаяли как дым.

— Немедленно,—упавшим голосом повторила я.— Что, у вас уже и билет на самолет имеется?

— Билета нет,—ответил появившийся мсье Фабр.— А самолет — есть.

Мелодично зазвонил телефон. Элизабет сняла трубку.

— Да,—сказала она,—да, да.— И, бросив трубку, поднялась с кресла.— Нас выследили. Доктор Гроб со своими головорезами через пять минут будет здесь.

Мы выбежали на улицу. Стояла ночь.

Общими усилиями выкатили из ангара маленький спортивный самолетик. Вдали слышался шум приближающихся машин.

— Это они! — закричала Элизабет.— Быстро в самолет! Я вас прикрою!

Мсье Фабр был уже в кабине. Взревели моторы. Элизабет, подсадив меня, побежала открывать ворота. Моторы взревели еще сильнее. Самолет, набирая скорость, покатыл по дороге. Навстречу неслись три автомашины с зажженными фарами. Первая, чтобы избежать столкновения резко свернула вправо. Из второй раздались автоматные очереди.

Мы взмыли в темное небо.

Тут же застрочил пулемет со стороны дома. Это стреляла Элизабет. Бандиты перенесли весь огонь на нее.

— Мсье Фабр,—пыталась я перекричать ревом моторов,— а что будет с Элизабет?

— О ней можешь не беспокоиться,— донесся до меня голос мсье Фабра.— Элизабет отчаянная тетка! Бывшая десантница! Она любит такие заварушки!

Как бы в подтверждение его слов внизу, один за другим, ухнули три мощных взрыва.

— Во дает!— с восторгом крикнул мсье Фабр.— Она из них отбивную котлету сделает!

Прощально покружив над домом, мы полетели в сторону Атлантического океана.

СНОВА В РОССИИ

Под мерный шум моторов я уснула. И мне опять приснилась Леночка Леонидовна. Она летела рядом с самолетом, махая руками.

— Вот что, милочка моя,— строго говорила Леночка,— если ты не напишешь контрольную по алгебре, я тебя съем.

— А вот и не съедите,— смело отвечала я.— Я у вас в желудке не помещусь.

— Ничего-о,— посмеивалась училка.— Володька Воробьев поместился, и ты поместишься.

— Эмма-а, Эмма-а...— услышала я Володькин голос из живота Леночки Леонидовны.

Я проснулась.

— Эмма! Эмма! — продолжал кто-то звать.

— Да?! Что?! — откликнулась я, протирая кулаком глаза.

Самолет летел в густом тумане. Ничего не было видно.

— Возьми под сиденьем парашют,— прокричал мсье Фабр.— Когда будешь прыгать, не забудь дернуть за кольцо.

Мне показалось, что я все еще сплю.

— Я должна прыгать с парашютом?!

— Ну прыгай без парашюта,— пошутил мсье Фабр.

— Но я же никогда не прыгала!

— Давай быстрее,— торопил он.— А то у меня горячее кончается.

— Ой, мамочка,— растерянно забормотала я, шаря руками под сиденьем. Парашюта не было.

— Здесь ничего нет! — закричала я.

— Черт побери! — выругался мсье Фабр.— Видимо, я его в ангаре оставил... Мда-а. Придется тебе действительно прыгать без парашюта.

— Ни за что!!! — с отчаянной решимостью крикнула я.

— Да не бойся ты. Я пролечу над самой водой. В бассейне прыгала с вышки?..

В бассейне я, конечно, прыгала. Но здесь-то был не бассейн!

— Запоминай,— начал давать инструкции мсье Фабр.— Внизу тебя подберет подводная лодка. Капитан ничего не должен знать об операции «Эмма». Его задача — доставить тебя на Родину, в Санкт-Петербург. Там у памятника Пушкину, с десяти до одиннадцати, тебя будет ждать наш агент с рыжими усами и черным портфелем. Пароль прежний... А сейчас приготовься — иду на снижение.

Самолет плавно скользнул вниз. Я открыла дверцу. В кабину ворвался мокрый ветер. Я крепко ухватилась за нижнюю скобу дверей и повисла над океаном.

— Пошла-а-а!.. — во все горло завопил мсье Фабр.

Разжав пальцы, я стремительно понеслась в бездну.

...К счастью, вода оказалась совсем рядом. Я как мячик поскакала по волнам. Потом стала испуганно барахтаться, хлебая соленую воду.

Туман рассеялся. Я огляделась. Вокруг расстился Атлантический океан. Обещанной подводной лодки не было и в помине.

«Боже мой,— ужаснулась я,— здесь же, наверное, водятся акулы». А если даже и не водятся — то сколько я смогу продержаться в холодной воде?.. Час?.. два?.. А потом — что? Идти на дно рыб кормить...

Вдобавок ко всему поднялся нешуточный ветер и появились громадные волны. Мокрая одежда тянула вниз. Если меня сейчас не найдут — это конец.

И тут впереди мелькнуло что-то черное.

— Эмма Мухина! — раздался мужской голос, усиленный мегафоном. — Ты где?!

— Я здесь! здесь! — закричала я, махая руками.

На подводной лодке мне дали сухую одежду, которая оказалась на несколько размеров больше. И в таком нелепом виде я предстала перед грозным капитаном.

— Тысяча чертей! — с ходу заорал он. — Как можно прыгать с самолета без парашюта?! Ты соображаешь, что делаешь?!. — Капитан с силой грохнул кулаком по столу.

— Но ведь все обошлось, — тихо возразила я.

— Обошлось?! — зарычал он. — А знаешь ли ты, две тысячи чертей, что, когда мы пойдем мимо Швеции, нас могут забросать глубинными бомбами?!

— А может, не забросают? — высказала я робкое сомнение.

— Не забросают? Ха-ха-ха, — хрипло расхохотался он. — Держи карман шире! Раз женщина на борту — обязательно забросают!

— Но я же еще только девочка.

— Вот именно — девочка! — с новой силой взревел капитан. — Делать мне больше нечего, как сопливых девчонок по Атлантике катать!!!

Тут и меня разобрало. Подумаешь — корчит из себя морского волка.

— Тоже мне, капитан называется,— с презрением сказала я.— Каких-то глубинных бомб испугался. Вот когда мой дедушка был капитаном, он ничего не боялся.

— Твой дедушка был капитаном? — недоверчиво пробурчал этот грубиян.— Небось на дырявой калоше мальков в Волге ловил.

— Сами вы дырявая калоша,— обиделась я за своего дедушку.— Мой дедушка — настоящий морской волк. В отличие от вас. Он обошел все моря и океаны.

— Ну и как его зовут? — с усмешкой спросил капитан.— Я с пятнадцати лет на флоте. Всех наперечет знаю.

— Его зовут капитан Кэп! — гордо ответила я. От этих слов он даже сел мимо стула.

— Ты внучка капитана Кэпа? — потирая ушибленный бок, переспросил он.

— Да,— скромно призналась я.

— Три тысячи чертей!!! — уже восхищенно заорал он и, схватив со стола микрофон, приказал: — Свистать всех наверх!

Через минуту вся команда выстроилась в тесном коридорчике.

— Ребята,— сказал капитан,— хочу сообщить вам радостную новость! У нас на борту находится внучка легендарного Кэпа!

— Ура-а!!! — закричали матросы и офицеры.

И тут же устроили в мою честь праздничный ужин с концертом. Судовой кок Лешка наварил целый чан макарон по-флотски (любимое блюдо моего дедушки), а матросы сплясали «Яблочко».

Теперь каждый вечер капитан Сидорчук заходил в гости ко мне в каюту. Мы пили чай с малиновым вареньем, и он рассказывал всевозможные истории о капитане Кэпе. Я даже не подозревала, что мой дедушка был таким искателем приключений.

— А ты думала? — говорил капитан Сидорчук, прихлебывая чай из алюминиевой кружки. — Кто ищет приключений, девочка, тот их всегда находит. А капитан Кэп даже на «Летучий Голландец» умудрился попасть. — И далее следовала захватывающая история о том, как дедушка побывал на «Летучем Голландце»...

В общем, все шло замечательно. Но всему приходит конец. Пришел конец и моему подводному путешествию.

Мы всплыли в Балтийском море и на моторной лодке помчались к Питеру. День обещал быть пасмурным. Вскоре показались острый шпиль Адмиралтейства... купол Исаакиевского собора... Медный всадник... Лодка уткнулась носом в гранитную набережную.

— Ты уж прости, Эмма, если чего не так, — комкал в руках фуражку капитан Сидорчук. — Мы, моряки, — народ простой. Сначала делаем, а потом уж думаем.

— Ну что вы, капитан! — Я потрепала его взъерошенные волосы. — Все о'кей!

— И обязательно передавай от меня привет капитану Кэпу. Так и скажи: Федор, мол, Сидорчук привет передавал. Поклянись, что не забудешь.

— Чтоб мне век моря не видать! — поклялась я и, перепрыгнув на берег, побежала в сторону Летнего сада.

...В Питере я бывала не раз и поэтому без труда отыскала памятник Пушкину, который стоял рядом с Русским музеем. Впрочем, я зря так торопилась. На встречу никто не пришел. Нет, подходили, конечно, какие-то люди. Но одни были с рыжими усами, но без черных портфелей, а другие — с черными портфелями, но без рыжих усов.

Безрезультатно прождав два часа, я отправилась на Невский проспект. «Хорошенькое дело, — размышляла я по дороге, — что же мне завтра —

опять сюда тащиться?.. А ночевать где?..» Я достала из кармана бумажник и пересчитала просоленные Атлантическим океаном франки.

Захотелось есть. Последний раз я ела под водой, когда кок Лешка приготовил бесподобные блинчики с творогом. При воспоминании об этих блинчиках есть захотелось еще сильнее.

Что же делать?..

Я остановилась у зеркальной витрины полюбоваться на свое голодное отражение. И тут увидела высокого типа, похожего на латиноамериканца.

«Пять тысяч чертей», — с досадой подумала я. За мной снова начиналась слежка.

МАЛЕНЬКАЯ НОЧНАЯ СЕРЕНАДА

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я быстро пошла в сторону Гостиного двора. Там всегда толпится много народу, и вряд ли они рискнут схватить меня в толпе, средь бела дня. Но скоро наступит вечер, а затем ночь...

Надо было срочно отрываться от «хвоста».

Я хотела уже нырнуть в метро, но вовремя вспомнила, что у меня нет рублей. Следовало поменять франки. Я вошла в первый попавшийся обменный пункт. Это оказались кассы Малого зала филармонии. Встав в очередь к окошку, в котором меняли валюту, я мельком глянула на афиши, развешанные по стенам.

Сердце мое радостно екнуло. С одной из афиш на меня, улыбаясь, смотрел Володька Воробьев.

Володька!.. Как же я могла забыть, что он в Питере!

Я тотчас подскочила к соседнему окошку, за которым интеллигентная старушка-кассирша продавала билеты в Малый зал.

— Мне, пожалуйста, один билет на сегодняшнее представление. — Я торопливо сунула ей франки.

— Куда-куда? — закудаhtала старушка-кассирша. — На представление?.. Здесь, деточка, филармония. А представления в цирке показывают.

— Хорошо, хорошо, — соглашалась я. — Дайте один билет на заключительный концерт юных скрипачей.

— Концерт уже начался, — сухо ответила она. — Ты будешь мешать музыкантам самовыражаться.

— Да я на цыпочках, на цыпочках...

— А что за деньги ты мне даешь?

— Это мне папа подарил, — несла я всякую чушь. — На день рождения.

— Не понимаю, — принялась возмущаться старушка. — Как можно детям дарить валюту?!

Но франки все же взяла.

Схватив билет, я побежала в зрительный зал.

Любителей послушать юных скрипачей было, прямо скажем, не густо. Первые три ряда вообще пустовали. На сцену вышла накрашенная тетечка в длинном платье и важно объявила:

— Альбинони. «Адажио». Исполняет Владимир Воробьев. Город Москва.

Раздались жидкие аплодисменты.

На сцене появился Володька в черном фраке и с белой бабочкой. Он зажал скрипку между плечом и подбородком и заводил по ней смычком. Полилась заунывная мелодия, типа похоронной. Ждать, когда он все это пропиликает, у меня не было ни времени, ни желания. Я прошла в первый ряд и села напротив Володьки. Он играл с закрытыми глазами.

— Володька, — громким шепотом позвала я.

Лицо его приняло недоуменное выражение. Он открыл глаза и посмотрел в зал.

— Да здесь я, здесь, — шептала я. — У тебя под носом.

Когда Володька увидел меня, его лицо и вовсе

вытянулось, словно огурец. Он сделал два шага к краю сцены.

— Как ты тут оказалась? — не переставая играть, тоже шепотом спросил он.

— Потом расскажу. Давай скорее. За мной гонятся.

— Ты с ума сошла! — Володька округлил глаза, но все же стал играть в два раза быстрее.

В зале недоуменно зашептались. Я оглянулась. Латиноамериканец был уже здесь. Стоял в дверях.

— Володька, — в полный голос сказала я, — нам надо бежать.

Он заиграл еще быстрее. Рука со смычком просто-таки мелькала: туда-сюда, туда-сюда.

Латиноамериканец пошел по проходу.

— Володька! — закричала я. — Сваливаем!..

Володька резко перестал играть и медленно поклонился. Ответом было недоуменное молчание зала. Воробей быстро ушел за кулисы. Я, прыгнув на сцену, бросилась за ним.

— Ты что, Мухина, спятила?! — накинулся он на меня чуть ли не с кулаками. — Я, может, из-за тебя первую премию потерял!

— Потом, потом. — Я тащила его в глубь кулис. — Здесь есть черный ход?

— Да, вот за этой дверью.

Я рванула дверь.

— Бежим скорее!

Мы побежали по каким-то коридорам, лестницам и наконец выскочили в маленький дворик. И — о, чудо! — с улицы въехало такси. Молодая женщина, расплатившись, пошла к подъезду. Таксист уже собирался дать задний ход. Я втокнула в машину Володьку и влезла сама.

— Гони! — приказала я водителю.

Видимо, у меня было такое лицо, что он решил не спорить.

— Куда гнать-то?

— По-моему, в дурдом,— сказал Володька.

— Попетляйте, попетляйте,— попросила я и, чтобы таксист действительно не принял меня за сумасшедшую, добавила: — Понимаете, мы решили пожениться. А мой отец против. Убью, говорит, твоего хахаля,— кивнула я на Володьку.

— Все ясно,— усмехнулся таксист.— Дело молодое.

И начал петлять. Я глядела в окно. Вроде бы за нами никто не гнался.

— Сколько вам лет, ребята? — спросил таксист.

— По восемнадцать,— соврала я,— а что?..

— Больно молодо выглядите.

— Спасибо за комплимент. Вот здесь остановите. Рядом с автобусной остановкой.

Машина остановилась. Денег не было ни у меня, ни у Володьки.

— Ладно уж,— добродушно проворчал таксист.— Потом на свадьбу пригласите. Я в пятом таксопарке работаю. Дядей Гришей звать.

К остановке подкатил автобус. Я тут же в него полезла; Володька, естественно, за мной. Так мы и прыгали с автобуса на троллейбус, с троллейбуса на трамвай, а с трамвая снова на автобус. Как сказал бы господин Сундзуки — «обрубали хвосты».

Таким образом мы заехали к черту на кулички. Начал моросить дождь. Володька снял свой концертный фрак и бережно укутал футляр со скрипкой.

— Мухина,— недовольно произнес он,— тебе не кажется, что у тебя крыша едет?

— У тебя сейчас у самого поедет,— ответила я и рассказала ему обо всем, что со мной приключилось за эту неделю.

Володька слушал с непроницаемым лицом.

Когда я закончила, он некоторое время молчал.

— Послушай, Мухина,— наконец сказал он,— это не просто бред. Это бред сивой кобылы.

— Ты что, мне не веришь?! — возмущенно закричала я.

— Верю, Эммочка, верю,— погладил он меня по голове, словно больную.— Ты только не нервничай.

— Я тебе русским языком объясняю — меня хотят убить! явка в Париже провалена! мсье Фабр забыл парашют! а капитан Сидорчук передал привет дедушке!..

— Да, да,— поспешно соглашался Володька,— тебя хотят убить, за тобой следят, ты прыгала без парашюта в Атлантический океан, а в Питер тебя доставила секретная подводная лодка. Я все правильно понял?

— Да, все правильно! — с вызовом ответила я.

— Охо-хо,— вздохнул Володька и снова погладил меня по голове.

— Да включи ты на минутку мозги! — отбросила я его руку.

...Короче, мы круто поругались. Наступила тишина. Я сидела на скамейке и чесала нос. Привычка у меня такая, когда нервничаю.

— Знаешь что, Мухина,— примирительно сказал Володька.— Поехали домой. В Москву.

— На какие шиши?

— У меня в гостинице есть деньги.

— Нельзя нам в гостиницу,— убежденно сказала я.— Она уже под наблюдением.

— Ну хорошо,— сдался он.— Что ты предлагаешь?

Я посмотрела на его скрипку, и мне в голову пришла одна идея.

— Не беспокойся,— я встала со скамейки,— сейчас деньги будут.

Мы снова поехали в центр. Там я привела Володьку в подземный переход.

— Давай, Воробей,— говорю,— сбацай чего-нибудь для народа.

По-моему, это предложение поразило его больше, чем все мои похождения вместе взятые.

— Я?.. Для народа?..

— А что такого? Нам же нужны деньги на билеты.

Помедлив, Володька надел фрак. Достал из футляра скрипку. Протер смычок.

— Моцарт. «Маленькая ночная серенада»,— громко объявил он.— В подземном переходе исполняется впервые.

И заиграл.

Я села на корточки, положив перед собой пустой футляр. Вскоре в него посыпались металлические деньги. А затем и бумажные.

Володька вдохновенно играл. Я подсчитывала денежки. Нам уже хватало на два плацкартных билета, но для полного счастья хотелось набрать на отдельное купе.

Но тут сквозь толпу протиснулся милиционер.

— Почему мешаете движению? — строго сказал он.— Что за безобразие!

Володька опустил скрипку и с достоинством поклонился. Раздались бурные аплодисменты и одобрительные свистки.

— Это не безобразие,— ответила я милиционеру,— это серенада Моцарта.

СХВАТКА В ПОЕЗДЕ

Поезд под номером тринадцать отходил в час ночи. Вагон у нас тоже был тринадцатый. Честно говоря, мне не хотелось ехать ни в этом поезде, ни в этом вагоне. Но других билетов не было.

Остаток дня мы прослонялись по улицам.

— Нет, ты видела, как меня принимали в переходе? — поминутно спрашивал Володька.

— Да видела, видела, — отвечала я. — Отстань.

— А слышала, как громко хлопали? — не отставал он.

— Да слышала, слышала! — Я думала совсем о другом.

А думала я вот о чем: почему никто не пришел к памятнику Пушкину?.. что за информация заложена в мое подсознание?.. откуда взялся этот таинственный фокусник?.. Ну и так далее...

Вагон под номером тринадцать оказался темным и грязным, а проводница — злобной и пьяной. Она запретила нам спать на матрасах без белья. Так что пришлось Володьке вместо подушки подкладывать под голову футляр со скрипкой, а мне — свои кроссовки.

Володька сразу уснул, а я лежала с открытыми глазами, вспоминая сумбурные события последних дней. Я чувствовала, что все это только цветочки. Ягодки будут потом.

Монотонно постукивали колеса. Я тоже уснула.

...Проснулась я от того, что кто-то посветил фонариком мне в глаза. Мужчина лет двадцати пяти в темной куртке быстро пошел по проходу. Я успела заметить, что у него длинные тонкие руки, похожие на паучьи лапки.

Поезд стоял на каком-то полустанке. В вагоне было душно. Я решила сходить ополоснуть лицо. Когда поезд тронулся, я прошла в туалет. Дверь была заперта, но ждать пришлось недолго. Из туалета вышел тот самый тип, что светил мне в лицо фонариком.

— Девочка, — сказал он, — закурить не будет?

— Бросила, дяденька, — ответила я.

Он не уходил, загораживая проход. Взгляд у него был какой-то странный. «Наркоман», — сразу догадалась я.

— А тебя случайно не Эммой звать? — спросил он.

Во рту у меня мгновенно пересохло.

— Нет, не Эммой.

— Расскажи это моей бабушке. — Он больно наступил мне на ногу.

— Убери протез, — с угрозой произнесла я, — а то сейчас как заору на весь вагон.

— Ну заори, — с вызовом ответил он.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Да, я могла себя поздравить — передо мной стоял настоящий маньяк-убийца. Господи, и зачем я только поперлась в этот дурацкий туалет?

Маньяк схватил меня за плечо и вытолкнул в тамбур. Одна из дверей вагона была открыта. Поезд с грохотом неся сквозь ночь.

Здесь хоть во все горло ори — никто не услышит.

Маньяк вытащил из кармана большие канцелярские ножницы. Они зловеще поблескивали.

— Я люблю убивать ножницами, — сказал он. — Когда я их сжимаю вот так, — он показал как, — мне сразу хочется кого-нибудь убить.

Неужели я сейчас умру?.. Честно говоря, с трудом в это верилось.

— Я наемный убийца, — с гордостью продолжал маньяк. — Киллер. Слыхала о таких? Мне заказали тебя убить. За деньги, разумеется. А за деньги я убью любого.

Он жадно облизал пересохшие губы. Грохотала под ветром незапертая дверь. Убийца перехватил мой взгляд.

— Да, — оскалился он в мерзкой улыбочке, — это я для тебя приготовил. Вернее, для твоего трупа. Я выброшу его из поезда, и все будет шито-крыто. — Почесывая кончиком ножниц свое оттопыренное красное ухо, убийца медленно пошел на меня.

Я попятилась.

Конечно, я перетрусила. Ни у кого ведь нет большого желания умирать.

— Сколько вам заплатили? — спросила я, чтобы хоть как-то оттянуть время.

— Тысячу баксов.

— Не много.

— Так ведь и работка плевая. — Маньяк поклацал ножницами, как заправский парикмахер.

— А кто вам заказал это убийство?

— Ха-ха-ха, — громко расхохотался он. — Ну скажем так — одна женщина.

— Женщина?! — поразила я. — Вы врете!

— Зачем мне врать? — ухмыльнулся убийца. — Симпатичная женщина с черной родинкой. Вот тут. — Он ткнул себя грязным пальцем в щеку.

Дебильная улыбка застыла у него на лице.

Я поняла, что наступает самый ответственный момент в моей жизни.

Убийца, сжав в руке ножницы, кинулся на меня! Я резко ударила его ногой, метя в шею. Но вагон покачнулся, и удар пришелся по челюсти. Он явно не ожидал, что я стану сопротивляться; на какую-то секунду убийца растерялся. Эта секунда меня и спасла.

Я подпрыгнула и уже двумя ногами ударила его в грудь. На сей раз удар получился классный!.. И в этот момент — надо же такому случиться — дверь широко распахнулась, и убийца, не успев даже вскрикнуть, вылетел из вагона. Только я его и видела.

— Эй, ты, свинья немытая! — схватившись за поручни, закричала я в темноту. Потом пошла в туалет и тщательно вымыла лицо и руки.

Итак, меня снова пытались убить. Но на сей раз я хотя бы узнала — кто. Симпатичная женщина с черной родинкой на щеке. Единственный человек, у которого я видела родинку на щеке, был капитан Сидорчук. Но ведь он же не был симпатичной женщиной... «Стоп!» — сказала я себе. Родинка была еще у Элизабет. Точно, точно. Маленькая черная родинка на правой щеке...

Я посмотрела на свое отражение. У меня тоже была черная родинка.

— Может, это ты хочешь меня убить? — спросила я у отражения.

Оно задало мне тот же самый вопрос.

Я вернулась на место. Весь вагон спал. В том числе и мой телохранитель — Володька.

Я потрясла его за плечо.

— Мухина, опять ты, — недовольно забормотал он сонным голосом. — Ни днем от тебя покоя нет, ни ночью.

— Володька, — зашептала я ему на ухо, — только что в тамбуре меня хотел убить наемный убийца. Ножницами.

Володька широко зевнул.

— А почему не убил? — спросил он, почесываясь.

— Я его из поезда выкинула.

— Ну и правильно сделала, — ответил Володька и, повернувшись на другой бок, сладко уснул.

ЛОВУШКА

В Москве светило весеннее солнышко. Табло показывало десять градусов тепла. Не успели мы войти в здание вокзала, как раздался женский голос, усиленный десятком динамиков:

— Эмма Мухина, прибывшая из Санкт-Петербурга, вас ожидают в кассовом зале у кассы номер три. Повторяю... — И она повторила.

Мы с Володькой недоуменно переглянулись.

— Кто это тебя ожидает? — спросил он.

— А я откуда знаю?

— Мистика повседневности, — сказал Володька. — Никто ведь не знал, что мы сегодня приедем.

— Да, — согласилась я. — Кроме тех, кто хочет меня убить.

Володька недовольно поморщился.

— Опять ты, Мухина, со своими бредовыми фантазиями. — Он быстро пошел вперед.

— Ты куда? — Я догнала его.

— Посмотреть, кто тебя ожидает.

— А может, не стоит?

— Ты что, трусиха?

— Не трусиха, а осторожная, — уточнила я. Володька покачал головой.

— По-моему, у тебя начинается мания преследования.

— Ладно, — решила я. — Пошли. Будь что будет.

И мы пошли.

У кассы номер три нас поджидали двое воен-

ных. Оба красавцы восточного типа. Черные волосы, изящные усики.

— Лейтенант Рахимов,— представился один и отдал честь.

— Лейтенант Каримов,— представился другой и тоже отдал честь.

— Маэстро Воробьев,— важно назвал себя Володька.

Но оба лейтенанта смотрели исключительно в мою сторону.

— Добрый день, Эмма,— улыбаясь, сказал лейтенант Рахимов.— Генерал Пивоваров приказал нам встретить тебя. И доставить на конспиративную квартиру.

Я гордо глянула на Володьку. Эффект был потрясающий. Он так и замер с открытым ртом.

— Передайте генералу мои наилучшие пожелания,— небрежно ответила я.— А как поживает майор Глов?

— Хорошо поживает,— сказал лейтенант Каримов.— Прошу в машину.

Мы вышли на привокзальную площадь. У поребрика стояла черная «Волга».

— Ну ладно, Мухина,— стал прощаться Володька.— Я на метро.

Лейтенант Рахимов живо удержал его за руку.

— А ты разве ничего не рассказывала своему другу? — спросил он у меня.

— Да рассказывала,— нехотя призналась я,— а он подумал, что я чокнулась.

— Напрасно, молодой человек, напрасно,— с укором произнес лейтенант Рахимов.— Тем не менее ты тоже поедешь с нами.

— Володьке-то зачем ехать? — насторожилась я.

Оба лейтенанта весело расхохотались.

— Вот что значит поработать в секретной

службе,—отсмеявшись, сказал лейтенант Каримов.—Сразу начинаешь всех подозревать.

А лейтенант Рахимов дружески похлопал Володьку по плечу.

— Не бойся, парень, это для твоей же безопасности.

Мы сели в черную «Волгу» и поехали.

— А почему вы меня у памятника Пушкину не встретили? — спросила я.

— Накладочка вышла,—объяснил лейтенант Каримов.—Наш парижский связной время перепутал.

— Мсье Фабр?

— Да, да, мсье Фабр.

— А с Элизабет все в порядке? — поинтересовалась я.

— С Элизабет-то? — переспросил лейтенант Каримов.—Да, с ней все в порядке.

— Представляешь, Володька, одна женщина сражалась против целой банды,—уважительно сказала я.—Вот что значит бывшая десантница.

— Банду мы арестовали,—сообщил сидевший за рулем лейтенант Рахимов.

— Да-а? — обрадовалась я.—И доктора Гроба тоже?

— Тоже, Эмма, тоже,—покивал Рахимов.—И шпика, что за тобой следил.

— Латиноамериканца?! Здорово!..

— Да, наши спецназовцы поработали неплохо,—согласился лейтенант Каримов.

— Слу-у-шайте! — возбужденно подпрыгнула я.—А вы ничего не знаете про женщину с черной родинкой на щеке?.. Дело в том, что сегодня ночью...

— Она тоже арестована,—не дал мне договорить лейтенант Каримов.

— Вместе с черной родинкой,—пошутил лейтенант Рахимов.

Я окончательно успокоилась, и мы стали говорить о погоде, о природе, о всякой всячине... А когда я мельком упомянула, что обожаю зефир в шоколаде, лейтенант Рахимов тут же остановил машину и купил мне две коробки зефира.

Квартира, в которую нас привезли, была очень большой. Пять или шесть комнат.

— Располагайтесь, ребята.— Лейтенант Каримов гостеприимно распахнул двери одной из комнат.— Чувствуйте себя как дома. Ждите полковника Соколова с новыми инструкциями. А я пока пойду приготовлю наше национальное блюдо — плов. Небось проголодались с дороги.

Мы вошли в комнату. На окнах были толстые решетки.

— А почему здесь решетки? — спросил Володька.

— Да что же это такое! — шутливо всплеснул руками лейтенант Рахимов.— Эмма, ты определенно заразила своего друга подозрительностью.

И он тоже убежал на кухню — помогать Каримову.

— Ну что, Володька, — с чувством превосходства сказала я, — теперь ты убедился, что я говорила правду?

— Извини, — церемонно ответил он.

— А вот и не извиню.

— Ну хочешь, я тебя поцелую? — предложил Володька.

— Ой, держите меня, поцелует... Да ты, наверное, и целоваться-то не умеешь, — с издевкой произнесла я.

— А вот и умею.

Дверь отворилась.

— Прошу к столу, — торжественно пригласил лейтенант Рахимов.— Вкусный плов готов.

Мы пошли в столовую. На столе стояли тарелки с дымящимся пловом. Я потянулась за ложкой.

— Э-э, нет, нет,— остановил меня лейтенант Каримов.— Плов едят руками. Вот так.— Засучив рукава своей военной рубахи, он взял в пальцы горсть плова и отправил в рот.

Мы тоже засучили рукава и принялись за дело.

А время между тем все шло и шло.

— Где же ваш полковник Соколов? — спустя три часа спросила я.

— Скоро будет,— глянув на часы, ответил лейтенант Рахимов.— Он на совещании у генерала Пивоварова.

— А давайте в шахматишки сыграем,— предложил лейтенант Каримов и тут же притащил шахматную доску.

Они с Володькой начали расставлять фигурки, лейтенант Рахимов отправился на кухню мыть посуду, а я стала бесцельно слоняться по комнате.

Мне вдруг сделалось очень тоскливо.

Неужели все уже позади?.. И завтра надо будет снова идти в школу, встречаться там с Леночкой Леонидовной, а потом вернуться из Парижа мои драгоценные родители, и... И все пойдет так же нудно, как и шло. Из месяца в месяц, из года в год.

Нет, ну конечно, кто ж спорит — приятно, когда у истории с плохим началом хороший конец. Но с другой стороны, все эти выстрелы, слезки, таинственные истории, шпионы, наемные убийцы... короче говоря, странная, наполненная до краев опасностями жизнь оказалась мне по душе. Ведь жизнь прекрасна в любом своем проявлении, главное только — не падать духом.

Я рассеянно ела зефир и смотрела сквозь решетки на улицу. К дому напротив подъехала пожарная машина, ворота открылись, «пожарка» въехала. Видимо, там располагалась пожарная часть.

В коридоре хлопнула дверь.

— А вот наконец и полковник Соколов,—

сказал лейтенант Каримов и стал торопливо надевать китель.

В комнату вошел полковник Соколов. Я чуть не подавилась зефириной.

Это был доктор Гроб!

ИГРА В ШАХМАТЫ

— Ну здравствуй, детка,— сказал доктор Гроб, и его мертвое лицо озарилось неким подобием улыбки.— Уведи мальчишку,— приказал он Каримову.

— Вы не имеете права!— возмущенно закричал Володька и тут же получил такой пинок от Каримова, что пулей вылетел в коридор. За ним быстро вышел и Каримов.

Я осталась один на один с доктором Гробом.

Он не спеша снял черный плащ, черные перчатки и черную шляпу. Под плащом у него оказались черные брюки, черный пиджак и черная рубашка. Я где-то читала, что если человек одет во все черное, значит, он — шизофреник. Но доктор Гроб не был похож на шизофреника. Он был похож на мертвеца.

— Прошу,— указал доктор на шахматную доску.

Я нехотя села за стол. Доктор Гроб расставил фигуры.

— Есть люди, которые всегда говорят правду,— медленно произнес он, делая первый ход,— а есть — которые вечно врут. Ты себя, детка, к каким относишь?

— Смотря по обстоятельствам.— Я сделала ответный ход.

Доктор Гроб усмехнулся.

— Расскажи мне о своем визите к господину Сундзуки.— Он пошел конем.

— Даже не знаю, что вам сказать.— Я забрала у него пешку.

— Когда не знаешь, что сказать,— говори правду.— Он тоже взял мою пешку.— Впрочем, мне и так все известно. У японца ничего не вышло.

— Если сами знаете, зачем спрашиваете? — Я вывела на поле ферзя.— Вам шах.

— Да? — Он посмотрел на доску и закрыл короля ладьей.— Жизнь, детка, странная штука. В Герундии, где я сейчас живу, это как-то особенно ясно понимаешь.

Отвечать было нечего. И я не отвечала.

— Не сомневаюсь, — продолжал доктор Гроб,— что генерал Пивоваров наговорил обо мне кучу гадостей. И то, что я бандит с большой дороги... И то, что меня надо опасаться...

— Ну, в общем, да,— согласилась я.

— А между тем опасаться тебе надо не меня, а международной террористической организации «Сестры по оружию». Слыхала о такой?

— Это там, где одни женщины? — припомнила я что-то из газет.

— Совершенно верно, детка. Именно одна из этих женщин и вложила в твое подсознание тайную информацию.

— Вы врете, доктор Гроб,— сказала я, перебрасывая слона через все поле.— Информацию в меня заложил фокусник.

— Не фокусник, милая моя, а фокусница. Иллюзионистка. К несчастью, действительно обладающая мощными экстрасенсорными способностями. Эта бестия, почувствовав, что мы за ней следим, вызвала из публики маленькую девочку, якобы для того, чтобы показать очередной фокус, и вложила в нее всю информацию. Освободив тем самым себе память. Этой маленькой девочкой была ты, детка.

— А как ее зовут? — Я вспомнила о женщине с черной родинкой.

— Ее звали Дженни Ли. После представления

мы захватили террористку и тайно вывезли в Герундию. А там основательно промыли ей мозги. Но нужных сведений, естественно, не оказалось. Когда я все понял, было слишком поздно. Дженни Ли удалось бежать.— Доктор поправил свои фигуры на доске.— Но ей не повезло. Она умерла.

— А вы в этом уверены? — спросила я.

— В чем?

— В том, что Дженни Ли действительно умерла.

— Уверен. Я лично присутствовал на ее похоронах.— Он придвинул ферзя почти вплотную к моему королю.— Это была очень хитрая женщина. Но кто много хочет — тот мало получает.

— А что хотите вы, доктор Гроб? — Я отодвинула короля подальше в угол.

— Ядерное оружие,— коротко ответил он.— С помощью вложенной в тебя информации я заставлю Россию отдать Герундии половину своего ядерного арсенала.

У меня голова кругом пошла от такого ответа. Ничего себе! Что же это за информация, за которую наше правительство может, не моргнув глазом, выложить Герундии ядерное оружие?

— А что это за информация? — напрямик спросила я и замерла в ожидании ответа. Скажет или не скажет?..

— Не скажу,— сказал доктор Гроб и похлопал меня по щеке. Рука у него оказалась холодная как лед, словно он действительно был мертвый.— Ты, верно, думаешь, детка, что старый дурак разболтался? Нет, милая, тебе от моей болтовни будет ни жарко ни холодно.— И, помолчав, он злоеще добавил: — Надеюсь, ты знаешь, чем я занимаюсь в Герундии...

Я почувствовала, как волосы на голове становятся дыбом.

— Некромантией,— прошептала я.

— Совершенно верно, детка.— Он взял моего ферзя.— Гадание на трупах дает блестящие результаты. Надеюсь, что и с твоим...— Он не договорил, кивнув на доску:— Ваш ход, дорогой гроссмейстер.

— Вы... вы не сделаете этого...— Голос мой пресекся.

— А что мне еще остается?— сокрушенно вздохнул доктор.— Господин Сундзуки ничего не смог. Дженни Ли давно в могиле. Остаешься только ты. Надеюсь, что с помощью некромантии мне удастся проникнуть в твое подсознание.

«Боже мой»,— подумала я, почему-то представив свои похороны, кладбище и прочие прелести. Бодрости мне это, конечно, не прибавило. Но тут я увидела на доске явно выигрышную ситуацию.

— Вам мат в три хода, доктор Гроб! — твердым голосом сказала я.

Доктор уставился на доску. В первый раз за все время нашей игры на его лице мелькнула растерянность.

— Действительно, — злобно процедил он и, резко смахнув фигуры на пол, вышел из комнаты.

Дверь захлопнулась за ним, как крышка гроба.

ПОЖАР!.. ПОЖАР!..

Когда доктор Гроб ушел, я почувствовала такую усталость, словно в одиночку разгрузила вагон с кирпичами. А я-то, дура, думала, что все уже закончилось. Еще и жалела об этом. Похоже на то, что все только начинается.

В комнату влетел возбужденный Володька.

— Мухина! — закричал он с порога. — Это никакие не лейтенанты, а герундские шпионы!

— Да что ты говоришь! — горько усмехнулась я. — Это у тебя не просто бред, а бред сивой кобылы.

— Ладно, Мухина, кончай выпендриваться, — мрачно сказал Володька. — Дело серьезное. Кажется, мы с тобой основательно влипли. Тебя они вообще хотят увезти в Герундию и подвергнуть там этой, как ее, некро... некра...

— Некромантии, — подсказала я.

— Во-во. Я толком не понял, что это такое, но вроде ничего хорошего.

У меня в голове снова закружились мысли о смерти. Мне даже душно от них стало. Я сняла свитер. Эх, оказаться бы сейчас дома, и пускай жизнь течет вяло и лениво из месяца в месяц, из года в год...

— Вот что, Мухина, — потребовал Володька, — давай опять рассказывай, что с тобой случилось. Начни с моего отъезда в Питер.

Я рассказала.

На сей раз Володька выслушал мой рассказ с напряженным вниманием. А затем уселся у окна, подперев щеку ладонью.

Прошло три дня.

Доктор Гроб больше не появлялся. Каримов с Рахимовым (или как там их звали на самом деле) выполняли роль наших тюремщиков. По телу шли бесконечные сериалы, за окнами шел бесконечный дождь, а в голову не приходило ни одной стоящей мысли.

«Как бы и в самом деле не загреметь на тот свет», — все чаще думала я.

Но вот однажды утром, проходя по коридору в ванную, я услышала громкие голоса, доносящиеся из столовой. Каримов и Рахимов о чем-то горячо спорили по-арабски. Прямо орали на всю квартиру. Откуда им было знать, что я выучила арабский язык по самоучителю... Конечно, дословно я не могла понять их быструю речь, но в смысл вполне въезжала.

А смысл был такой: неподалеку от дома находилось казино «Монти» и Каримов предлагал Рахимову отправиться туда попытать счастья.

— А если пленники удерут?! — кричал Рахимов. — Доктор Гроб с нас семь шкур спустит!

— Да куда они удерут?! — тоже кричал Каримов. — На окнах решетки, двери железные... Уйдем тихонько, они и не заметят.

— Хорошо, — согласился Рахимов, — идем...

Я быстренько прошмыгнула в ванную и включила воду. Я готова была себе ножки целовать за то, что выучила арабский. Прямо как чувствовала...

В коридоре послышался едва уловимый шорох. Я осторожно глянула в дверную щелку. Каримов с Рахимовым, держа в руках свою обувь, на цыпочках шли к выходу.

Вот он — шанс!.. Единственный и неповторимый!

Когда шпионы ушли, я как угорелая понеслась в комнату. Володька еще спал.

— Воробей,— принялась я тормошить его,— быстрее вставай и начинай шевелить мозгами!.. — В двух словах я пересказала ему подслушанный разговор.

Теперь уже он заносился по квартире как угорелый. Первым делом мы проверили входную дверь. Увы, она была из железа и запиралась на четыре замка. Также и решетки на окнах оказались во всех комнатах.

— Давай разобьем окно,— предложил Володька.— И позовем кого-нибудь на помощь.

— И что мы им объясним? — скептически сказала я.— Что нас похитили герундские шпионы?.. А после придут Рахимов с Каримовым и в два счета докажут, что мы сумасшедшие. Да вдобавок еще и буйные, потому и решетки на окнах.

— Что же делать?! Что же делать?! — метался Володька по комнате.

Я стояла у окна и с тоской глядела на пожарную часть внизу. И вдруг меня осенило!..

— Володька,— я подпрыгнула от радости,— я знаю, что делать!

И, бросившись на кухню, вернулась оттуда с коробком спичек.

— Ты хочешь... — догадался Володька.

— Ну конечно! — воскликнула я.— Подожжем квартиру, пожарники увидят дым, и им ничего другого не останется, как взломать железную дверь.

Мы бодро принялись за дело. Побросали на пол все постельное белье, какую-то одежду из шкафов, книги, газеты... Короче, все, что можно поджечь.

— Давай и в других комнатах! — сказал Володька.

— Давай!

Мы вошли в азарт. Я взяла стул и начала бить стекла на окнах. Володька притащил из кладовки целую канистру с бензином и разлил ее по коридору.

Я чиркнула спичкой.

Ярко-красные языки принялись жадно лизать разбросанные по полу вещи, мебель, полезли на стены... Отовсюду повалил густой едкий дым.

Мы немного опомнились. А что, если пожарники явятся слишком поздно? А то и вовсе не явятся... Положение наше с каждой секундой становилось все более опасным. Огонь свободно гулял по квартире. Жара делалась невыносимой.

Закрывая лица, мы побежали в кухню, на которую, к счастью, не хватило бензина. Я выбила стекла.

— Пожар! — закричал Володька в окно.

Пожар! — подхватила я.

Пламя полыхало вовсю. За стеной от жары взорвался кинескоп телевизора.

— Пожар! Пожар!!! — орали мы что есть мочи в сторону пожарной части. Но там царила полнейшая безмятежность. Что же они, у себя под носом пожар не видят?! Может, у них сегодня выходной?..

— Бежим в ванную! — крикнула я. — Обольемся водой!

Володька кивнул. Говорить он уже не мог, его душил кашель.

Мы помчались в ванную. Я включила на полную мощность холодную воду.

И тут наконец-то завывла пожарная сирена. Она показалась мне самой прекрасной мелодией в мире. Послышались глухие удары в дверь. Ее ломали.

— Ложись на пол, — быстро приказал Володька, — я буду делать тебе искусственное дыхание. Я легла на пол. Входная дверь затрещала.

В квартиру ввалились усатые пожарники в брезентовых комбинезонах. Они тащили за собой шланги. Из одного шланга забила мощная струя воды. Из другого повалили белые клочья пены.

Володька впился своими губами в мои губы.

— Эй! Эй! — Я возмущенно заерзала. — Ты чего целоваться лезешь?

— Лежи тихо, Мухина, — зашептал он. — Я тебе делаю искусственное дыхание. Рот в рот.

В прихожую влетели два санитара с носилками.

— Что с ней? — спросил один из них у Володьки.

— На нее упал горящий шкаф, — объяснил Володька.

— Ясно! Быстро в реанимацию!

Санитары подхватили меня за руки за ноги и, бросив на носилки, поволокли по лестнице. Володька бежал следом за ними, изображая из себя заботливого брата.

— Ой, осторожнее! — вскрикивал он. — Ой, не уроните!

Санитары выскочили на улицу. Я тихонечко повернула голову и посмотрела наверх. Да уж, пожар мы устроили на славу. Густые клубы черного дыма поднимались высоко в небо.

— Открой дверцу, — сказал один из санитаров Володьке, когда они подбежали к «скорой помощи».

Володька специально медлил.

— Быстрее! — раздраженно крикнул санитар. — Дай я сам!

Они положили носилки на асфальт. Мне этого только и надо было.

— Бежим! — Я подскочила как на пружинах.

И мы со всех ног кинулись в ближайший переулок.

МАКАРОНЫ ПО-ФЛОТСКИ

Минут двадцать мы бежали не останавливаясь. А когда остановились, то увидели, что стоим рядом с казино «Монти» и оттуда, весело переговариваясь, выходят Каримов с Рахимовым. Мы опять рванули что было сил и от страха пробежали километров десять, не меньше.

— Все, — наконец прохрипела я, — больше не могу.

— Ну, Мухина, — еле шевелил языком Володька, — с тобой не соскучишься.

Дотащившись до какого-то садика, мы без сил рухнули на скамейку. Пот лился с нас ручьями.

— Что теперь будем делать? — спросила я, едва отдышавшись.

— Домой пойдем, — ответил Володька. — Ты разве забыла — у нас скоро контрольная по алгебре. Надо подготовиться.

Вот таков Володька Воробьев. Ничем его не прошибешь. Ни кровожадными шпионами, ни страшными тайнами. У него контрольная по алгебре, а значит, все остальное — ерунда на постном масле.

Тут я заметила, что он держит в руках футляр со скрипкой. Меня прямо смех разобрал. Ай да Воробей!.. Не забыл свою скрипочку прихватить, несмотря на всю кутерьму с пожаром.

— Нет, Володька, — сказала я, — домой нам пока нельзя. Доктор Гроб, конечно, туда не сунется, потому что за квартирой следят люди генерала Пивоварова. Но и нам соваться не следует. Что-то мне этот Пивоваров перестал внушать доверие.

— Тогда, может, на подводной лодке в Париж махнем? — пошутил Володька.

— Ну, в Париж не в Париж, — ответила я, — а вот в Задонск вполне можно прокатиться.

В Задонске жил мой легендарный дедушка ка-

питан Кэп. Уж кто-кто, а он в подобных ситуациях чувствовал себя как рыба в воде. Вот и пускай поможет нам выпутаться из этой запутанной истории.

Короче говоря, Володька снова сбацал в подземном переходе «Маленькую серенаду», я собрала денежки, и мы отправились в Задонск, пыльный и грязный городишко, состоящий из частных домиков, разбросанных по берегам Дона.

...Когда мы пришли к дедушке, он был на кухне. Стоя с трубкой в зубах у плиты, готовил свои любимые макароны по-флотски.

— Никак внучка в гости пожаловала, — ни капельки не удивился он. — А это что за салага? Неужели жених?

— Дедушка, — смутилась я, — это Володька.

— А что, Володьки женихами не могут быть? — посмеивался дедушка в усы. — Ладно, у матросов нет вопросов. Сейчас будем макароны лопать.

— Между прочим, дедушка, — таинственным голосом сообщила я, — у нас к тебе секретное дело.

— Даже если у вас ко мне сто секретных дел, — ответил дедушка, вываливая в кастрюлю две банки тушенки, — подкрепиться все равно не мешает.

Мы сели за стол и как следует подкрепились. Я одной тарелкой макарон, Володька — двумя, а дедушка — тремя.

— Ну а теперь заруливайте в мой кубрик. — Пинком ноги дедушка распахнул дверь в комнату.

Мы «зарулили».

Вся комната была заставлена макетами военных кораблей и завалена огромными морскими раковинами. На стенах висели картины, на которых было нарисовано одно и то же. Море... море... море...

— Хотите попробовать «Кровавую Мэри»? — предложил дедушка. — Любимый напиток капитана Флинта!

— Хотим, — неуверенно ответил Володька и испуганно посмотрел на меня. Я пожала плечами.

Дедушка щедрой рукой разлил красную жидкость по трем глиняным кружкам. «Как бы не опьянеть», — с опаской подумала я. Но и отказаться было нельзя.

Выдохнув из себя побольше воздуха, я сделала первый глоток. Это оказался компот!.. Обыкновенный компот!

— Это же компот! — не удержался Володька от удивленного восклицания.

Дедушка единым духом осушил свою кружку.

— Сразу видно, что ты салага, — неодобрительно покачал он седой головой. — По вкусу «Кровавая Мэри» и напоминает наш компот. А ты что думал?

По Володькиному лицу было видно, что он о «Кровавой Мэри» вообще ничего не думал. А компотик, между прочим, оказался очень даже ничего. Вишневый.

— Ну что, еще по «кровавой» хлебнем? — смягчился дедушка.

— Плесните каплю, — небрежно протянул кружку Володька.

Я передала дедушке привет от капитана Сидорчука.

— Как же, как же, помню, — добродушно сощурился дедушка. — Было у нас с Федькой одно общее дельце около Магелланова пролива.

За окнами быстро темнело. На свет лампы летели мошки. Сухо пробили часы.

— Двенадцать склянок, — определил дедушка. — Пора по каютам.

— А как же наше секретное дело? — напомнил Володька.

— Утро вечера мудренее, салага,— назидательно произнес дедушка.

Я с радостью отправилась спать. Ночью в поезде я глаз не сомкнула. Боялась, что вездесущая женщина с черной родинкой и в этот вагон подошла очередного киллера.

Я лежала с закрытыми глазами и слушала пение сверчков. Потом я уснула.

Утром меня разбудил дедушкин бас.

— Полундра! — кричал он на весь дом. — Завтрак стынет!

На завтрак были макароны по-флотски. Мы сели за стол и, перебивая друг друга, рассказали дедушке о своих приключениях.

Дедушка, покуривая трубочку, невозмутимо слушал наш рассказ. Когда мы закончили, он долго молчал.

— Капитан Кэп,— не выдержал Володька,— что вы обо всем этом думаете?

— Не торопись, салага.— Дедушка выпустил изо рта густое облако дыма.— Кто узнал жизнь, тот не торопится.

И снова замолчал на несколько часов. Я уже и посуду успела помыть, и в магазин сбегать за макаронами и тушенкой. А дедушка все молчал.

Наконец, когда мы потеряли всякую надежду, что он вообще что-либо скажет, дедушка неожиданно предложил:

— А не пообедать ли нам?

На обед был суп из макарон с кальмарами.

— Все это, ребятки, брызги моря,— уплетая суп за обе щеки, говорил дедушка.— Была у меня примерно такая же история в Джакарте. Правда, там все маленько покруче развивалось.

— Как это покруче? — обиженно сказал Володька.— А секретная информация, заложенная в подсознание; а террористическая организация «Сестры по оружию»; а доктор Гроб...

— Да знаю я этого Гроба,— поморщился дедушка.— Это же Васька Кадыгробов. Он у меня в мореходке учился. Двоечник и хулиган. Поэтому и стал шпионом.

— Может, ты, дедушка, и Дженни Ли знаешь? — колко осведомилась я.— Она случайно у тебя в мореходке не училась?

— Конечно, знаю,— не задумываясь ответил дедушка.— Дженни — дочка моего старого друга Михалыча. Он смотрителем маяка в Новороссийске работает. А Дженни в цирке фокусы показывала. Я тебя с ней один раз на арене сфотографировал.

Сердце мое учащенно заколотилось.

— Покажи мне эту фотографию.— Я едва шевелила губами.

— Да ты ее сто раз видела. Я же тогда две карточки сделал и одну Игорехе, отцу твоему, отослал.

Дедушка полез в шкаф за фотографией.

— Все сходится, Мухина! — У Володьки азартно блестели глаза.— Это та самая фотка, которую из альбома сперли!

Я просто не могла поверить своей удаче. Дедушка протянул мне снимок. Так и естъ! Мне пять лет, и я стою на арене, глядя куда-то вверх.

— Дедушка-а-а, — разочарованно протянула я,— а где же Дженни Ли?..

— В объектив не поместилась.— Дедушка спокойно покуривал трубочку.

Я вскочила, словно собака, почуявшая след.

— Володька! Мы сейчас же отправляемся в Новороссийск!

— Я так и знал,— звонко рассмеялся Володька.

Дедушка усадил нас в свою колымагу и повез на вокзал. Там он купил два билета на экспресс

«Задонск — Новороссийск», по странной случайности отходивший через минуту.

На платформе уже никого не было. Дедушка протянул мне большой черный пистолет.

— Держи, внучка, подарочек, — сказал он. — Это «смит и вессон» 38-го калибра. Шестизарядный. Я получил его от английского адмирала на память об одной заварушке у берегов Гренландии. Думаю, он тебе пригодится.

Я сунула шестизарядник в карман куртки, поцеловала дедушку в колючую щеку и побежала к вагону. Наше купе оказалось просто шикарным. Двухместным.

Я опустила оконную раму.

— Да, вот еще что, — сказал дедушка через окно. — Михалыч немножко со странностями. В войну он был минером, и его пару раз контузило. Так что не удивляйся.

Я пообещала не удивляться. Электровоз пронзительно загудел.

— Передавай привет Цемесской бухте, — помахал дедушка морской фуражкой. И, нацепив ее на голову, приказал: — Отдать концы!

— Есть отдать концы! — браво откликнулась я.

Поезд медленно покатился вдоль платформы.

ЭКСПРЕСС «ЗАДОНСК — НОВОРОССИЙСК»

Колеса бойко постукивали на стыках. Солнечные лучи пронизывали купе. Я сидела у окна и беззаботно глядела на проносящиеся мимо леса, поля, домики...

— Ну ты даешь, Мухина, — сказал Володька. — Тебя из школы хотят вытурить, наемные убийцы за тобой охотятся... а ты сидишь как ни в чем не бывало, в окошко пялишься.

— Понимаешь, Володька, — попыталась я объ-

яснить свою беззаботность,— есть люди, которые просто созданы для того, чтобы попадать во всевозможные переделки. Я как раз из таких. Если со мной долго ничего не случается, мне становится плохо.

— А сейчас тебе хорошо, что ли?

— Не хорошо. Но и не плохо. Нормально.

— Понятно,— заключил Володька.— Ты, Мухина, авантюристка. Любишь острые ощущения. Для тебя жизнь без приключений что суп без соли.

В купе вошел проводник.

— Чайку не желаете? — спросил он.

Мы сказали, что не желаем, и проводник ушел. Когда за ним закрылась дверь, Володька предложил:

— Давай подведем итог, пока за нами никто не гонится.

— Давай,— согласилась я.

— Значит, так,— сказал Володька.— Все началось с того, что кто-то украл твою фотографию.

— Не «кто-то»,— поправила я его,— а доктор Гроб. Он отвез ее в Париж и показал господину Сундзуки, чтобы тот определил по фотке, какая информация сидит у меня в башке.

— А в это время,— подхватил Володька,— о таинственной информации узнает секретный агент Ф-17. Он передает донесение в Центр, и генерал Пивоваров отправляет тебя в Париж.

— Здравсьте, приехали,— перебила я.— А куда ты дел автоматчиков, которые мне всю дверь изрешетили?..

Володька не успел ответить. В купе снова заглянул проводник.

— У тебя, мальчик, шестая полочка? — спросил он.— А у тебя, девочка,— пятая?

Мы хором ответили «да», и проводник скрылся. Честно говоря, мне стало как-то не по себе.

— Ну что, продолжим? — сказал Володька.

— Да чего тут продолжать,— нервно ответила я.— И так все ясно. Есть доктор Гроб — герундский шпион, есть женщина с черной родинкой — террористка из банды «Сестры по оружию», есть генерал Пивоваров со своей командой...

— И есть ты,— добавил Володька,— маленькая мышка с тоненьким хвостиком.

— М-да,— повторила я со вздохом,— маленькая такая мышка между тремя большими кошками.

— Мне кажется, я понял, почему они не могут добраться до твоего подсознания,— задумчиво произнес Володька.— У них нет ключа.

— Володька,— иронически восхитилась я,— да ты просто гений.

— Сам знаю,— скромно ответил он.

— Ну, и какой же ключ?

— Надо подумать.— Он улегся на свою полку.— Лежа лучше думается.

Я тоже легла, но не для того чтобы подумать, а для того чтобы лечь. Пускай Володька пошевелит мозгами, раз уж у него появилось такое желание.

Прошел час. Володька все шевелил мозгами.

— Эй,— окликнула я,— ты там случайно не дрыхнешь?

— Спокойно, Мухина,— тотчас отозвался он.— Как говорил капитан Кэп: «Спешить надо медленно».

— Он такого не говорил.

— Правильно. Он сказал: «Кто узнал жизнь, тот не торопится». Но это одно и то же.

Несомненно, мой дедушка произвел на Володьку сильное впечатление. Во всяком случае, Володькино молчание было столь же многозначительно, как и молчание капитана Кэпа. Ему только трубки с усами не хватало.

Я повернулась к стене и уснула.

А когда проснулась, Володька все еще думал, заложив руки за голову.

— Ключ должен быть очень простой,— значительно произнес он, глядя в потолок.— Я бы даже сказал — элементарный. Недаром ведь, когда хотят спрятать ценную вещь, ее кладут на самое видное место. Это, надеюсь, понятно?

— Это понятно,— зевнула я.— Но нам этот ключ ни за что на свете не найти.

— Тебе заблокировали память,— не слушая меня, продолжал Володька.— То есть поставили дверь. Значит, ключом может служить какая-нибудь мысль, чаще других всплывающая в твоей голове... Вот о чем ты больше всего думаешь?

— О чем? — прикинула я.— Да ни о чем.

— Ну тогда — о ком?

— О тебе,— хихикнула я.— Ты мне даже снился несколько раз.

Володька покраснел.

— Вряд ли я могу служить ключом,— смущенно пробормотал он.— Мы же с тобой всего три года знакомы.

В дверь постучали, и в купе опять заглянул проводник.

— Чайку не желаете? — спросил он.

— Вы уже спрашивали,— напомнила я.

— А у тебя, мальчик, шестая полочка?..

— И это вы говорили,— сказал Володька.

— Извините.— Дверь закрылась.

Уютное купе больше не казалось мне таким уж уютным.

— Володька,— прошептала я,— ты не находишь, что проводник какой-то подозрительный?

— Еще как нахожу,— ответил Володька.

— Что будем делать?

— У тебя же есть пистолет. Пойди да пристрели гада.

Я набросилась на него с кулаками. Мы стали шутиливо бороться.

— Ну хочешь, местами поменяемся,— предложил Володька, когда я положила его на обе лопатки.

— Это еще зачем?

— На всякий случай.

— Ха,— сказала я беззаботно.— Ты думаешь, меня могут украсть? Да я как заору на весь вагон!

— Не заорешь. Всадят укол со снотворным в одно место и унесут как бревно.

— Так мы же закроемся.

— У проводников имеются специальные ключи.

Я задумалась.

— Но тогда тебя унесут как бревно.

— Правильно. И пока они будут разбираться, что к чему, ты и заорешь на весь вагон. И даже можешь выстрелить.

— А как же ты?

— Им нужен не я, а ты.

Володькины доводы показались мне убедительными. Мы поменялись местами. А для пущей наглядности Володька натянул мой свитер и накрылся моей курткой.

— Если меня сегодня не украдут,— сказал он,— то завтра еще поговорим о ключе. Я чувствую, разгадка где-то рядом. Спокойной ночи, Мухина.

— Спокойной ночи,— ответила я и закрыла глаза.

ВОЛОДЬКА ИСЧЕЗАЕТ

Ночью мне приснилось сразу несколько снов. Сначала я была в Италии, потом в Герундии, а затем в Португалии. В Герундии я почему-то прогуливалась под ручку с доктором Гробом. Когда я проснулась, поезд стоял в родной России.

Я выглянула в окно.

По пустынному перрону ветер гнал мелкий мусор. Одинокий фонарь качался на столбе. Что-то было не так. Не на перроне. В купе.

И я тут же поняла что. Володька исчез.

Лежало смятое одеяло, поверх него была брошена моя куртка. А Володьки и след простыл. В купе явственно повеяло опасностью. У меня даже ладони вспотели от волнения. Я быстро достала из-под подушки пистолет. Он был холодный и тяжелый. Я немного успокоилась.

С едва уловимым толчком тронулся поезд.

Ясно как день, что Володьку похитили; может быть, даже уже и убили. А теперь идут убивать меня. Целая банда во главе с доктором Гробом. Или наемные убийцы женщины с черной родинкой.

Впрочем, какая мне разница?..

Собравшись с мыслями, я решила выбираться из поезда. Здесь я как в ловушке. Рвануть стоп-кран?!. Меня тут же схватят. Значит, надо прыгать. Опять прыгать. Везет же мне на прыжки!

Я осторожно выглянула в коридор. Никого. Быстро пробралась в тамбур. Обе двери оказались закрытыми. Я перешла в следующий вагон. То же самое. Все двери закрыты. «Твоя песенка спета,— звучал в ушах противный голос доктора Гроба.— Ты в ловушке! В ловушке!»

И тут произошло то, о чем я даже мечтать перестала. В шестом или седьмом вагоне ручка повернулась. Я дернула ее на себя. Дверь распахнулась!.. В тамбур ворвался холодный ночной ветер.

Поезд неся с бешеной скоростью. Мелькали шпалы параллельного пути. Я задрожала от холода и страха. Легко сказать — прыгать! Конечно, я прыгала с самолета, но там внизу все-таки была вода. А здесь крошечная тьма и неизвестность. Да-а, веселенькая у меня жизнь, ничего не скажешь.

В кино я сотни раз видела, как отважные герои прыгали с поездов, но как-то не догадалась запомнить, по ходу поезда они прыгали или против. А! Будь что будет!..

Я закрепила дверь на крючок, отошла и помчалась навстречу летящей тьме... И едва успела в последний момент ухватиться за поручни. Мимо с грохотом промчался встречный товарняк.

Я без сил опустилась на пол. Фу-у... пронесло.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я снова решилась прыгать. Раз двадцать, наверное, выглядывала из вагона, проверяя — нет ли встречного состава. Потом отошла к противоположным дверям — и... и опять не смогла!

Нет, никогда мне не прыгнуть на такой громадной скорости. Это верное самоубийство.

Не успела я так подумать, как поезд стал замедлять ход. Словно машинист, подслушав мои мысли, решил мне помочь.

Я как следует разбежалась и... прыгнула!

...Очнулась я уже на земле. Надо мной висели яркие звезды. Во всем мире стояла поразительная тишина. Я осторожно подрыгала руками и ногами. Вроде шевелятся. Я была совершенно обессилена, чувствуя, что избежала чего-то страшного. «Впрочем, так оно и есть», — подумала я, глядя на бетонный столб, стоящий неподалеку.

И вдруг меня буквально пронзила мысль, от которой я даже села. А что, если Володька просто-напросто вышел в туалет? Об этом я как-то не подумала. А зря, между прочим. С чего это я взяла, будто его должны обязательно похитить?.. Ну я и дура! А Володька?.. А что Володька — сидит, наверное, сейчас в купе и ломает голову над тем, куда я пропала.

Страхи мои как рукой сняло. Я встала, отряхнулась и потопала по шпалам в Новороссийск.

Не прошло и двух дней, как я до него добралась. Конечно, не пешком, а в основном на электричках, да еще автостопом.

В Новороссийске было очень жарко. Первым делом я пошла к морю и передала дедушкин привет Цемесской бухте, а заодно искупалась.

Затем отправилась к Михалычу.

Маяк находился на высокой горе. Когда я на нее влезла, в пору было снова купаться. Я толкнула незапертую дверь и по узкой каменной лестнице поднялась наверх. Здесь была крохотная площадка и еще одна дверь, на сей раз запертая. Я позвонила. Тишина. Я еще раз позвонила. Изнутри доносилось только дребезжание звонка. Меня охватило смутное беспокойство. Я стала колотить в дверь ногой. Все было напрасно. И вот когда я уже собиралась развернуться и уйти, замок тихонько щелкнул и дверь отворилась.

Охваченная одновременно любопытством и страхом, я вошла. В нос ударил резкий запах давно не проветриваемого помещения. За дверью оказался длинный и широкий коридор. Я достала из кармана пистолет, взвела курок и осторожно двинулась вперед. Мои шаги гулко грохотали в пустом помещении. Я поймала себя на мысли, что, пожалуй, не удивлюсь, обнаружив труп Михалыча с простреленной головой.

В коридор выходило три двери. В какую из них войти?.. Я решила, что это не имеет принципиального значения. Пинком ноги распахнула ближайшую. Это оказалась кухня. В грязной раковине лежала немытая посуда. Таким же образом я вошла во вторую дверь; здесь стояла незаправленная кровать и валялись окурки на полу. Оставалась последняя дверь. Внутренний голос шептал мне, что входить туда не следует. Но я его не послушалась. И тотчас была наказана.

В лицо мне было направлено охотничье ружье.

Двустволка. А передо мной, в кресле-качалке, сидел неопрятный старик лет семидесяти.

— Явилась не запылилась,— угрожающе сказал он.— А ну брось свою погремушку.

Я бросила пистолет. Он громко ударился о каменный пол.

— Отпихни ногой в сторону,— приказал старик.

Я отпихнула.

— Успокойтесь, пожалуйста.— Я старалась говорить ровным голосом.— Я не причиню вам никакого вреда. Я пришла как друг.

Старик хрипло рассмеялся.

— Да ты юмористка, как я погляжу.— Он сплюнул.— Я знал, что ты придешь. Знал. И приготовил тебе ловушку. Смертельную ловушку.

Ничего себе «немножко со странностями» — вспомнила я слова дедушки. Да он сейчас всадит мне две пули в лоб и глазом не моргнет. Я невольно сделала шаг назад.

— Стоять на месте! — грозно прикрикнул старик. — Еще один шаг — и я тебе бóшку продырявлю! Ясно?!

Я нервно кивнула.

За окошком светило солнце, плескалось зеленое море. А я стояла в затхлой комнате, и мне в лицо была направлена дустволка. Господи, и почему со мной вечно случается то, чего я меньше всего хотела бы?..

— На кого ты работаешь?! — резко спросил старик.

Ничего себе вопросик.

— Разве я могу на кого-нибудь работать? — осторожно ответила я. — Вы посмотрите на меня внимательно. Я же еще ребенок. Мне всего тринадцать с половиной лет.

— Ха-ха-ха, — истерически захохотал он. — Хочешь старика на мякине провести?! Не выйдет! Я стреляный воробей. Бывший минер. Я весь Ленинград заминировал. Ясно?! И Зимний дворец, и Петропавловскую крепость, и Русский музей...

Меня охватило чувство полнейшей безысходности. Это же сумасшедший!.. Стоило ли убегать от доктора Гроба и наемных убийц, чтобы схлопотать пулю от чокнутого старика?

Теперь я уже ни на секунду не сомневалась, что мне крышка.

ЖЕНЩИНА С ЧЕРНОЙ РОДИНКОЙ

— ...Казанский собор, Таврический дворец, Инженерный замок, — продолжал перечислять старик, загибая пальцы. И вдруг замолчал, чутко прислушиваясь. — Что это?.. — испуганно прошептал он.

Я тоже прислушалась и сразу поняла, в чем дело.

— Это у меня в животе бурчит,— невольно смутившись, сказала я.

— А я думал, по коридору кто-то крадется.

— Да нет, просто я два дня ничего не ела. С тех пор как была в гостях у своего дедушки, капитана Кэпа.

Старик посмотрел на меня лихорадочно блестящими глазами.

— Ты внучка капитана Кэпа? — недоверчиво спросил он.

— Ну да, это мой дедушка.

— Капитан Кэп твой дедушка?!

— Ну да, я внучка его.

— Эмма?

— Эмма.

Опустив ружье, он в волнении закачался в кресле.

— Что ж ты мне раньше не сказала?!

— Так вы и не спрашивали.

— Го-о-споди! — Старик порывисто вскочил и выбежал из комнаты.

И тут же вернулся с двумя тарелками, наполненными всевозможной едой. Хлебом, сыром, ветчиной, маслом...

— Ешь давай.— Он усадил меня за письменный стол.— Го-о-споди, чуть было не пристрелил внучку своего друга. Совсем спятил на старости лет.

С ним трудно было не согласиться.

— Послушайте,— сказала я с набитым ртом,— а это правда, что Дженни Ли ваша дочь?

Старик снова уселся в кресло-качалку.

— Не называй ее так,— попросил он.— Это сценический псевдоним. На самом деле ее звали Женя Линева.— Старик тяжело вздохнул.— Да, она моя дочь.

— И она работала в цирке?

— Да, в цирке. Женя обладала слепым зрением, могла читать книги с завязанными глазами и письма, не вынутые из конвертов. Еще могла двигать взглядом предметы. Когда она пришла ко мне, то рассказала, что долгие годы жила на Востоке, в Гималаях. Овладевала там какими-то тайными знаниями в буддийском монастыре...

— Пришла к вам? — переспросила я, отодвигая пустую тарелку.

Старик уставился себе под ноги.

— Однажды ночью, — глухо заговорил он, — в дверь кто-то постучал. Я открыл. На пороге стояла девушка. «Отец, — сказала она, — я твоя дочь, Женя...» И она рассказала, что ее мать, моя возлюбленная, о которой я долгие годы ничего не знал, умерла. А Женя поклялась над ее могилой обязательно разыскать меня, своего отца... — По лицу старика катились крупные слезы.

Все это очень смахивало на приступ шизофрении.

— А что было потом? — осторожно спросила я.

— Ничего. Женя устроилась в цирк. И все шло очень хорошо, пока однажды... — Старик помрачнел. — Пока однажды она не вернулась домой сама не своя. И с того дня я стал замечать, что дочка чего-то опасается. А затем она внезапно исчезла. — Дальше старик заговорил быстро, как в бреду. — Ее нашли через несколько месяцев. Волны выбросили тело на берег. Следствие, конечно, ни к чему не привело. Женю схоронили...

В общем, Михалыч лишний раз подтвердил то, о чем мне уже рассказывал доктор Гроб. Дженни Ли умерла. Непонятно было только лишь ее странное родство со стариком.

— ...А на следующий день она снова пришла. Я невольно вздрогнула.

— Кто?..

— Женя. Она появилась ровно в двенадцать ночи. В том же самом платье, в каком лежала в гробу. «Папа,— сказала она,— меня убил «мертвый человек». Он скоро придет к тебе и будет обо мне спрашивать. Убей его. Отомсти за свою родную дочь».

— Может, вам все это приснилось?

Старик упрямо качнул головой.

— Нет. Она приходила еще и еще. И каждый раз говорила о «мертвом человеке». О том, чтобы я убил его. Но «мертвый человек» не пришел. А потом перестала приходить и Женя. А я так ждал ее... так ждал...— Старик зарыдал.

Мне стало жаль бедного Михалыча.

— Не расстраивайтесь.— Я погладила его по вздрагивающей спине.— Наверное, на том свете усилили охрану и ей уже никак было не выбраться.

— Ты права, внученька.— Он высморкался в грязный платок.— Дочка сказала мне то же самое.

— Так, значит, она все-таки приходила! — воскликнула я.

— Всего один раз.— Старик кивнул.— На прошлой неделе. Женя сказала, что теперь появится маленькая девочка. Но я все равно должен убить ее, потому что она и есть «мертвый человек».

Та-ак, это уже было интересно.

— Когда ты пришла,— продолжал Михалыч,— я подумал, что ты и есть та самая девочка... Го-о-споди,— поднял он руки к потолку,— благодарю за то, что ты уберег меня от убийства внучки капитана Кэпа.

— А можно посмотреть ее фотографию? — попросила я.

— Я все сжег,— ответил старик.— Все личные вещи и фотографии.

— Всё, всё, всё? — поразились я.

— Да, абсолютно всё.

— Это вам дочка, наверное, посоветовала, — догадалась я.

— Да, — признался Михалыч. — Женя сказала: «Зачем тебе, папа, мои вещи, раз меня самой уже нет. Сожги их».

Судя по всему, Дженни Ли была очень предусмотрительной особой.

— А на кладбище?! — вдруг сверкнула у меня мысль. — Неужели на могиле нет фотографии?

— На могиле, конечно, есть, — вяло подтвердил старик.

— Михалыч, миленький, — принялась я его умолять, — давайте съездим на кладбище.

— А чего ехать, — грустно усмехнулся он. — Это здесь рядом. В двух шагах.

Он накинул свой старый пиджак, и мы пошли.

На кладбище было тихо. Изредка каркали вороны. Пахло сыростью... По заросшей, петляющей между могил тропинке мы брели куда-то в глубь кладбища. Старик шел молча. Меня охватило легкое волнение. Неужели сейчас я увижу таинственную Дженни Ли?

— Вот тут она и похоронена, — еле слышно произнес Михалыч.

«Н-да, — подумала я, — круг замкнулся». Дженни Ли, женщина-призрак, много лет назад заложившая в мое подсознание секретную информацию, действительно умерла. И лежит вот здесь, прямо у меня под ногами.

Я поглядела на могильную плиту и чуть сама не умерла от неожиданности. С овальной фотографии на меня, улыбаясь, смотрела... Леночка Леонидовна.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Ошибиться было невозможно: те же глаза, нос, губы... Та же родинка на правой щеке. И как это я упустила из виду, что у Леночки Леонидовны есть черная родинка? Впрочем, что значит упустила?.. Да мне и в голову не могло прийти, что моя учительница по математике окажется террористкой. Ну, теперь-то уж... А что теперь? Ничего. Надо возвращаться в Москву. А до этого, конечно, заехать к дедушке...

В общем, я выпросила у Михалыча денег на билет и без особых приключений добралась до Задонска.

Здесь я в красочных подробностях описала дедушке, как его старый друг Михалыч чуть было не отправил меня на тот свет и как покойная Дженни Ли оказалась живой и невредимой Леночкой Леонидовной.

Мы сидели в «кубрике» и ели макароны по-флотски, запивая их «Кровавой Мэри».

— Эх, Михалыч, Михалыч,— печально качал головой дедушка.— Да и вправду сказать, как тут не свихнуться. Сначала ряд тяжелых контузий, затем смерть любимой дочери...

— Дедушка, ты не понял,— втолковывала я,— никакая она ему не дочь. Дженни Ли просто загипнотизировала бедного Михалыча, внушив ему, что она его дочь.

— Да это я понимаю,— отвечал дедушка.— У меня у самого такой же случай в Непале произошел. Меня там в тюрьму посадили, а непалец-сокамерник внушил мне, что я летать умею. Вот я из тюрьмы и улетел.

— Подумаешь, из тюрьмы улетел,— поддела я дедушку.— Ты бы попробовал как Дженни Ли. Ведь ее действительно похоронили. И доктор Гроб присутствовал на похоронах.

— Ой-ой-ой,— тут же завелся дедушка.— Не-видаль какая. Да меня в Голландии с воинскими почестями хоронили. И до сих пор в день смерти венки возлагают. Так что не надо.— Он обиженно запыхтел трубкой.

Я для пущей храбрости осушила кружку «Кровавой Мэри». Теперь мне предстояло самое тяжелое — рассказать о пропавшем Володьке.

— Дедушка,— запинаясь, произнесла я,— ты помнишь того мальчика, с которым я приезжала в прошлый раз?

— Жениха, что ли? — спросил дедушка.

Я молча кивнула.

— Конечно, помню. Вот такой парены! — Он выставил вверх большой палец.— А что?

Меня снова покинула смелость.

— Ничего. Просто интересуюсь.

— Ты хочешь о нем что-то рассказать?

— Да,— вздохнула я и рассказала.

Дедушка внимательно выслушал мой рассказ.

— То, что вы поменялись местами,— это правильно,— одобрил он.— Я сам проделал такую же штуку в Палермо, когда боролся с сицилийской мафией. Встал вместо манекена в витрину магазина. А его посадил в свой «фиат». А «фиат» ка-ак рванет!.. Впрочем, сейчас речь не об этом,— оборвал он сам себя.— Но как ты могла так крепко спать, вот что меня интересует...

Я виновато молчала.

— Это, внучка, непростительная ошибка,— безжалостно продолжал дедушка.— А вторая твоя ошибка в том, что ты поспешила выпрыгнуть из поезда. Запомни: спешить надо медленно.

Я насторожилась.

— Дедушка, откуда ты знаешь эту фразу?

— Какую такую фразу? — нахмурился он.

— «Спешить надо медленно».

— Это мое любимое изречение.

— Не-ет,—протянула я.— Твое любимое изречение: «Кто узнал жизнь, тот не торопится». А «спешить надо медленно» говорил...

— Я! — раздался за спиной знакомый голос.

Я резко обернулась.

В дверях стоял... Володька! Живой и невредимый!

— Володька! — Я кинулась ему на шею.

Какое счастье!.. Володька жив!..

От радости мы тут же начали отплясывать дикарский танец. Дедушка аккомпанировал нам на Володькиной скрипке.

Наконец, уgomонившись, мы сели за стол.

— Володька,—теребила я его,—рассказывай скорей, что с тобой случилось?! Я умираю от любопытства!

— Да ничего не случилось,—от души смеялся он.— Я просто, извиняюсь, на минутку вышел в туалет.

— Так я и знала! Вот дура! А я почему-то решила, что тебя похитил доктор Гроб.

— А я подумал, что доктор Гроб похитил тебя.

— А я,—дедушка раскурил погасшую трубку,—сказал Володьке, что наша дорогая Эмма, не разобравшись в ситуации, сиганула из поезда.

— Но, дедушка, откуда ты мог об этом знать?!

— Большой жизненный опыт, внучка. Я, друзья мои, в такие передряги попадал, не чета вашим. С поезда она, видите ли, ночью выпрыгнула. Ты вот поди-ка на всем ходу перескочи с поезда на поезд! А именно это мне и пришлось проделать, когда я ехал ночным экспрессом «Кейптаун — Солсбери» в Южной Африке.

— Капитан Кэп, расскажите! — У Володьки загорелись глаза.

— Дедушка, расскажи!

— Потом, друзья мои, потом. Не забывайте, что еще не закончены ваши собственные похождения.

— Ах да, — вспомнила я. — Володька, ты представляешь, наша Леночка Леонидовна...

— Я все слышал, — перебил он. — И знаешь, о чем я подумал: неспроста она тебя на дополнительные занятия оставляла после уроков. Вспомни, не происходило ли во время этих занятий чего-нибудь необычного.

Я старательно принялась вспоминать.

— Да вроде нет... Хотя постой, — наморщила я лоб, — после них у меня все время ужасно болела голова.

— Ага! — Володька возбужденно вскочил. — Она тебя гипнотизировала! Пыталась извлечь свою информацию.

— Молодец, парень, — одобрительно кивнул дедушка. — Соображаешь.

— И ей это удалось! Недаром же она хочет от тебя избавиться. Боится, как бы доктор Гроб с генералом Пивоваровым не докопались до твоего подсознания.

— Верно, верно. — Дедушка ткнул трубкой в сторону Володьки. — Вам надо спешить, ребята. Вы должны их всех обскакать.

— Не сомневайся, дедушка, — небрежно сказала я. — Все будет о'кей, не будь я внучка капитана Кэпа.

— А я и не сомневаюсь, — довольно улыбнулся он.

— Тогда в Москву? — спросил Володька.

— В Москву! — ответила я.

— Полный вперед! — приказал дедушка.

ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ

По дороге в Москву мы детально разработали план предстоящей операции. Мы решили забраться ночью в нашу школу и ознакомиться с личным делом Леночки Леонидовны. Ну а там...

А там — посмотрим.

На первый взгляд операция под кодовым названием «Ночь открытых дверей» (так мы ее называли из конспиративных соображений) выглядела пустяковой. Сторожем в школе работал дядя Витя. Глухой на правое ухо, хромой на левую ногу и косой на оба глаза. Он жил в маленькой пристроечке, выполняя помимо сторожевых обязанностей еще обязанности дворника и столяра.

Я предложила Володьке напоить дядю Витю водкой, подсыпав в нее, для пущей надежности, еще и снотворное. Но Володька сказал, что дядя Витя и без водки по ночам прекрасно дрыхнет. Так что со сторожем все было ясно.

Далее следовало достать ключ от директорского кабинета. Это тоже была ерунда. Все ключи висели на деревянном щите в гардеробе, рядом со стулом старушки-гардеробщицы.

А вот уже в самом кабинете нас могла подстергать первая неприятность. Я хорошо помнила, что, когда Михал Тарасыч вызывал меня к себе ругать за прогулы, у окна стоял большой сейф. И вполне возможно, что личные дела преподавателей хранились именно в этом сейфе.

Вся надежда была только на фантастическую лень нашего директора. Ну не должен он был каждый день таскать ключ от сейфа домой! Скорее всего, ключ валялся где-нибудь в столе, среди бумаг. Была у нас еще одна надежда, правда очень-очень слабая, что Михал Тарасыч вовсе не закрывает сейф, чтоб не возиться после с открыванием...

В общем, надо было пойти и посмотреть.

Поэтому, как только мы приехали в Москву, так сразу и приступили к выполнению операции «Ночь открытых дверей». Купили себе по фонарику и, ближе к вечеру, отправились в школу. Там поднялись на чердак и стали ждать. Из маленького окошка я видела пятиклашек, расходящихся по домам после второй смены. Вскоре из дверей школы вышел дядя Витя и, заперев ее, поковылял к своей пристройке.

На улице зажглись фонари. На небе появились звезды.

Наступила ночь.

— Пора, — шепнула я Володьке.

Включив фонарики, мы спустились в пустой и темный коридор первого этажа. Как-то было необычно находиться в родной школе ночью. Словно мы грабители. Впрочем, сердце у меня колотилось так, будто мы действительно пришли сюда грабить.

Володька натянул на руки кожаные перчатки и снял с гвоздика ключ. Мы поднялись на второй этаж. Володька открыл дверь. Я посветила фонариком. В кабинете было несколько стульев, два стола, поставленных буквой «Т», шкаф и сейф. Первым делом Володька подергал ручку сейфа. Он оказался заперт. Мы стали искать ключ. Обшарили все ящики стола, все полки в шкафу. Я даже заглянула в мусорную корзину. Ключа нигде не было.

— Неужели он все же забирает его домой? — сердито пробормотал Володька.

Я уселась на стол.

— Необязательно. Может, просто отдает какой-нибудь училке. Эх, блин, такая блестящая операция провалилась!

Он досады я поерзала по столу — и вдруг почувствовала под собой что-то твердое. Я пошарила рукой и нашарила... ключ.

— Володька,— неуверенно произнесла я,— а это случайно не то, что мы ищем?

И я протянула ему ключ.

Володька тут же схватил его и бросился к сейфу. Вставил в замочную скважину и повернул. «К-х-р-я-к»,— недовольно проворчал замок. Володька потянул за ручку. Тяжелая дверца медленно отошла.

— Ура-а-а! — шепотом закричала я.

И тут послышался едва уловимый шорох. Мы тотчас погасили фонарики и замерли. Шорох повторился. Несомненно, кто-то крался по коридору. Не шел, а именно крался. И уж конечно, это был не дядя Витя, которого всегда слышно за километр.

Я медленно вытащила из кармана пистолет

— Мухина! — изумленно прошептал Володька.

— Тс-с-с... — Я приставила пистолет к губам.

Дверь тихонечко начала приоткрываться.

Володька протянул руку и осторожно взял с подоконника бронзовую статуэтку Толстого. Так просто мы сдаваться не собирались.

В кабинет проскользнул школьный кот Барсик.

— Мяу, — сказал он и потерялся о мою ногу.

Я с трудом удержалась, чтобы как следует не пнуть этого дурака Барсика. Володька вытер вспотевший лоб.

Мы снова принялись за дело. Проще говоря — полезли в сейф. Там лежали какие-то тетради, скрученные в трубку диаграммы, тонкая пачка денег, перехваченная резинкой, надкусанный бутерброд с копченой колбасой... А на верхней полке в ряд стояли картонные папки с тесемками. Личные дела учителей.

Я быстро нашла папку, на обложке которой было написано: «Личное дело Е. Л. Липатовой». Внутри папки оказались зелененькая трудовая книжка и два листочка. На одном листочке была изложена автобиография Леночки Леонидовны; другой содержал в себе анкетные данные и назывался «Личная карточка преподавателя».

В «личной карточке» была наклеена та же фотография, что и на могиле в Новороссийске.

Володька принялся листать трудовую книжку. Я углубилась в чтение автобиографии. Родилась там-то, закончила то-то, работала тем-то... Конечно, я понимала, что это сплошная липа. И все-таки в этой липе могла оказаться существенная зацепка.

— Смотри! — вскрикнули мы одновременно, тыча пальцем каждый в свой листок.

— Она работала в питерском метро, — выпалила я.

— Обходчицей, — подтвердил Володька.

Действительно, в обоих документах имелась коротенькая запись о том, что Леночка Леонидовна работала в службе пути метрополитена обходчицей второго разряда.

В автобиографии этот любопытный факт объяснялся туманной фразой — «по семейным обстоятельствам». Что же это были за обстоятельства, заставившие Дженни Ли спуститься в тоннель?.. Об этом автобиография умалчивала.

Я подцепила ногтем фотку, намереваясь ее отодрать.

— Подожди, — остановил меня Володька. — Михал Тарасыч увидит, скажет Леночке, та что-то заподозрит. Давай лучше всю папку заберем.

— А если папка пропадет, не заподозрит?

— Конечно, нет. Директор подумает, что сам куда-то ее задевал. А оторванная фотография — это уже подозрительно.

Я с нескрываемым восхищением посмотрела на Володьку. Ай да Воробей!.. И кто бы мог подумать, что за какие-то две недели он превратится из зануды в отличного парня!

Я сунула папку к себе в сумку.

— Ну что, поехали? — спросил Володька.

— Куда? — не сразу врубилась я.

— В Питер, — ответил он, — куда же еще.

И мы поехали в Питер.

ТОННЕЛЬ МЕТРО

В Питере, как обычно, лил дождь. Узнав по «горсправке», где находится отдел кадров службы пути метрополитена, мы отправились туда.

В небольшой комнатке, за стеклянной перегородкой, сидели две женщины. Пожилая и молодая.

— Здравствуйте, — сказала я им. — Даже не знаю, с чего начать.

— Начни с начала,— приветливо улыбнулась молодая.

— Понимаете, я ищу свою родную мать,— стала проникновенно наводить я тень на плетень.— Когда-то она бросила меня в роддоме. А чужие люди забрали и согрели своей любовью. До недавнего времени я была твердо убеждена, что они и есть мои настоящие родители. Но вот однажды в бумагах матери я случайно нашла эту фотографию.— Я показала им фотку Леночки Леонидовны.— «Мама,— спросила я,— а кто эта тетенька?» Моя мать побелела как полотно. «Доченька,— зарыдала она,— я больше не в силах скрывать от тебя ужасную правду. Это твоя родная мать!» — «Нет! Нет! — зарыдала и я.— Ты моя родная мама!»

Обе женщины начинали потихоньку шмыгать носами. Я продолжала:

— Но с тех пор покой оставил мою душу. Я решила отыскать эту женщину, так безжалостно обошедшуюся со мной. Я ей ничего говорить не буду. Я ей просто в глаза погляжу, и все.

Добрые женщины уже открыто плакали.

— Покажи мне фотографию.— Пожилая промокала слезы платком.— Я сорок лет в кадрах работаю.

Я протянула ей снимок.

— Это Елена Липатова,— тотчас узнала она.— Обходчицей на «Петроградской» работала.

Молодая глянула на фото суровым взглядом.

— Ишь глазки какие бесстыжие,— заметила она неодобрительно.

— Ее Зинаида Ивановна хорошо знала,— продолжала пожилая.— Ты с ней, доченька, поговори. Сегодня как раз Зинина смена. Подходите к двенадцати на «Петроградскую», я дежурную по станции предупрежу.

— Ну, ты, Мухина, и врать горазда,— сказал

Володька, когда мы вышли из отдела кадров.

— А ты думал,— ответила я, чрезвычайно собой довольная.

Кое-как скоротав время до вечера, мы поехали на станцию «Петроградская». Дежурная провела нас под платформу — или, как она выразилась, в «коллектор». Это был узкий коридор, в который выходило множество дверей. За одной из этих дверей мы и обнаружили Зинаиду Ивановну, бойкую женщину лет сорока пяти или около того.

— Зовите меня просто Зина,— сразу затараторила она.— Сейчас планерка закончится, и пойдем ко мне в бытовку чай пить.

После планерки Зина привела нас в маленькую комнатку, поставила на плитку чайник и вынула из сумки пакет.

— Зефир в шоколаде уважаете? — подмигнула она нам.

— Еще бы! — с восторгом воскликнула я.

И мы стали пить чай с зефиром. Красота.

— А вы с Эмминой мамой подругами были? — спросил Володька.

— Ну, не то чтоб подругами. Работали на одной дистанции. Мой участок был от «Горьковской» до «Петроградской», а ее — от «Петроградской» до «Черной речки». Обычно обходчицы вдвоем свои участки обходят, потому как страшно одной по тоннелю шастать. Мало ли что. А Ленка почему-то любила одна...

Было отчетливо слышно, как над нами, по платформе, ходят пассажиры. А когда к станции подъезжал состав, в бытовке все начинало трястись.

— Шумно у вас,— заметила я.

— А-а,— беспечно махнула рукой Зина.— Это пока поезда ездят. А через полчаса здесь будет тихо как на кладбище.

И точно. Постепенно все звуки стихли. Станция

закрылась. Поезда ходить перестали. В коллекторе раздался пронзительный звонок. Голос дежурной, усиленный динамиком, сообщил: «Напряжение снято. Можно входить в тоннель».

— А хотите со мной в обход? — предложила Зина.

— Конечно! — в один голос согласились мы.

Зина принесла нам по желтому сигнальному жилету, и мы спустились в тоннель.

В тоннеле было очень тихо. Тускло мерцали лампочки по стенам. Где-то капала вода. Шпалы располагались так часто, что приходилось идти по ним мелкими шажками.

Зина включила мощный фонарь и начала внимательно разглядывать какие-то штучки сбоку от железнодорожного пути.

— Это кронштейны, — разъясняла она нам. — На них крепится третий рельс. Видите, он деревянными коробами закрыт. По нему как раз и проходит ток.

— Ой! — пронзительно завизжала я. — Смотрите — мышка!..

— Да, мышка, — посмеивалась Зина, — а на некоторых станциях и крысы водятся. Вот такие, — показала она руками крысу величиной с кошку.

Иногда по дороге, в стенах, попадались чернеющие провалы.

— Это проходы на соседний путь, — говорила Зина. И вдруг остановилась у одного из проходов. — А вот здесь находится подземный госпиталь. Хотите посмотреть?

Мы, конечно, хотели.

Войдя в темный проход, Зина высветила на полу грязную крышку люка. Общими усилиями мы откинули ее в сторону. Вниз, в кромешную тьму, уходила железная лесенка. Зина безбоязненно полезла первой. За ней двинулась я. За мной — Володька.

Обходчица щелкнула выключателем. Загорелся свет. Мы ахнули от неожиданности. Перед нами было громадное помещение со множеством коридоров, расходящихся в разные стороны.

— Видите,— сказала Зина, довольная произведенным эффектом,— это и есть подземный госпиталь. Вернее, будет госпиталем, если война начнется. Не дай Бог, конечно.— Она быстро перекрестилась.

Мы переходили из одной пустой комнаты в другую.

— Чего тут под землей только нет,— тараторила Зина.— И какие-то склады, и электростанции... А когда метро рыли, то подземный ход обнаружили. Старинный. Он от женского монастыря идет. Как раз здесь где-то и проходит,— показала она пальцем на ближайшую стену.

Мы снова вылезли в тоннель и отправились дальше. На всем протяжении нашего пути по стенам белели небольшие таблички с цифрами.

— Теть Зин,— спросила я,— а что это за номера?

— Да пикеты. Чтоб рабочим удобней место работы находить. Вроде указателей. Видишь, написано: двести один — тринадцать. А через метр: двести один — четырнадцать. А дальше: двести один — пятнадцать...

Разговаривая, мы незаметно дошли до станции «Черная речка», посидели там на лавочке и двинулись обратно, но уже по второму пути.

Два раза мигнули в тоннеле лампочки.

— Пять часов,— определила Зина.— Пора наверх выбираться. Через пятнадцать минут ток на третий рельс подадут. Шарахнет — мало не покажется.

Мы ускорили шаг. Вскоре появились световоры, а затем и станция. Мы опять прошли в коллектор и сели пить чай.

— Она вообще странная была, маманя твоя,— продолжала за чаем разговор Зина.— Любила по выходным работать, когда в тоннеле вообще никого нет... В монастырь уходила. Монашенкой.

Мы с Володькой переглянулись. Леночка Леонидовна была монашенкой? Это что-то новенькое.

— Расскажите, тетя Зин,— попросила я.

— А чего тут рассказывать. Просто разговор как-то зашел о подземном ходе, что от монастыря ведет. Ленка и говорит: «А я там монашенкой была. Не покажешь ли, где этот ход?» Ну, а мне жалко, что ли?.. Я показала.

— А монастырь отсюда далеко? — спросил Володька.

— Рядом. На реке Карповке.— Допив свой чай, Зина поднялась.— Пойду к дежурной схожу. Надо в журнале отметить, что мы из тоннеля вышли. А вы поспите, ребята, поспите. С непривычки-то тяжело ночь не спавши.

Долго нас упрашивать не пришлось. Я улеглась на одну лавку, Володька на другую. Зина, погасив свет, ушла.

— Володька,—сказала я в темноту, — ты спишь?

— Нет еще. А что?

— А вдруг в этом подземном ходе спрятаны несметные сокровища?

— Фантазерка ты, Мухина,— шумно вздохнул Володька.— Да разве наше правительство отдаст Герундии ядерное оружие за какие-то там сокровища? Не-ет, тут что-то посерьезней. Но вот что?..

МАТУШКА ЛЮДМИЛА

Пасмурным утром, наскоро перекусив в кафе жареными сардельками, мы отправились в женский монастырь. Над входом висела большая икона. Мы на всякий случай перекрестились и вошли. Мра-

морный пол был чисто выметен. Монахиня в черных одеждах продавала в углу религиозную литературу.

Я снова завела пластинку насчет мифической матери, оставившей меня в роддоме.

— Господи Боже мой,—всполошилась монахиня.— Грех-то какой родное дитя бросать.

— И не говорите,—покивала я головой.

— Понимаете, в чем тут дело,—влез в разговор Володька.— Ее мать работала у вас монашкой.

— Господи прости,—установилась на него монахиня,— что значит работала? У нас не работают, мальчик, у нас Богу служат.

— Ну Богу служила,—поправился Володька.— Не в этом суть.

— А как ее звали? — спросила монахиня.

— Наверное, матушка Елена,—не очень уверенно сказала я.

— А, матушка Елена,—вспомнила она.— Да, была у нас такая послушница. Но накануне Пасхи мирно скончалась. Ее отпели и предали земле.

Мы с Володькой прямо обалдели от такого ответа.

— А вы в этом точно уверены? — Я протянула ей снимок.— Она же еще не старая.

Монахиня, нацепив на нос очки, принялась внимательно изучать фотографию.

— Это не матушка Елена,—сказала она,— а матушка Людмила. Она давно в мир ушла, после того как ей в келью явились... кто бы вы думали?

— Герундские шпионы! — убежденно ответила я.

— Господи, прости душу грешную,—мелко закрестилась монахиня.— Какие еще шпионы? Ангелы небесные! Явились они и говорят: «Иди,

матушка, в мир. Добро творить». Вот она в мир и ушла.

— А нельзя ли поговорить с кем-нибудь, кто ее хорошо знал? — спросил Володька.

— Вам надо пройти к ее келейнице. Давайте я вас провожу.

Монахиня заперла свои книги, и мы вышли на монастырский двор. Проходя мимо маленькой церквушки, я увидела широкую мраморную лестницу, устланную дорогами коврами. Лестница вела куда-то под землю.

— Это вход в подземелье? — тут же заинтересовалась я.

— Ну что ты, деточка, — ответила монахиня. — Это вход в святую гробницу.

— А где вход в подземелье? — напрямик спросил Володька.

— Вы, верно, имеете в виду старинные подвалы под монастырем, — догадалась она. — Так это с другой стороны. Мы как раз мимо проходить будем.

Пройдя через большой двор, мы оказались рядом с полуобвалившейся каменной лестницей, которая вела к ржавой железной двери. Дверь была чуточку приоткрыта. Я, конечно, попыталась открыть ее шире. Дверь не поддавалась.

— Здесь все давно покинуто, — меланхолично вздохнула монахиня. — С тех самых пор, как матушка Людмила в мир ушла.

Я сразу насторожилась.

— А почему именно с тех пор? — спросил Володька, видимо, тоже что-то заподозрив.

— Так ведь она и предложила нашей игуменье составить подробный план этих подвалов, чтоб использовать их в хозяйстве. Почитай, дневала и ночевала тут. Все с фонариком лазила. А когда в метро что-то ремонтировали, часть подземных ходов и обвалилась. Матушка Людмила еле живой

оттуда выбралась. А потом сразу в мир ушла. Творить добро.

— Понятненько,— сказала я и посмотрела на Володьку.— Пора и нам в мир отправляться.

— Творить добро?

— Ну естественно.

— А как же келейница? — удивилась монахиня.

— Мы к ней в следующий раз заглянем,— пообещала я.

Выйдя из монастыря, мы направились к центру города.

— Значит, так, Володька,— рассуждала я по дороге.— Международная террористическая организация «Сестры по оружию» узнает какую-то очень важную тайну и посылает к нам в страну своего агента, Дженни Ли. Она, в свою очередь, узнав, что тайна связана с женским монастырем, устраивается в этот монастырь монахиней и находит в подземелье нечто...

— Но подземный ход обваливается,— на лету подхватил мою мысль Володька,— и к этому самому нечто со стороны монастыря уже не подобраться. Тогда Дженни Ли, не будь душой, устраивается обходчицей в метро...

— Постой, постой,— не дала я ему договорить. Мы как раз проходили мимо памятника Пушкину. Неподалеку, на скамейке, сидел плотный мужчина с рыжими усами и черным портфелем. Он читал газету.

Я быстро подошла к нему и сказала:

— Морская свинка Афанасий.

Он вздрогнул и опустил газету.

— Пошла и утопилась в квасе.— Это был майор Гловов.— Ну ты даешь, Эмка! — Он сорвал приклеенные усы.— Ты бы еще через год явилась! Я тебя уже вторую неделю дожидаясь.

— Как вторую неделю?! Мсье Фабр говорил,

что я должна встретиться со связным между десятью и одиннадцатью. А сейчас,— я посмотрела на часы,— первый час.

— Ах, мсье Фабр,— скривился Глотов,— тогда понятно. Он специально сообщил тебе неправильное время. Фабр работает на герундскую разведку. Подписал с ними контракт на три года.

— Значит, это он все передавал доктору Гробу!

— Ну а кто же еще?

К нам подошел Володька.

— Знакомьтесь,— представила я его майору Глотову,— мой друг, Владимир Воробьев. Известный скрипач.

Пи-пи-пи-пи...— запищало в кармане у Глотова. Он достал телефонную трубку.

— Слушаю, Фрол Федосеевич,— сказал он в микрофон,— да, да.— Убрав трубку, майор посмотрел на меня.— Мы должны лететь в Москву. Прямо сейчас.

— У вас что — самолет есть?

— Самолета нет, а вертолет — пожалуйста.— Глотов показал рукой в сторону Пушкина.

Над памятником кружил военный вертолет.

ОПЕРАЦИЯ «ЭРМИТАЖ»

— Ну наконец-то! — Пивоваров заключил меня в свои генеральские объятия. Потом распорядился по селектору: — Ирочка, кофейку, милая.— И, хитро глянув в мою сторону, добавил: — С зефиром в шоколаде.

Тотчас явилась уже знакомая мне Ирочка с кофе и зефиром.

— Хочу сообщить тебе, Эмма, приятное известие,— весело сказал генерал.— Доктора Гроба можешь больше не опасаться. В Герундии произошел государственный переворот, и к власти при-

шло демократическое правительство. Ядерное оружие им теперь надо как зайцу насморк... Плохо другое, дочка.— Пивоваров принялся самолично разливать кофе из блестящего кофейника.— У тебя появился более опасный враг. Это женщина. Ее зовут... зовут...— Он полез в записную книжку.

— Дженни Ли,— подсказала я.

Пивоваров и Глотов как по команде уставились на меня.

— Откуда ты знаешь? — удивленно спросил Глотов.

— От верблюда. Почему вы мне сразу про нее не сказали?!

— Да мы и сами о ней только-только узнали,— стал оправдываться генерал Пивоваров.— Буквально позавчера наш суперагент Ф-17 сообщил, что в операции «Эмма» замешана террористическая организация «Сестры по оружию». И что к нам в страну послана эта Дженни Ли. С особым поручением.

— А с каким конкретно, Ф-17 не сообщил?

— Нет, к сожалению, это ему не известно,— вздохнул генерал.

— Зато мне известно,— сказал майор Глотов.— Вчера, когда я ждал Эмму у памятника Пушкину, Дженни Ли предъявила по радиотелефону ультиматум. Если мы в трехдневный срок не положим на ее счет в швейцарском банке триста миллиардов долларов, она взорвет Санкт-Петербург!

В кабинете повисла гнетущая тишина.

— Она что, нас за идиотов принимает?! — Пивоваров закурил сигарету.— Взорвет Санкт-Петербург. Это ж надо такое придумать!

Майор Глотов хранил гробовое молчание.

— Чего молчишь, Глотов? — занервничал генерал.

— К сожалению, Фрол Федосеевич,— медлен-

но произнес майор,— эта угроза имеет под собой реальные основания.

Пивоваров выпустил изо рта тонкую струйку дыма.

— Чего она под собой имеет? — переспросил он.

— Реальные основания,— повторил Глотов.— Дело в том, что во время войны весь исторический центр тогдашнего Ленинграда был полностью заминирован.

— Ну, знаю,— досадливо мотнул головой генерал Пивоваров.— Когда немецкие войска подошли к городу, действительно был издан секретный приказ: заминировать все памятники культуры. Эта операция называлась «Эрмитаж». Но с тех пор все давным-давно разминировано.

— К сожалению, Фрол Федосеевич,— так же серьезно продолжал майор Глотов,— никто ничего и не думал разминировать.

От этих слов генерал Пивоваров судорожно вздохнул, и зажженная сигарета провалилась ему в рот. Он надсадно закашлял, хватаясь рукой за горло. Я протянула ему кофейник. Пивоваров, присосавшись к носику, сделал несколько быстрых глотков. Затем вытер набежавшие на глаза слезы.

— Ну ты даешь, Глотов,— прохрипел он.— Нашел время для шуточек.

— Я не шучу, Фрол Федосеевич, все мины, заложенные в ходе операции «Эрмитаж», лежат до сих пор.

— Это что ж такое получается? — Генерал стал загибать пальцы.— Зимний дворец, Исаакиевский собор, Казанский собор... Что там еще?..

— Смольный, Петропавловская крепость... — подсказал майор Глотов.

— Гостиный двор, Русский музей... — добавила я.

— Все это может взлететь на воздух.— Пиво-

варов перешел на страшный шепот.— Вы представляете, что это значит?

— Представляем,— ответила я за себя и за Глотова. Хотя, честно говоря, с трудом представляла.

Заложив руки за спину, генерал Пивоваров быстро заходил по кабинету.

— Не понимаю,— бормотал он себе под нос,— как это не разминировали?..— Он остановился напротив Глотова.— Почему не разминировали?!

— Забыли, наверное, — спокойно ответил майор.

— За-бы-ли,— по слогам повторил Пивоваров.— Как можно такое забыть?!

— Очень даже просто.— Глотов подлил себе кофейку.— Я вот к зубному ходил, зуб пломбировать. Так мне мышьяк забыли из зуба вытащить. Так с мышьяком и запломбировали.

— Санкт-Петербург — это вам не зуб,— сухо напомнил генерал Пивоваров.— А северная столица!

— Ну и что? — Глотов помешивал ложечкой в чашке.— То да се, пятое-десятое. Может, минеров не хватило, может, оборудование не подвезли, да мало ли что. Вот и забыли.

— Ладно.— Пивоваров пристукнул ладонью по столу.— Забыли так забыли. Теперь наша задача — исправить это досадное недоразумение.

— Как же мы его исправим? — удивился майор Глотов.— Операция «Эрмитаж» проходила в обстановке строжайшей секретности. Вся документация была замаскирована под документы культурного характера. Если сейчас по архивам начать рыться, жизни не хватит.

— Тогда подготовьте список основных участников минирования.

— Уже подготовил.— Глотов достал из «дипломата» листок бумаги.— Вот, пожалуйста, три

основных участника: капитан Федоров, лейтенант Пискунов и ефрейтор Линеv.

Ефрейтор Линеv!.. Это же Михальч!..

Только теперь мне стало ясно, что старик говорил правду. А я-то, дура, думала, что у него не все дома. И еще я поняла истинную цель Дженни Ли... Нет, совсем не случайно она явилась к Михальчу и внушила ему, что она его дочь. Эта женщина ничего не делала случайно...

— Где сейчас все эти люди? — спросил генерал Пивоваров.

Готов заглянул в бумагу.

— Федоров с Пискуновым давно умерли, а Линеv живет в Новороссийске. Работает смотрителем маяка.— И, опережая очередной вопрос генерала, добавил: — Служба безопасности уже допросила его. Старик ничего не помнит. Похоже, Дженни Ли заблокировала ему память так же, как и Эмме.

— Шустрая особа,— невольно восхитился Пивоваров.— А может, она нас, Готов, на пушку берет, а? Может, и сама не знает, где пульт управления взрывом?

— А как мы это проверим?

— Очень просто. Не выполним ультиматум. И если город не взорвется, значит, она нас водила за нос.

— А если взорвется? — спросила я.

Генерал Пивоваров раздраженно пощелкал зажигалкой.

— Эх, найти бы эту Дженни Ли,— с горечью произнес он.— Кто она такая?.. Где прячется?.. Никто ничего не знает.

— Я все знаю! — сказала я, доедая последнюю зефирину.

— Ты... знаешь?..— недоверчиво смотрел Пивоваров.

Я выдержала эффектную паузу.

— Да, знаю. Это наша учительница по мате-

матике Леночка Леонидовна. Сейчас она находится в средней школе № 324. Проводит там консультацию по алгебре, потому что завтра у нас контрольная работа.

И я рассказала им все свои приключения.

— Отлично, Эмма! — обрадовался генерал Пивоваров. — Готов, немедленно установить круглосуточное наблюдение за Леночкой... э-э... за Дженни Ли. Глаз с нее не спускать!

— А что будем делать с ультиматумом?

— Наплевать и забыть! — распорядился генерал.

— Да, но тогда она пойдет и...

Пивоваров хитро прищурился.

— Вот и пускай идет. А мы ее в этот момент цап-царап! — генерал сделал движение руками,

словно кошка, поймавшая мышку,— и схватим на месте преступления. Узнав таким образом, где расположен рубильник. Ну как планчик?

— Вообще-то рискованно, Фрол Федосеевич,— с сомнением сказал майор Глотов.— А вдруг мы ее не успеем вовремя сцапать? И она включит рубильник или там кнопку какую-нибудь нажмет. Нас же с вами со службы попрут за провал операции «Эмма».

Генерал Пивоваров молодцевато расправил плечи.

— Кто не рискует — тот не выигрывает,— бодро заявил он и, неожиданно погрузнев, добавил: — Тем более мне все равно скоро на пенсию.

ПОЖИРАТЕЛЬНИЦА ЗЕФИРА

Когда я вернулась домой, Володька пикировал на скрипке у себя в квартире. А мне в свою квартиру было не попасть. Майор Глотов сдержал обещание — поставил железную дверь, соответственно с новым замком.

Я позвонила к Володьке.

— А, Мухина,— таинственно улыбнулся он,— заходи, гостем будешь.

Я вошла и прямо с порога выложила коронную новость. Питер заминирован! И не сегодня-завтра может взлететь на воздух!!

К моему полнейшему изумлению, Володька выслушал это сообщение вполне спокойно.

— Я, Мухина, теперь ничему не удивляюсь,— философски сказал он.— В жизни может случиться все что угодно.

Мы прошли в комнату. На столе лежала коробка зефира.

— О-о! — Я радостно захлопала в ладоши.— Зефирчик!

— Сначала маленькая лекция.— Володька ото-

двинул коробку в сторону.— Садись и слушай.

Скорчив недовольную гримасу, я уселась в кресло.

— Только покорооче, Паганини,— предупредила я.— В двух словах.

— Итак, Мухина,— торжественно начал Володька,— все это время я усиленно размышлял на одну и ту же тему: каким кодом тебя закодировала Дженни Ли. И вот к какому заключению пришел: все самые таинственные и загадочные истории имеют, как правило, очень простое объяснение.

— К этому заключению ты еще в поезде пришел,— напомнила я ему.— Когда мы в Новороссийск ехали.

— Правильно. Именно в ту самую ночь, когда ты выпрыгнула из вагона, я вдруг вспомнил один интересный случай, который произошел с моей бабушкой в деревне. Ее сосед купил на рынке кролика редкой породы. Очень дорогого. А через некоторое время уехал по делам в город. А бабушкин пес Джек притащил этого кролика в зубах к себе в будку. Мертвого и с грязной шерстью. Бабушка, конечно, страшно испугалась. Раз ее Джек загрыз кролика, значит, ей и платить. И вот что она придумала: взяла кролика, отмыла его от грязи шампунем и отнесла обратно в клетку. На другой день прибегает сосед. Весь бледный, руки трясутся. «Чертовщина,— говорит,— какая-то получается. Позавчера у меня кролик сдох; я его закопал неподалеку от дома. А сегодня утром из города приезжаю, а он снова в клетке. И шерсть белая-белая...»

— Ну и что? — спросила я, нетерпеливо поглядывая на зефир.— Ерунда на постном масле.

Володька грозно навис надо мной.

— Нет, не ерунда, Мухина! Неужели тебе не понятно, что для соседа вся эта история с кроли-

ком — сплошной абсурд и мистика! Тогда как на самом деле все объясняется элементарно просто. — Он гордо выпрямился. — Вот тогда я и понял, что в твоей истории тоже нет ничего особенного. И загадочный ключ самый что ни на есть пустяковый. Это... зефир в шоколаде!

— Зефир в шоколаде? — с недоумением повторила я.

— Конечно, — кивнул Володька. — Помнишь, ты говорила, что с пяти лет постоянно думаешь о нем. Значит, зефир и есть ключ, который блокирует секретную информацию. — Он схватил меня за руку и потащил в маленькую комнату.

Я глянула и... обомлела.

Весь диван был завален коробками зефира. Володька сделал приглашающий жест рукой.

— Налетай, Мухина, пока я добрый!

— Слушай, а ты случайно не... — Я красноречиво покрутила пальцем у виска.

Володька зашторил окна, достал из шкафа толстую свечу, зажег ее и поставил на край стола.

— Дамочки и господа! — театрально воскликнул он. — Сейчас мы вам покажем уникальнейший эксперимент. Нервных просим удалиться. — И, повернувшись в мою сторону, согнулся в шутовском поклоне. — Прошу к столу, мадемуазель Мухина.

Я иронически хмыкнула и села за стол.

— Значит, так, — стал объяснять Володька. — Ты ешь зефир, смотришь на пламя свечи и думаешь об информации. Понятно?!

Я кивнула. Он взял секундомер.

— Внимание, начинаю отсчет времени: три, два, один... Старт! — Володька резко махнул рукой.

— Поехали-и-и!.. — завопила я, засовывая в рот первую зефирину.

И понеслось...

За первой зефириной последовали вторая, третья, четвертая, пятая... Вскоре счет пошел на коробки.

— Давай! Давай! — подбадривал меня Володька, убирая пустые коробки и подставляя полные. — Смотри на пламя! Думай об информации!

— Володька, — наконец взмолилась я, — дай передохнуть, а то сейчас лопну.

— Ни в коем случае, — решительно возразил он. — Клин клином вышибают. Я тебе сейчас соку принесу.

Сгоняв на кухню, он притащил бутылъ апельсинового сока. Несколько коробок прошло на «ура» под апельсиновый сок. Затем снова все застопорилось. Я уже не могла без дрожи смотреть на этот дурацкий зефир. Меня от него мутило.

— Ну, Эммочка, ну пожалуйста, — умолял Володька, пихая мне в рот очередную зефирину. — За папочку... за мамочку...

Я схватила со стола полную коробку и запустила в Володькину физиономию.

И в этот момент я вспомнила.

Вернее, даже не вспомнила, а слышала. Прямо в голове у меня зазвучали громкие аплодисменты. А в нос ударил острый запах опилок. Пламя свечи сделалось ярким-ярким, и в колыхающемся зареве я увидела... Леночку Леонидовну. Она была в длинном черном платье с блестками.

— Двести один — шестнадцать, — шептали ее губы. — Двести один — шестнадцать. Повтори.

— Двести один — шестнадцать, — послушно повторила я.

— Что, что? — донесся откуда-то издалека голос Володьки. — Говори громче, Мухина.

— А теперь — забудь, — приказывала Леночка Леонидовна. — Забудь и думай о зефире в шоколаде. Ты любишь зефир в шоколаде! Ты любишь зефир в шоколаде! Ты любишь зефир в ...

— Замолчите! Замолчите!!! — Я заткнула уши пальцами.

— Эмма, что с тобой?! Эмма! — с силой тряс меня Володька.

Я открыла глаза. И первое, что увидела,— была коробка зефира. Меня чуть не стошнило.

— Запоминай,—я еле ворочала языком,— двести один — шестнадцать.

Володька заметался по комнате.

— Ты чего?

— Да ручку ищу!

— Тебе что, так не запомнить? Двести один — шестнадцать.

Я с трудом поползла до дивана и буквально рухнула на него.

— Фу-у.— Я погладила обеими руками свой вздувшийся живот.— Обожралась.

Мне было тяжело дышать и говорить. У Володьки же, судя по всему, энергия была через край.

— Двести один — шестнадцать! — азартно выкрикнул он.— Мухина, давай теперь думать, что эти цифры означают.

— Воробьев,— взмолилась я,— отстань.

Володька взял из коробки зефирину и с удовольствием съел. Я отвернулась к стене, чтобы не видеть этого кошмарного зрелища.

— Может, это код сейфа?.. Или номер счета в банке?.. А может, номер телефона?.. Как ты считаешь, Мухина?

Меня окутал спасительный сон.

Когда я проснулась, Володька все еще продолжал размышлять.

— Может, это номер астероида из чистого золота?.. Или мистическое число исчезнувшей цивилизации?..

Я поняла, что он дошел до ручки.

— Володька,— сказала я, потягиваясь,— хватит молоть чепуху. Завтра пойдем к Леночке Леонидовне и все у нее узнаем.

— Так она тебе и скажет.

— Скажет,— уверенно ответила я, нащупав в кармане дедушкин пистолет.

КОНТРОЛЬНАЯ ПО АЛГЕБРЕ

— Ах, Мухина с Воробьевым явились, — ядовито произнесла Леночка Леонидовна, когда мы вошли в класс. — Осчастливили, так сказать, своим появлением.

Несколько подхалимов, сидящих в первом ряду, услужливо захихикали. Мы в гордом молчании проследовали на свои места. Я достала из сумки тетрадь, ручку и посмотрела на доску, где было написано условие задачи. Из пункта А в пункт Б выехал поезд... Ясно, обычная чушь. Я, конечно, и не собиралась это решать. У меня была задачка посложнее: вывести Дженни Ли на чистую воду.

От нечего делать я стала глядеть в окно. «Что бы мне ей такое сказать?» — думала я. «Ваша карта бита, мадам!» — слишком высокопарно. «Попа-лась, которая кусалась!» — слишком по-детски. А скажу-ка я: «Комедия окончена, Дженни Ли!» Это и оригинально, и звучит красиво.

Оставляя свои тетради на столе у Леночки Леонидовны, все начинали понемногу расходиться. Володька тоже пошел к выходу. Проходя мимо, он незаметно сунул мне записку с решением задачи.

В классе остались только я и Леночка Леонидовна.

— Ну так что, милочка моя? — сказала она. — Скоро ты решишь? Я не собираюсь здесь ночевать.

— Уже решила.

— И сколько у тебя получилось?

— Двести один — шестнадцать, — четко произнесла я.

Наступила тишина.

Было слышно, как по классу летает одинокая муха. Мы пристально смотрели друг на друга, словно играли в игру «кто кого переглядит».

Зрачки у Леночки Леонидовны начали постепенно расширяться. Почувствовав во всем теле непонятную вялость, я резко тряхнула головой.

— Только не надо меня гипнотизировать.

— Что-что?! — закричала Леночка Леонидовна. — Да я гляжу, милочка, ты совсем обнаглела! Мало того, что прогуливаешь! Теперь еще и хамить начала! Все! С меня достаточно, я сейчас же иду к директору!!!

И она решительным шагом направилась к дверям.

— Стойте, — мягко сказала я, подкрепляя свою просьбу пистолетом. — Стойте, Д ж е н н и Л и.

Она застыла на месте. Потом медленно повернулась.

— Комедия окончена, Дженни Ли, — с удовольствием произнесла я заготовленную фразу. — Мне все известно. И про цирк. И про кладбище.

— Хорошо, Мухина. — Она подошла поближе. — Чего ты хочешь?

— Тайну этих цифр, — коротко потребовала я. Леночка Леонидовна лихорадочно закурила.

— Зачем это тебе? Не понимаю.

— А просто так, — ответила я. — Из любопытства.

Она молча курила.

— Вы, кажется, не собирались здесь ночевать, — напомнила я.

Вместо ответа она ткнула сигаретой в мою руку.

— Ай! — вскрикнула я от боли, невольно разжимая пальцы.

Пистолет упал на пол. Дженни Ли живо отпихнула его ногой в сторону. А мне в лицо уже смотрел другой пистолет. Маленький и блестящий, похожий на обыкновенную зажигалку.

— Не надейся, милочка, — сказала Дженни

Ли. — Это не зажигалка. Увы, тебе сейчас придется умереть. Но, видно, такова твоя судьба.

Раздался сухой хлопок выстрела. Я даже не успела испугаться. Пуля просвистела возле моего уха.

— Хорошо стреляет тот, кто стреляет последним, — послышался насмешливый голос.

В дверях класса стоял доктор Гроб. Тоже с пистолетом.

— Брось свою игрушку, Дженни, — приказал он. — Это непедагогично — убивать собственных учениц.

— Доктор Гроб! — в бешенстве вскричала Дженни Ли и со злостью отшвырнула пистолет.

— Да, это я, — широко улыбнулся доктор, подходя к нам. — Ты дважды обводила меня вокруг пальца, Дженни. В третий раз у тебя этот номер не пройдет. — Голос его сделался жестким. — А ну, выкладывай все по порядку.

— Я вас не понимаю, — прикинулась Дженни Ли дурочкой.

— Ты дурочкой не прикидывайся, — угрожающе помахал пистолетом доктор Гроб. — Я тебе сейчас помогу. Давай начинай: я, Дженни Ли, тайный агент террористической организации «Сестры по оружию»... Ну?!. — Он снова помахал пистолетом.

— Я, Дженни Ли, тайный агент террористической организации «Сестры по оружию», — послушно начала говорить она и продолжила: — Несколько лет назад прибыла в Россию. По своим секретным каналам нам стало известно, что русский город Санкт-Петербург заминирован. Наша организация специализируется на террористических актах по всему миру, и, конечно, о таком теракте, как взрыв Петербурга, мы могли только мечтать...

Дверь неожиданно распахнулась, и в класс заглянули мои подружки Танька с Анькой.

— Здравствуйте, Елена Леонидовна,— хором поздоровались они с Дженни Ли.

— Привет, Эмка,— увидев меня, добавила Танька.

— Привет, девочки,— деревянным голосом ответила я, чувствуя, как пистолет доктора Гроба больно уперся мне в бок.

— Где пропадаешь? — спросила Анька.

— Девочки,— свирепо посмотрел на них доктор,— вы нам мешаете заниматься.

Обе головы тотчас скрылись. А вместе с ними скрылась и моя надежда на спасение.

— Продолжайте, Дженни,— приказал доктор Гроб.

Дженни Ли продолжила:

— Руководство послало меня в Россию проверить достоверность полученной информации и, если все окажется правдой, взорвать город!.. Это была невероятно трудная задача. Мне было известно только, что операция по минированию города носила кодовое название «Эрмитаж». Я отлично знала, что в России дела подобного рода делаются в обстановке строжайшей секретности. Но я знала и другое: ничто не пропадает бесследно, ничто и никогда. И вот после долгих и кропотливых поисков, перерыв, наверное, тонны документов во всех доступных архивах, я наконец нашла то, что искала. Ветхую записочку, написанную выцветшими чернилами. В ней говорилось, что из военной части откомандированы три опытных минера для участия в операции «Эрмитаж». Это была слабая ниточка, но я за нее потянула. И вытянула ефрейтора Линева. Оба других минера умерли сразу после войны. Он же был жив, одинок и контужен. Мне ничего не стоило внушить сумасшедшему старику, что я его дочь. А уж чтобы он рассказал о минировании Петербурга, и внушать ничего не потребовалось. Буквально на второй день старик

сам все выложил: как минировали, откуда поступает энергоподпитка и, наконец — самое главное, — где находится рубильник...

— Где, где он находится? — нетерпеливо перебил доктор Гроб.

— Двести один — шестнадцать, — медленно произнесла Дженни Ли. — Дом номер двести один, корпус шестнадцать. В подвале этого дома и находится рубильник.

— А улица? — дрожал от возбуждения доктор Гроб. — Какая улица?!

— Не помню, — криво усмехнулась Дженни Ли.

У доктора сделалось такое лицо, словно ему свернули шею. Пальцы, сжимающие рукоятку пистолета, побелели.

— Ах ты... — задохнулся он от злобы. — Шутки со мной шутить вздумала? Да я тебя сейчас пристрелю!

— Не пристрелишь, — спокойно ответила террористка. — Ты, кажется забыл, что в Герундии переворот. И ты теперь — государственный преступник. Так что оставь свои угрозы при себе, и давай договариваться по-хорошему.

— Как это? — несколько опешил доктор Гроб.

— А вот так — ты должен заплатить мне за информацию. Герундии она, конечно, уже ни к чему. Но ведь есть и другие страны, которые не прочь иметь ядерное оружие и готовы ради этого пойти на шантаж русских. Ты сможешь выгодно продать купленные у меня сведения.

Доктор Гроб задумался.

— А как же «Сестры по оружию»? — спросил он.

— Перебьются.

— Сколько? — деловито бросил доктор.

— Триста миллиардов.

— Рублей?

Дженни Ли громко расхохоталась.

— Долларов, милочка моя, долларов.

Доктор нервно прикусил мизинец.

* — Согласен,— сказал он.— А что будем делать с девчонкой?

Я вся напряглась в ожидании ответа.

— Думаю, что ее надо убрать,— холодно произнесла Дженни Ли.— Зачем нам лишний свидетель?

Вот гадина!..

Доктор Гроб поспешно кивнул и принялся накручивать на ствол пистолета маленький глушитель.

Я собрала в кулак все свое самообладание. От того, что я сейчас скажу, зависела моя жизнь.

— Доктор Гроб,— я старалась говорить как можно спокойнее,— вы, кажется, забыли, что я связана с генералом Пивоваровым. Так вот, Дженни Ли предъявила ему ультиматум, в котором указана точно такая же сумма. Триста миллиардов долларов.

Рука, крутившая глушитель, замерла.

— Это правда, Дженни? — Он кинул на террористку колющий взгляд.

— Девчонка врёт! — сорвалась Дженни Ли на крик.— Убей ее!!!

— А может, это вы врете? — сказала я.— Почему вы ничего не говорите доктору о женском монастыре?

— Какой еще монастырь? — нахмурился доктор Гроб.— Я смотрю, Дженни, ты снова пытаешься меня провести.

— Да что ты слушаешь эту маленькую лгуню! — завизжала Дженни Ли.— Убей ее!.. убей!..

Она судорожным движением достала из сумочки сигареты, зажигалку и стала нервно прикуривать. Это была ловушка для доктора. И он в нее

угодил. Вместо языка пламени из зажигалки, прямо в нос доктору Гробу, ударила струя газа. Не проронив ни единого слова, доктор рухнул на пол. Дженни Ли, перескочив через неподвижное тело, бросилась к дверям.

ТАЙНА РАСКРЫТА

Я кинулась вслед за ней, с опозданием подумав, что надо было прихватить с собой пистолет. Но возвращаться уже не было времени.

Дженни Ли, перепрыгивая через три ступеньки, неслась по лестнице.

— Остановитесь! — закричала я в лестничный пролет. — Вам все равно не уйти!

— А это мы посмотрим! — ответила она и припустила еще быстрее.

Я кубарем скатилась по лестнице и выбежала на улицу. Дженни Ли уже проворно залезла в вишневый «БМВ».

Где же круглосуточное наблюдение, о котором говорил генерал Пивоваров?!. Я растерянно оглянулась. Ни-ко-го.

Вишневый «БМВ» выехал на дорогу и затерялся в плотном потоке машин.

— Кого потеряла, Эмка? — услышала я знакомый голос.

Неподалеку от светофора стояли два пацана из шестого класса. В руках у них были тряпки и баллончики с моющей жидкостью. На светофоре загорелся красный свет, и ребята подбежали к шикарному «мерседесу», за рулем которого сидела не менее шикарная дама. Они цвыркнули из баллончиков на ветровое стекло моющую жидкость и принялись старательно растирать тряпками.

Когда работа была закончена, дама, опустив боковое стекло, протянула им мятый доллар.

Я сразу же поняла, что мне надо делать. Вы-

хватив у одного из мальчишек грязную тряпку, я швырнула ее в лицо шикарной даме.

— Это крыса! крыса! — завопила я придурочным голосом.

— А-а!!! — испуганно заверещала дама, не разобравшись что к чему. В мгновение ока она выскочила из автомобиля.

Я этого и хотела!..

Быстро плюхнувшись на мягкое сиденье, я нажала на газ. Машина рванулась с места. Я едва успела проскочить перекресток, потому что снова загорелся красный свет. Позади послышались визг тормозов и злобная ругань водителей.

Но мне уже было не до них. Я помчалась за Дженни Ли.

К счастью, дорога была прямая как стрела, и вскоре я увидела вишневый «БМВ». Заметив меня, Дженни Ли резко увеличила скорость. Я тоже. Мы пролетели пол-Москвы и выехали на кольцевую дорогу. Здесь, по сравнению с запруженными улицами, было полное раздолье.

Мы понеслись как сумасшедшие!

Вишневый «БМВ» нырнул под очередной автомобильный мост и, свернув направо, вырулил на трассу, ведущую в Ростов. Я проделала тот же маневр.

Вдруг на стекле рядом с моей головой образовалась дырка. Не успела я этому как следует удивиться, как рядом с первой дыркой образовалась вторая. В меня стреляли!!! Я оглянулась. Позади ехали желтые «Жигули», за рулем которых сидел доктор Гроб!

«Так вот почему Дженни Ли поспешила сделать ноги из класса, — догадалась я. — Действие парализующего газа было не очень долгим».

Я прибавила скорость. Доктор Гроб не отставал. Но стрелять почему-то перестал. На одном из крутых поворотов, высунув голову в окно, я поня-

ла, в чем дело. Его тоже кто-то преследовал на черном «джипе»... Да-а, забавная получалась ситуация: я гналась за Дженни Ли, за мной гнался доктор Гроб, а за ним гнался черный «джип»... Было бы еще смешнее, если б за «джипом» тоже кто-то гнался.

Но тут мне стало не до смеха. Из «джипа» раздалась автоматные очереди. Под моей машиной что-то громко хлопнуло, она резко осела на левый бок и пошла выписывать «восьмерки». Я отчаянно завертела руль, но это не помогло. Шикарный «мерседес» полетел в придорожную канаву. Ну и я, естественно, вместе с ним. К счастью, насыпь оказалась не очень крутой; «мерседес» несколько раз перевернулся и снова встал на четыре колеса.

Мотор заглох.

Я сидела в кабине совершенно обалдевшая, не понимая, на каком свете нахожусь. Но, постепенно придя в себя, поняла, что пока еще на этом. Именно — пока, потому что ко мне с пистолетом в руке бежал доктор Гроб.

Вот теперь-то мне точно крышка!..

— Доктор Гроб, — проревел динамик, установленный на черном «джипе», — бросайте оружие, иначе вы превратитесь в покойника!

До меня не сразу дошло, что фраза была произнесена по-арабски.

Доктор Гроб грязно выругался и кинул пистолет в траву. По насыпи с короткоствольными автоматами быстро спускались мои старые знакомые — Каримов и Рахимов.

Каримов защелкнул на запястьях доктора стальные наручники и, пихая в спину автоматом, повел к «джипу».

Рахимов, сложив ладони корабликом, низко мне поклонился.

— От имени нового демократического правительства Герундии приношу вам самые глубокие извинения. — Он виновато вздохнул. — Но вы нас тоже должны понять: мы люди военные и обязаны выполнять приказы.

— Ладно уж, — простила я его, — проехали. А что будет с ним? — Я кивнула в сторону доктора Гроба.

— Его ждет справедливый суд, — ответил Рахимов. — За незаконные занятия некромантией и другие преступления.

Еще раз извинившись, он побежал к машине. Они уехали.

Я вылезла из кабины и села на землю рядом с покореженным «мерседесом».

Ласково пригревало солнышко. Мне было хорошо. Нет, я, конечно, понимала, что надо что-то делать. Но ничего не делала. Сидела час за часом

на зелененькой травке и слушала стрекотание кузнечиков.

Вдруг сверху раздалось еще одно стрекотание, раз в тысячу сильнее. И с неба на полянку опустился вертолет.

Из кабины выскочили Володька и майор Глотов.

— Эмма, — закричал майор, — с тобой все в порядке?!

— Со мной-то в порядке, — сварливо ответила я. — А вот почему вы не установили слежку за Дженни Ли?!

— Как это не установили? — обиделся Глотов. — Да мы глаз с нее не спускаем. — Он достал из кармана портативный передатчик. — «Беркут», «Беркут», я — «Сокол». Сообщите об объекте.

— Объект находится под наблюдением, — сообщил «Беркут». — В данный момент проводит урок геометрии в десятом «А» классе.

— Слыхала?! — с гордостью произнес майор Глотов.

— Ничего не понимаю. — Я пожала плечами. — Какой еще урок геометрии?.. Дженни Ли умчалась на «БМВ» в сторону Ростова.

— Тогда я ничего не понимаю, — не на шутку встревожился Глотов.

— А я, кажется, все понял, — сказал Володька, почесав свой затылок. — Как, вы говорите, называется террористическая организация?..

— «Сестры по оружию», — в один голос ответили мы с Глотовым.

— Вот то-то и оно. — Володька поднял указательный палец кверху. — Сестры!.. Никакой Дженни Ли в природе не существует. Это все сестры-близнецы. Одна была учительницей в школе, другая обходчицей в метро, третья монахиней в монастыре, четвертая фокусы в цирке показывала, пятая в Новороссийске похоронена, шестая

проводит урок геометрии, седьмая едет в Ростов, а восьмая...

— А восьмая,— подхватила я,— находится в Питере!..

— Ребята,— Глотов без сил опустился на траву,— если это правда, то я пропал.— Он закрыл лицо руками.

— Спокойно, майор,— я похлопала его по плечу,— не все еще потеряно. Дженни Ли говорила, что пусковое устройство спрятано в подвале дома номер двести один, корпус шестнадцать.

— А улица?! — Глотов вскочил на ноги.

— Улицу она не назвала.

Глотов тут же начал отдавать приказы в микрофон:

— Блокировать все подвалы на всех улицах, где имеется дом номер двести один, корпус шестнадцать!..— И, глянув на вертолетчика, быстро распорядился: — Летим в Питер!

Мы залезли в кабину. Вертолет взмыл в синее небо.

Настроение у всех было как в морге. Прошел час...

Пи-пи-пи-пи...— наконец-то запищал передатчик.

— Слушаю! — схватил Глотов микрофон.

— Проверены все подвалы Санкт-Петербурга по всем улицам, где имеется дом под указанным номером,— доложил «Беркут». — Ничего подозрительного не обнаружено.

— Это конец,— прошептал Глотов побелевшими губами.

У меня в животе прошелестел ледяной ветерок. Я вдруг ясно поняла, где на самом деле находится пульт управления взрывом.

— Не торопитесь, майор,— вполголоса произнесла я, боясь спугнуть робкую догадку.— Кто узнал жизнь, тот не торопится.

Все выжидающе уставились на меня. Даже вертолетчик обернулся.

— Рубильник находится не в подвале,— продолжала я,— а в тоннеле. Пикет двести один — шестнадцать. Станция метро «Петроградская». Все! Тайна раскрыта.

— Ура-а-а!!! — радостно закричали майор Глотов, Володька и вертолетчик.

ВЫСТРЕЛЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ

— Ура-то ура,— скептически сказала я,— да только Дженни Ли сейчас Питер может рвануть!

— Точно! — спохватился Глотов и снова схватил микрофон.— Немедленно блокировать станцию метро «Петроградская»! Вызвать отряды омонцев и осназовцев...

— Держи, Мухина.— Володька протянул мне дедушкин пистолет.

— Ой,— обрадовалась я,— где ты его нашел?

— В классе, где же еще. Я ждал тебя на улице, а когда ты не вышла, вернулся в класс. Там уже никого не было. Я увидел на полу пистолет и понял, что с тобой что-то случилось. Тогда я позвонил майору Глотову...

Глотов на секунду оторвался от микрофона.

— А я в это время допрашивал доктора Гроба,— сказал он,— которого к нам доставили его бывшие сотрудники. Они-то мне и сообщили, где ты находишься.

— На горизонте Питер,— доложил вертолетчик.

...Вертолет приземлился прямо около «Петроградской». Вся станция была окружена плотным кольцом бронетранспортеров. Мы вбежали в вестибюль. Здесь было полно омонцев и осназовцев.

Четко печатаая шаг, к майору Глотову подошел здоровенный омоневец в защитном комбинезоне.

— Все в порядке, капитан? — опередил его доклад Глов.

— Так точно! Все в порядке!.. Правда, какая-то женщина проникла в тоннель метро.

— Что-о?! — заорал Глов.— Я же приказывал блокировать станцию!!!

— Это произошло еще до вашего приказа.— Капитан обернулся и поманил кого-то пальцем.

К нам робко приблизилась дежурная по станции.

— Да, да,— испуганно забормотала она.— Какая-то женщина прыгнула с платформы и убежала в тоннель. Мы, конечно, остановили движение поездов и отключили ток.

— Быстрее вниз! — закричала я, бросаясь к эскалатору.

За мной бросились Володька с майором Гловым. А за ними шумной ватагой побежали омовцы с осназовцами.

Не дожидаясь, когда эскалатор меня опустит, я скакала через две ступеньки. Выскочив на платформу, я тут же прыгнула на рельсы и помчалась в тоннель.

Теперь я уже скакала через две шпалы.

За мной, не отставая, бежали Володька и Глов. За ними — омовцы и осназовцы.

— До вашего прибытия мы прочесали весь тоннель,— докладывал на бегу Глову капитан омовцев.— Но никакой женщины не обнаружили. Как сквозь землю провалилась.

Я припустила еще быстрее. Мелькали белые таблички на стенах. Двести один — шестнадцать!.. Здесь!.. Я вбежала в темный проход и чуть было не угодила в открытый люк.

— Она в подземном госпитале! — обернувшись, крикнула я и, сняв пистолет с предохранителя, полезла вниз.

Не успела я коснуться ногами пола, как разда-

лись пистолетные выстрелы. бах-бах-бах!.. Несомненно, это стреляла Дженни Ли. Я тоже сделала несколько ответных выстрелов. Затем нашарила на стене выключатель. Вспыхнул яркий свет.

Тра-та-та-та-та-та!.. — стали палить из автоматов спустившиеся омонцовцы и осназовцы.

— Не стрелять! — распорядился майор Гло-тов. — Живой будем братья!

И тут мощнейший взрыв потряс все помеще-ние госпиталя:

Б А - Б А - А - Х - Х!!!...

С потолка посыпалась штукатурка. Свет погас. Включив фонари, мы стали осторожно пробираться к месту взрыва.

— Это она стену подорвала, за которой пульт находится, — шепотом сказал мне Володька.

Майор Глотов послал капитана омонцовцев на-верх узнать, есть ли здесь аварийное освещение. Капитан убежал.

Бах-бах-бах!.. — снова раздались выстрелы. На этот раз Дженни Ли стреляла по фонарям. Брызнули осколки стекол. Мы оказались в крошеч-ной тьме.

Было тихо-тихо.

Внезапно опять загорелся свет. И я увидела Дженни Ли. Она стояла буквально в двух шагах от меня... обхватив Володьку за шею и приставив к его виску пистолет.

Все так и замерли.

За спиной террористки зияла рваная дыра в стене. А за дырой находилась малюсенькая, полуоб-валившаяся от взрыва комната, на одной из стен которой висел рубильник устаревшей конструкции. От него куда-то вверх уходил тонкий провод.

Дженни Ли, увлекая за собой Володьку, попятилась назад.

— Что же вы не стреляете? — хрипло сказала она. — Давайте стреляйте... — Террористка сделала

еще один шаг, загораясь Володькиным телом.

Я выстрелила.

— А-ай!! — прямо-таки задохнулся Володька то ли от боли, то ли от возмущения. — Ну, Мухина... — Схватившись рукой за ногу, он стал медленно оседать на пол.

Дженни Ли, конечно, не могла удержать раненого Володьку. Отпустив его (Володька тут же со стоном упал), она метнулась к рубильнику.

Я выстрелила еще раз.

Дженни Ли рванула рубильник вниз!

Все невольно вобрали головы в плечи.

Вот сейчас!..

Но... ничего не произошло. Провод над рубильником был перебит моей пулей. Омоновцы и осназовцы кинулись на террористку, вмиг ее обезоружив...

Когда Дженни Ли уводили, она сказала мне на прощание:

— Поздравляю, милочка моя, за этот выстрел я ставлю тебе пятерку.

— Благодарю, — я помахала ей пистолетом, — жалко, что я дневник дома забыла.

Дженни Ли увели.

Володька поднялся с пола и как ни в чем не бывало подошел к нам. У майора Глотова от этого зрелища глаза на лоб полезли.

— Так ведь Эмма тебе в ногу попала, — растерялся он.

— Вот еще, — фыркнула я. — Да я просто вид сделала, что в ногу стреляю.

— И как это тебе только в голову пришло? — не мог опомниться Глотов.

— Очень просто. Я в одном кино видела.

Майор Глотов посмотрел на Володьку.

— А ты как догадался упасть?

— А мы с Мухиной на этот фильм вместе ходили, — рассмеялся Володька.

— Ну хитрецы,—погрозил нам пальцем Глотов и, обняв за плечи, добавил: — Хорошо то, что хорошо кончается. Поздравляю вас, ребята, с успешным завершением операции «Эмма»!

ГЕНЕРАЛ ПИВОВАРОВ УХОДИТ НА ПЕНСИЮ

— Хорошо то, что хорошо кончается,— на сей раз это уже сказал генерал Пивоваров.— Родина по достоинству оценила наш с вами подвиг. Меня она наградила орденом.— Пивоваров любовно погладил большой орден, висевший у него на груди.— Майору Глотову Родина присвоила звание полковника. А вам, ребята, Родина объявляет... благодарность! Молодцы, просто молодцы! — Генерал Пивоваров крепко пожал нам с Володькой руки.— Правда, полковник, они молодцы?!

— Так точно, Фрол Федосеевич,— с готовностью подтвердил Глотов.— Молодцы!

— А от нашего Управления и от себя лично,— продолжал генерал,— хочу вручить вам памятные сувениры... Ирочка, принеси, милая,— распорядился он по селектору.

Ирочка тут же принесла старинную скрипку и отдала ее генералу. Пивоваров передал скрипку Володьке.

— Держи, сынок. Играй на здоровье.

Володька с недоумением повертел скрипку в руках, прочел что-то на боку и вдруг побледнел. Затем покраснел. И снова побледнел.

— Это же... это...— Голос его дрожал.— Это же скрипка... Паганини.

— Она самая, сынок,— подтвердил генерал Пивоваров,— не сомневайся.

— Но она же хранится в Италии,— лепетал Володька.— В сейфе.

— Хранилась в Италии,— уточнил полковник Готов.— А теперь она твоя.

— Мы с итальянцами поменялись,— объяснил Пивоваров.— Они нам скрипку Паганини, а мы им балалайку Петра I. Все по-честному.

— А можно мне на ней... поиграть? — с придыханием спросил Володька.

— Да хоть гвозди заколачивай,— разрешил Пивоваров.

Володька осторожно протер смычок и благоговейно заиграл. Генерал с полковником, сделав задумчивые лица, стали в такт музыке покачивать головами.

— Да-а,— широко зевнул Пивоваров, когда Володька закончил,— музыка — это... э-э... Одним словом — облагораживает. Правда, Готов?

— Совершенно верно, Фрол Федосеевич,— тут же подтвердил Готов.— Еще как облагораживает.

Генерал Пивоваров глянул на Ирочку.

— А где сувенир для Эммы? — спросил он.

— Так ведь у нее не сувенир,— напомнила Ирочка,— а сюрприз.

— Ах да,— вспомнил генерал.— Тебе, дочка,— сюрприз. Завтра узнаешь какой... Ну-с, дорогие друзья, а теперь хочу сообщить вам печальное известие.— Голос Пивоварова стал грустным.— Я ухожу на пенсию. Приказ уже подписан. И сейчас я вам представлю нового начальника Управления внешней разведки генерала Сундукова.— Голос Пивоварова стал официальным.— Прошу всех встать.

Мы встали.

Массивные двери отворились, и в кабинет вошел... господин Сундзуки.

— Прошу всех сесть,— пропищал он.

Мы сели.

— Господин Сундзуки,— не удержалась я,—

вы же говорили, что работаете на секретную службу Японии.

— Работаю,— нимало не смутившись, ответил господин Сундзуки.— А теперь буду еще работать на секретную службу России. Там за йены, здесь за рубли. Двойная выгода получается.— Он довольно захихикал, потирая крошечные ручки.

— Я хочу кое-что объяснить,— сказал генерал Пивоваров,— но это строго между нами. Дело в том, что генерал Сундуков и суперагент Ф-17 — одно лицо.

— Как?! — ахнула я.— Вы — Ф-17?!!

— Да,— скромно потупил глазки господин Сундзуки.— Я — Ф-17.

— Ой, послушайте,— заторопился Володька,— вы, наверное, должны знать, сколько на самом деле существует Дженни Ли: семь или восемь?

— Увы, мой юный друг,— развел ручками господин Сундзуки,— Дженни Ли существует в единственном числе.

— Этого не может быть! — воскликнула я.— Тогда как она очутилась в Питере, уехав в сторону Ростова?!

— Очень просто, дочка,— ответил за мутанта генерал Пивоваров.— Дело в том, что ты перепутала машины. И преследовала вовсе не Дженни Ли, а торговца наркотиками Шевякова, давно и безуспешно разыскиваемого органами милиции. Когда Шевякова арестовали в Ростове, весь багажник его автомобиля был забит героином. Потому-то он от тебя и удирал.

Я нервно почесала нос.

— Не расстраивайся,— дружески подмигнул мне господин Сундзуки,— как у нас в России говорят, и на старуху бывает проруха.

Но Володька не собирался так просто сдавать свои позиции.

— Тогда как вы объясните, что ваши люди

сводили за Дженни Ли в школе? — запальчиво спросил он.

— А это уже моя промашка,— признался полковник Глов.— Они школы перепутали. Вместо учительницы математики в школе № 324 стали следить за учительницей математики в школе № 324.

У господина Сундзуки и для Глового нашлась утешительная пословица.

— Не ошибается тот, кто ничего не делает,— похлопал он по плечу смущенного полковника.

— А теперь,— торжественно провозгласил генерал Пивоваров,— я вас всех приглашаю... на банкет! Этот праздничный банкет устраивается в честь успешного окончания операции «Эмма» и моего ухода на пенсию. Каждый из вас имеет сейчас уникальнейшую возможность заказать любое экзотическое блюдо из самых отдаленных уголков земного шара. Прошу ваши заказы.

— Тогда мне макароны по-флотски,— сказал Володька.

— А мне жареной картошки,— сказал полковник Глов.

— А мне моченых яблок,— сказал господин Сундзуки.

— А мне сала с хлебом,— сказала секретарша Ирочка.

— А мне...— сказала я.

— Знаем, знаем! — закричали все.— Зефира в шоколаде!

— Ой, нет, нет,— испугалась я,— только не это. Мне две порции борща. В одну тарелку.

— Ну что ж,— произнес в заключение генерал Пивоваров,— а я, пожалуй, селедочки с луком отведу.

И веселой гурьбой мы отправились на праздничный банкет есть «экзотические» блюда.

ПРИЕЗД РОДИТЕЛЕЙ

А на другой день мы с Володькой пошли в школу. Как будто ничего не произошло. Впрочем, если судить по газетам, то ничего и не произошло. О том, что Питер висел на волоске, в газетах не написали ни крупно, ни мелко. Только в «Вечернем Петербурге» промелькнула крохотная заметка о временном закрытии станции метро «Петроградская» на ремонт. И все.

Придя в школу, мы нос к носу столкнулись с нашим директором Михал Тарасычем. Он, как обычно, слонялся по коридору со спичкой в зубах.

— А, Мухина,— сурово глянул на меня директор.— Зайди в мой кабинет. Разговор имеется.

Я горестно вздохнула. Неужели все-таки выпрут из школы? А тут еще, как назло, родители сегодня прилетают.

Володька тоже пошел вслед за мной.

— А ты, Воробьев, иди в класс,— остановил его Михал Тарасыч.

Володька кивнул мне — мол, держись. Я кивнула ему — мол, держусь. И мы разошлись в разные стороны.

«Боже мой,— подумала я, входя в кабинет директора,— неужели я здесь ночью искала ключ от сейфа?» Мне показалось, что с того момента прошла тыща лет.

На подоконнике, свернувшись пушистым клубком, дремал кот Барсик.

Михал Тарасыч принялся хлопать себя по карманам, потом полез в шкаф, заглянул под стол.

— Куда же я его подевал? — бормотал он себе под нос.

— Если вы ищете ключ от сейфа,— сказала я,— то он у вас на столе валяется.

Директор, подозрительно на меня покосившись,

стал разгребать залежи бумаг, скопившиеся у него на столе. Ключ тотчас обнаружился.

— Спасибо, Мухина,— пробурчал он, открывая тяжелую дверцу сейфа.

Там он тоже минут десять рылся среди всевозможного бумажного хлама, пока наконец не вытащил новенький «Аттестат о среднем образовании».

— Держи, Мухина.— Он протянул его мне.— Поздравляю и все такое... Желаю и так далее...

Я прямо обалдела, честное слово. Я так не обалдевала, даже когда с поезда прыгала.

С недоверием я раскрыла твердую корочку. Моя фамилия, имя, отчество. Далее перечислены все предметы с оценкой «отлично». Внизу большая круглая печать, подписи преподавателей. А еще ниже... Я пригляделась — так и есть! — размашистая роспись генерала Пивоварова.

Вот он — обещанный сюрприз!..

— Но я же еще только в седьмом классе,— на всякий случай напомнила я директору.— Мне же еще учиться и учиться.

— Нечему тебе учиться, Мухина.— Он поковырял спичкой в зубах.— Ты и так все знаешь.

— Нет, Михал Тарасыч.— Я упорно стояла на своем.— Я еще хочу после школы в институт поступать. Или вы мне диплом о высшем образовании тоже дадите?

— Чего нет, Мухина, того нет,— развел руками директор.— Учись, если тебе охота.— И он снова запер аттестат в сейф.

Мне тут же расхотелось учиться.

— Михал Тарасыч,— вкрадчиво произнесла я,— а можно вместо аттестата справочку пока получить, что я могу прогуливать уроки?

— Это с превеликим удовольствием,— ответил директор и, сев за пишущую машинку, одним пальцем отстукал справку:

СПРАВКА

*Разрешаю ученице седьмого класса Мухиной
Эмме прогуливать уроки, какие угодно и сколько
угодно.*

*Директор школы № 324
Хрюкин М. Т.*

— С какого числа прогуливать начнешь? — спросил он, обернувшись.

— Ставьте сегодняшнее, — ответила я.

На том мы с Михал Тарасычем и распрощались.

Как я уже говорила, мне надо было ехать в аэропорт встречать родителей.

Когда я приехала в Шереметьево, самолет из Парижа уже приземлился. В толпе пассажиров я сразу увидела маман и папочку. А за ними под ручку шли... Элизабет и Тряпкин.

— Эми-и-лия, — принялась осыпать меня поцелуями маман, — мы все знаем, доченька. Мсье Тряпье нам рассказал. Ты настоящая патриотка!

— Мы гордимся тобой, Эмка, — растроганно добавил папочка и запечатлел мой образ одним из своих фотоаппаратов.

Я сказала, что я очень рада, что я тоже собою горжусь и все такое прочее... Мсье Тряпье, он же Ваня Тряпкин, наклонившись ко мне, прошептал:

— Морская свинка Афанасий.

— Пошла и утопилась в квасе, — тотчас ответила я.

— Влюбившись в свинку дядю Васю, — добавила Элизабет.

Получился забавный стишок. Мы весело расходотались.

— Элизабет, — сказала я, — как здорово, что с вами все в порядке. А вы сюда прилетели в отпуск?

— Не совсем,— ответила Элизабет.— За участие в операции «Эмма» меня повысили по службе. Я теперь командующая десантной дивизией. Вот еду принимать часть.

— Поздравляю! — Я от души расцеловала ее.— А ты, Ваня, тоже получил повышение по службе?

— Ну, в общем, да,— улыбнулся Тряпкин.— Я теперь муж у Элизабет.

Пока мы разговаривали, два работника аэропорта подкатили к нам тележку, на которой стояла большая картонная коробка.

— А это, Эммочка, наш с папой парижский подарочек,— сказала маман.— Сейчас ты будешь прыгать от восторга.

— Давненько я не прыгала,— хмыкнула я, вспомнив свои прыжки с поезда и самолета.— А что там? — Я обошла коробку со всех сторон.

— Угадай,— хитро произнес папочка.— Ты же у нас теперь разведчица.

— Норковая шубка! — не задумываясь, выпалила я.

— Пальцем в небо,— рассмеялись родители.

— Компьютер!

— Уже теплее,— сказал папочка.— Ладно, не будем больше тебя мучить... Раз ты у нас такая сладкоежка, мы решили подарить тебе пятьдесят килограммов французского... зефира в шоколаде!

— Кушай, доченька, на здоровье! — Маман погладила меня по голове.

Что я могла им на это ответить?..

ТАЙНА
АФРИКАНСКОГО
КОЛДУНА

ЗАШИФРОВАННАЯ ОТКРЫТКА

За окном шел проливной дождь. Уже заканчивался июль, а в Москве стояла пасмурная погода. Настроение у меня тоже было пасмурное. Несмотря на то что я родилась тринадцатого числа, со мной вдруг перестали происходить неприятности.

Жизнь текла ровно и спокойно, что мне даже не по себе от этого делалось. Никто не стрелял в дверь из автомата; ничего на голову не падало; ни от кого не надо было убегать...

Лежи себе да отдыхай.

Вот я и лежала, лениво размышляя о том, чем бы заняться. На дискотеку идти не хотелось; курсы карате закончились... В прошлом году в это самое время я со своими подружками Танькой и Анькой ходила на пляж загорать. Но сейчас, по такой мерзкой погоде, не очень-то позагораешь. К тому же я окончательно рассорилась с этими дурами.

Судите сами: я им, как людям, рассказала о своих приключениях. Про Дженни Ли, доктора

Гроба и все такое прочее. Так эти предательницы раззвонили по всей школе, что я ловко навешала им лапши на уши. И теперь в классе за мной утвердилось слава барона Мюнхгаузена в юбке.

Володька Воробьев тоже хорош. С тех пор как у него появилась скрипка Паганини, в упор меня не замечает. Стал таким важным. Еще бы: его уже несколько раз показывали по телику.

А пару дней назад вообще произошло сногсшибательное событие. Володьку пригласили с концертной программой в Аргентину. В небольшой городок Санта-Фе.

А тут сиди и кукуй в этой дождливой Москве.

Взяв в руки пульт, я от нечего делать стала переключать телеканалы. По одной программе показывали «Криминальную хронику». С бешеной скоростью неслись полицейские машины.

За кадром звучал голос ведущего:

— Международная уголовная полиция — Интерпол — нашла на след «крестного отца» мировой наркомафии Хромого Макса. Как известно, Хромой Макс является изобретателем новейшего наркотика «Привет из Африки»...

По другому каналу шла музыкальная передача «Молодые голоса». На сцене прыгала девчонка, моя сверстница, и напевала в микрофон:

Дача, кляча, ча-ча-ча...

Кстати говоря, о дачах. Мои драгоценные родители на днях откололи очередной номер. Купили дачу. От Москвы до нее пилить три часа электричкой, а затем еще два часа автобусом. Я им сразу заявила: на меня пусть не рассчитывают. Маман с папочкой страшно обиделись, хлопнули дверь и уехали сажать смородину.

Нет, я считаю, что жизнь должна быть как приключенческий роман. Состоять из опасностей, тайн, неожиданных поворотов. Взять, к примеру,

моего дедушку, капитана Кэпа. Вот уж кто неутомимый искатель приключений. Где он только не побывал, чего только не повидал. Весь земной шар обошел. Сначала вдоль, а потом поперек.

Правда, сейчас дедушка живет в маленьком городке Задонске. Но зато круглый год ходит в плаще нараспашку, тельняшке, морской фуражке и с огромной трубкой в зубах.

Эту трубку капитану Кэпу подарил японский император.

Дело в том, что во время войны дедушка на своем рейдере «Стремительный» доблестно сражался сразу с пятью японскими крейсерами. И успешно их потопил. За этот подвиг японцы наградили его орденом «Почетный самурай». А император, от себя лично, подарил отважному капитану курительную трубку и два акваланга в придачу. Когда я приезжаю в Задонск, мы с дедушкой плаваем под водой в озере Богатое.

Но это так, к слову...

Мне надоело смотреть телик, и я спустилась вниз за газетами. Газет еще не было, зато в ящике лежала открытка от дедушки. Поднявшись в квартиру, я бухнулась в кресло и прочла:

Дорогой юнга! Старый бродяга Кэп приветствует тебя с борта пиратского брига. Сейчас я держу курс на камбуз. Хочу заправить трюмы провиантом и часика на два лечь в дрейф. Держи румпель по ветру, салага! Смотри не наскочи на мель, когда будешь тратить пиастры. Кар-р-р-амба!!!

Морской волк Кэп

Тут надо сказать, что это была никакая не открытка. Вернее, конечно, открытка, но зашифрованная. Нам с дедушкой неинтересно переписываться просто так, поэтому мы изобрели секретный шифр.

Я достала шифровальный блокнот.

Для начала следовало перевести весь текст в

цифры, а затем открыть блокнот на второй странице (в тексте имелась кодовая фраза «часика на два») и найти слова, обозначенные точно такими же цифрами:

20334 БЕЗОПАСНОСТЬ
20795 ОПАСНОСТЬ
20018 ПРИЕЗЖАЙ
20623 УЕЗЖАЙ
20471 МЕДЛЕННО
20956 НЕМЕДЛЕННО

Когда я все это сделала, у меня получилось:
20956 20623 20795

Это означало: **НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙ. ОПАСНОСТЬ.**

Не веря своим глазам, я еще раз перечитала сообщение. Я ничего не понимала. Обычно дедушка писал какие-нибудь шуточные стишки. Типа: **СИДЕЛ НА ВЕТКЕ ДЯТЕЛ. ДОСИДЕЛСЯ — СПЯТИЛ.** Но сегодняшняя шифровка совсем не походила на шуточный стишок.

Капитан Кэп в опасности?! Чушь какая! Скорее всего, это очередной розыгрыш. Впрочем, сейчас проверим.

Я набрала номер дедушкиного телефона.

— С вами говорит автоответчик. Капитана Кэпа нет дома. Оставьте свое сообщение.

— Дедушка,— закричала я в трубку,— хватит меня разыгрывать. Ты такой же автоответчик, как я адмирал Нельсон.

Вместо ответа раздались короткие гудки.

Я снова набрала номер.

— С вами говорит автоответчик. Капитана Кэпа нет дома. Оставьте свое сообщение.

— Дедушка,— просила я,— кончай дурачиться. Сколько можно!

Опять пошли короткие гудки.

Я посмотрела на часы. Было начало двенадца-

того. В это время дедушка обычно готовит себе на обед макароны по-флотски.

Неужели с ним действительно что-то стряслось? И он ждет от меня помощи. Причем — незамедлительно. Я забежала по квартире. Кинула в сумку самое необходимое: зубную щетку, деньги, пистолет. На зеркале в прихожей красной губной помадой размашисто написала: «Улетела на Таити. Обратно не ждите».

И, хлопнув дверью, помчалась по лестнице. Или, как сказал бы капитан Кэп, — взяла курс на Задонск!

НА ЧЕРДАКЕ

В Задонск поезд притащился в четыре часа утра. Ни трамваи, ни автобусы еще не ходили. И я пошла пешком через весь город. По дороге я обратила внимание, что Задонск очень сильно изменился за последнее время. Появилось много новых магазинов, ресторанов, баров... Тут и там красовались иностранные вывески. У тротуаров стояли шикарные иномарки.

Впрочем, когда я дошла до старой части города, то увидела, что здесь все по-прежнему: деревянные развалюхи, огороды, колодцы...

Дом капитана Кэпа находился у самого озера. Я открыла скрипучую калитку и поднялась по ступенькам на крыльцо. Вместо звонка у дедушки висел судовой колокол.

Вообще надо сказать, что дедушка оборудовал свой дом так, словно это не дом, а корабль. В погребе у него располагался трюм. На чердаке — верхняя палуба. На крыше торчали сразу три трубы, как у старинного крейсера.

Когда капитан Кэп зимой топил печку, из всех труб валил густой белый дым. А если на улице была поздняя осень и хлестал холодный дождь, то я

легко представляла, что дедушкин дом и в самом деле настоящий крейсер, несущийся на всех парах по бушующему океану.

Теперь-то мне так не кажется. Наоборот, я даже удивляюсь, почему дедушка поселился в этом захолустье. Да любой приморский город за честь бы посчитал, если б в нем жил легендарный капитан Кэп!..

Короче, я позвонила в колокол. Хотя уже поняла, что это бесполезно. Дедушка чистил его каждое утро, вместо зарядки. Сейчас же вся поверхность колокола была покрыта зеленым налетом.

Я обошла дом с другой стороны. На дверях черного хода висел ржавый замок. Но я все равно знала, как попасть внутрь. На чердаке находился люк, через который можно было спуститься по корабельному канату в большую комнату.

Поэтому я тут же залезла на чердак и прошла на ют — кормовую часть верхней палубы, а проще говоря, к чердачному окну. И уже открыла крышку люка, собираясь спуститься, как вдруг услышала какой-то шум, а затем мужские голоса.

В первый момент мне показалось, что говорят на иностранном языке.

— Не фармазонь, Карась. Лучше шнифтами зыркай.

— А менты шифером шуршать не будут? Мокруху не припаяют?

— Че ты, фраер, разоряешься?! Хозяин базарил записи найти, и все пучком. Бабки отстегнет.

— Тебе хорошо, Червяк, молотить. А я только с зоны откинулся.

Очень скоро я поняла, что это за «иностранцы». Обыкновенные уголовники, которых какой-то «хозяин» послал найти дедушкины записи.

На всякий случай я закрыла чердачную дверь

на железный засов. По канату бандиты вряд ли полезут. А если полезут, то я их встречу. В сумке у меня лежал пистолет. Холодный и тяжелый «смит и vesson» 38-го калибра. Дедушкин подарок...

Я так расхрабрилась, что даже подумала: а не захватить ли бандюг врасплох? Но тут же сказала себе: Эмка, не выпендривайся; чрезмерная храбрость — преждевременная смерть!

Наконец уголовники ушли. Для верности посидев еще с полчаса, я спустилась по канату вниз.

В доме стоял полнейший кавардак. Но, как я догадалась из обрывочных фраз, бандитам так и не удалось найти дедушкины записи. Что же, интересно, это за записи?.. И куда подевался сам дедушка?..

Начинались новые приключения.

Первым делом я подошла к телефону и включила автоответчик. Он записал пять звонков. Правда, четвертый и пятый можно было не считать: это звонила я из Москвы.

Первый звонок был от какой-то малявки:

— Уважаемый капитан Кэп, мы, ученики второго «б» класса, приглашаем вас в наш «Клуб знаменитых капитанов». Встреча состоится сегодня... ой... завтра...

Второй звонок, судя по всему, был из табачного магазина:

— Капитан, нам завезли отличный английский табак. Я вам оставил пару ящичков.

И, наконец, третий звонок заинтересовал меня больше всего. Звонил мужчина с хриплым голосом:

— Добрый день, Кэп. Надеюсь, вы узнали, кто говорит? Давненько мы с вами не виделись. Не хотите ли сегодня прокатиться на прогулочном теплоходе по Богатому?.. Есть интересное дело, там и

обговорим. Буду вас ждать на пристани в двадцать один ноль-ноль.

Я еще раз внимательно прослушала последнюю запись.

Итак, неизвестный с хриплым голосом пригласил дедушку покататься на теплоходе. И что?.. До сих пор катаются?.. Вытащив из автоответчика кассету, я спрятала ее в сумку.

Ладно, разберемся.

Теперь следовало заняться дедушкиными записями. Я бегло осмотрела все комнаты, заглянула в кухню. У печки лежала куча грязных поленьев. Странно, ведь сейчас лето, топить не надо... Я присела на корточки. Вместе с поленьями на полу валялись обрывки газет, оберточная бумага и... какие-то мятые листочки, исписанные крупным дедушкиным почерком.

Я подобрала их и аккуратно разгладила. Листочки были пронумерованы. Я сложила их по порядку. Они начинались со второй страницы, а заканчивались восьмой.

Снова забравшись по канату на «верхнюю палубу», я села у чердачного окна и стала читать.

ЗАПИСКИ КАПИТАНА КЭПА

«...В то время я был капитаном научно-исследовательского судна «Академик Иван Дундуков». Мы держали курс на остров Вознесения, расположенный неподалеку от берегов Африки.

Стояла прекрасная погода, характерная для этих широт Атлантического океана. Через несколько дней наше судно должно было пересечь экватор.

Я находился на капитанском мостике и покуривал свою трубочку. Судовая повариха Ирка Пыжикова готовила на камбузе обед. Матросы под руководством боцмана Кошкина драили палубу.

Все шло как обычно.

И вдруг, откуда ни возьмись, налетел сильнейший ураган с дождем. Громадные волны обрушились на судно, и я не успел даже глазом моргнуть, как оказался за бортом. А вместе со мной за бортом оказались Ирка Пыжикова и боцман Кошкин.

Мы с боцманом что есть силы заработали руками и ногами. А повариха Пыжикова сразу пошла ко дну. Плавать-то она не умела, как, впрочем, и готовить. Ну да не об этом сейчас речь...

Долго нас бросала разбушевавшаяся стихия, пока наконец не выбросила на африканский берег. Здесь наши изможденные тела и подобрала дикари из племени мбулу.

Они выделили нам с Кошкиным по персональной хижине и стали кормить до отвала всякими вкусными вещами. Поначалу даже неловко было: все племя на охоту в джунгли собирается, а мы с боцманом лежим на лиственных подстилках и плодами манго обедаемся.

Я сказал об этом вождю племени Пуако.

— Не беспокойтесь, капитан,— ответил вождь, приложив руку к сердцу.— Вы гости. А гости должны отдыхать.

Вообще вождь Пуако оказался неплохим малым. Частенько по вечерам он заглядывал в мою хижину, и мы болтали с ним о том о сем.

— Европейцы очень жесткий народ,— говорил вождь,— а вот азиаты мягкие.

— Не скажите, дорогой Пуако,— отвечал я,— европейцы тоже разные бывают. Есть жесткие, а есть и мягкие.

— Не знаю, не знаю,— с сомнением качал он головой.— Мне попадались только жесткие европейцы.

— Это, наверное, оттого,— предполагал я,— что азиаты едят рис. А европейцы предпочитают мясо.

— Вы так считаете?..— заинтересованно спрашивал Пуако.

А со следующего дня нас с боцманом стали кормить одним рисом. Сначала я не придал этому особого значения.

Но вот как-то раз Кошкин мне и говорит:

— Капитан, вам не кажется, что нас не кормят, а... откармливают?

Тут я призадумался. Действительно — весили мы уже килограммов по сто.

— Не пора ли нам отсюда отчаливать? — продолжает боцман.

Легко сказать — отчаливать. А куда?.. Африка — это вам не парк культуры. Днем воздух так раскаляется, дышать невозможно. А с наступлением темноты появляются миллионы mosquitos. Джунгли буквально кишат свирепыми хищниками. А в илистых берегах таятся не менее свирепые крокодилы...

В общем, наше положение казалось безвыходным.

Но, к счастью, однажды мимо моей хижины проходила дочка главного колдуна племени, прекрасная Аната. Увидела она меня и тут же влюбилась. Да и как не влюбиться, если я мужчина хоть куда!

Правда, сама Аната особой красотой не отличалась. Нос у нее был расплюснут, губы вывернуты, а голова обрита. Но здесь уж выбирать не приходится. Или садись за свадебный стол, или тебя самого на стол подадут.

Боцман Кошкин, узнав об этой любви, сразу же познакомился с дочерью вождя. Зеркальце ей подарил, пуговку блестящую... Короче, тоже решил жениться.

Обе наши свадьбы вождь и колдун устроили по первому разряду. Еды было хоть завались: вяленые бегемоты, жареные обезьяны, сушеные жирафы... Ананасовая водка лилась рекой. Боцман Кошкин бил в барабаны. Я прыгал вокруг костра.

Одним словом, весело все прошло.

Но когда мы с прекрасной Анатой остались вдвоем, она мне и говорит:

— Ах, мой милый капитан, не радуйся раньше времени. Съесть тебя, конечно, не съедят. А вот похоронить могут.

— Как это? — обомлел я.

— А так. В нашем племени существует древний обычай: если умирает замужняя женщина, ее мужа хоронят вместе с ней. Заживо.

— Какие же вы тут все дикари! — в сердцах воскликнул я. — Хорошо хоть ты такая молодая и здоровая!

— Ах, мой милый капитан,— вздыхает Аната,— ничего хорошего в этом нет.

Я сразу насторожился.

— Что ты имеешь в виду?

— А то и имею,— зарыдала она.— Раз в десять лет племя мбулу приносит в жертву богу Индути самую молодую и здоровую девушку. Дают ей и ее мужу выпить яд кураре.

Опять я призадумался. Удовольствие маленькое — яд кураре пить.

Вскоре утро наступило. А с ним и неожиданный поворот событий. Оказывается, поздно ночью, перепив на свадьбе ананасовой водки, скончался вождь племени Пуако. А по закону племени в этом случае вождем автоматически становится муж его старшей дочери.

То есть — боцман Кошкин!

Я ноги в руки и бегом в хижину боцмана. Гляжу, а Кошкин уже тельняшку и матросские брюки сбросил и нацепил повязку из пальмовых листьев. Но мне не до этого, я сразу к делу: так, мол, и так, браток, выручай: отмени обычай, по которому раз в десять лет богу Индути надо жертву приносить.

— Никак не могу, капитан,— отвечает Кошкин, а у самого глаза бегают.— Это закон предков. А вождь не имеет права законы нарушать... К тому же, капитан, помните, в прошлом году вы не назначили меня старшим боцманом.

— Да ты что, Кошкин?! — заорал я.— Не о том же сейчас речь!

— Нет, о том, капитан. Я на вас давно за это в душе злобу таю. И вот пришел наконец срок расквитаться.

— Эх, Кошкин, Кошкин,— я покачал головой,— не доведет тебя до добра твой злобный характер.

— А это уже не ваша забота, капитан. Пока что я стал вождем. А вам завтра придется выпить яд кураре.

Ничего я ему не ответил, повернулся и вышел из хижины. Смотрю — моя прекрасная Аната уже к столбу Смерти привязана. Подошел я поближе, а она мне и шепчет:

— Милый мой капитан, хочу открыть тебе одну страшную тайну.

— Ну-ка, ну-ка,— сразу заинтересовался я,— что еще за тайна?

— Есть такой желтенький цветочек, «таригá» называется. Он растет в дупле Красного дерева. Сорви его, брось в воду и как следует размешай. А когда нам завтра яд кураре давать будут, скажешь, что у нас свой яд имеется.

— Ну и какая разница? — недоумеваю я.— Что в лоб, что по лбу. Один черт.

— Нет, не один,— возражает прекрасная Аната.— От тарига мы просто уснем, а не умрем.

Честно говоря, не поверил я ей. Но утопающий, как известно, хватается за соломинку. Поэтому нашел я Красное дерево, залез в дупло и нарвал этого самого тарига целую корзину.

На следующий день у столба Смерти собралось все племя мбулу. А впереди всех, на троне из слоновых бивней, важно восседал вождь племени — боцман Кошкин.

— Подать,— приказывает,— яд кураре!

— Одну минуту,— говорю я и обращаюсь к племени: — Уважаемые дикари! Позвольте нам с прекрасной Анатой выпить яд собственного изготовления. Потому что он действует мгновенно, а от яда кураре надо еще мучиться. Можно?..

Все племя закричало:

— Можно! Можно!!!

Один только Кошкин скривился.

— Хотелось бы, капитан, чтобы ты помучился, но, раз коллектив настаивает, ладно уж: пейте свой собственный яд!

Отвязал я прекрасную Анату от столба Смерти и протянул ей половинку кокосового ореха с напитком из тарига. Она, не колеблясь ни секунды, выпила. И тут же упала замертво. Признаться, я решил, что Аната и в самом деле умерла.

— Давай теперь ты, капитан,— торопит Кошкин.

Делать нечего. Выкурил я напоследок свою трубочку да и осушил вторую половинку кокосового ореха...»

ЗВОНОК В АРГЕНТИНУ

На этом рукопись обрывалась. «М-да,— разочарованно подумала я,— бандиты явно искали другие записи». Впрочем, пока рано делать окончательные выводы.

Ясно одно — дедушка исчез!

Спустившись с чердака, я вышла на улицу. Все вдруг стало для меня подозрительным. Пацан, проехавший мимо на велике; старуха с ведром воды; мужчина, сидящий на скамейке... На всякий случай я поменяла три автобуса и четыре троллейбуса, отрываясь от возможного «хвоста».

Уплетая в закусочной бифштекс с яйцом, я не переставала думать о своих дальнейших планах... Первым делом я решила обратиться в милицию. Ведь хуже от этого не будет, верно?..

Выпив томатного сока, я отправилась на поиски милиции. И очень быстро ее нашла.

— Ты к кому, девочка? — спросил высокий сержант.

— К самому главному.

— Тогда тебе прямо по коридору.

Я пошла прямо и уткнулась в дверь с табличкой «Старший следователь Емелин Н. А.».

Войдя в кабинет, я увидела старшего следователя Емелина. Он сидел за столом и читал газету.

— Здравствуйте, — сказала я, — у меня исчез дедушка.

Емелин отложил газету в сторону.

— Особые приметы у него имеются?

— Да. Он зимой и летом ходит в плаще нараспашку.

— И в тельняшке?

— Так вы его знаете?! — обрадовалась я.

— Кто ж не знает капитана Кэпа, — ответил следователь. — Подожди минутку.

Он вышел из кабинета.

Я посмотрела на газету. В глаза бросился жирный заголовок: «Куда пропал «Привет из Африки»?»

Следователь Емелин вернулся и снова сел за стол.

— Так ты говоришь, капитан Кэп исчез?

Радость мою как ветром сдуло.

— Угу, — угрюмо кивнула я.

В кабинет вошел высокий сержант с бумагой в руке.

— Сводка ночных происшествий, — доложил он.

— Ну и чего там? — поинтересовался следователь.

— Ничего особенного. Ограбления, угоны автомобилей, перестрелки, наркотики... Как всегда.

Сержант оставил сводку и ушел.

— Как всегда,— повторил следователь Емелин.— В старое доброе время велосипед украдут — уже событие. А теперь рэкет, бандитизм, заказные убийства...— Он тяжело вздохнул.— А ты говоришь, дедушка исчез.

Я молчала.

— Ладно, пиши заявление.— Он протянул мне авторучку и чистый лист бумаги.— Так, мол, и так, пропал дедушка. Прошу разыскать.

Пока я писала, Емелин продолжал ворчать:

— Черт-те что творится. Тут одна дамочка магазин ужасов открывала. Так прямо и называется: «Маленький магазинчик ужасов». Я когда там бывал, у меня волосы на голове дыбом встали...

— Готово.— Я протянула исписанный листок. Следователь быстро прочел.

— Петраченко! — громко позвал он.

В кабинете вновь появился высокий сержанта.

— Вот что, Петраченко,— Емелин отдал ему заявление,— пойдешь по адресу, который здесь указан, и опечатаешь дом.

— Как это «опечатаешь»? — не поняла я.

— Очень просто. Печатью. Ты написала официальную бумагу. Мы открываем дело. По закону дом пропавшего должен быть опечатан.

— А где же я буду жить?

— Зачем тебе здесь жить? Ты же из Москвы. Вот и поезжай к себе домой.

— Нет уж! — твердо отрезала я.— Пока мой дедушка не найдется, я отсюда никуда не уеду.

Следователь Емелин немного подумал.

— Ладно, сейчас подыщем тебе жилье.— Он взял телефонную трубку и набрал номер.— Алло, Кира? Добрый день. Это следователь Емелин беспокоит. Я к тебе девочку пошлю, посели ее, хорошо?.. Да нет, какой еще паспорт. Я же говорю — девочку.— Он мельком глянул на меня.— На вид лет десять.

— Тринадцать с половиной,— с обидой поправила я.

Емелин положил трубку.

— В гостинице «Привокзальная» тебе дадут номер. Деньги, надеюсь, у тебя есть?

Я кивнула.

— А лучше б ты в Москву ехала. Все равно, пока следствие не закончится, дом будет опечатан.

— А когда оно закончится?

— Сначала его надо начать,— рассудительно заметил следователь, доставая из ящика картонную папку.— А начать мы его сможем только через год. Не раньше.

— Как через год? — Я округлила глаза.— Почему?!

— В порядке очередности. Видишь, я пишу на папочке: дело номер сто сорок один. Значит, чтобы заняться поисками капитана, нам надо расследовать еще сто сорок дел.

— Что-то вы больно медленно расследуете.

— Каждый бреет как умеет,— произнес молчавший до сих пор Петраченко.

— Правильно,— согласился с ним Емелин.— За бесплатно быстро ничего не делается. А если хочешь побыстрее, милости просим, у нас в городе открылось частное сыскное агентство «Тетушка Агата». Обратись туда. Я могу телефончик дать.

— Разрешите идти? — спросил сержант Петраченко.

— Идите, сержант, идите,— отпустил его следователь и тоже поднялся.— Сейчас принесу телефон.

«Может, домой звякнуть?» — подумала я. Вдруг родители уже вернулись с дачи.

— А можно мамочке позвонить? — крикнула я вслед уходящему Емелину.

— Звони куда хочешь,— со смешком ответил он.— Хоть в Аргентину.

«В Аргентину!..» — молнией сверкнуло у меня в голове. Точно!.. Там же сейчас Володька. В Санта-Фе! Перед самым отъездом он дал мне номер телефона, по которому его можно найти.

Недолго думая, я набрала этот номер.

— Алло, — раздался сонный Володькин голос.

— Мы вас приветствуем на борту нашего космического корабля, — весело сказала я. — Полет проходит нормально. Командир экипажа Эмма Мухина!

В трубке послышалось сердитое сопение.

— Мухина, как ты мне надоела со своими шуточками. Даже в Аргентине от тебя покоя нет.

— Володька, — быстро заговорила я, — срочно приезжай. Есть нетелефонный разговор.

— Мухина, ты что там, на солнце перегрелась?! — возмущенно закричал он из Санта-Фе. — «Срочно приезжай...» Я ведь не на соседней улице нахожусь, а на другом континенте! Мне через океан лететь надо!

— Тогда прилетай.

В трубке наступило долгое молчание.

— Вот что, Мухина, — наконец сказал Володька. — Сейчас здесь глубокая ночь. Я сплю. Завтра у меня первый концерт. Все билеты, между прочим, проданы. Пока.

— Подожди, подожди, — теперь уже закричала я, испугавшись, что он бросит трубку. — Слушай внимательно: дедушка куда-то исчез.

— Капитан Кэп?! Фигня какая! Да он, наверное, за макаронами в магазин пошел, а ты как дура икру мечешь. Позвони еще раз в Задонск.

— Сам ты дурак, — разозлилась я. — Я тебе звоню из Задонска. Дедушка исчез при таинственных обстоятельствах.

В трубке прозвучал тяжелый вздох.

— С тобой все ясно, Мухина, — сказал Володька. — Ты влипла в очередную историю. Так?!

— Пока что я никуда не влипла. Но ты все равно прилетай.

— Хорошо,— пробурчал он.— Завтра вылетаю.

— И будь осторожен,— на всякий случай предупредила я.— Найдешь меня в гостинице «Привокзальная». Чао-какао.

— Пока.

Связь оборвалась. «Все-таки Володька настоящий друг,— подумала я,— несмотря на все его прибамбасы».

В кабинет вернулся следователь Емелин.

— Ну что, наговорила с мамочкой? — Он протянул мне клочок бумаги.— Вот номера телефонов детектива Микстурова. Рабочий и домашний. Он возглавляет «Тетушку Агату». Отличный специалист! В свое время работал в уголовном розыске. Микстуров твоего деда в два счета найдет. Живого или мертвого.

— Лучше, конечно, живого,— сказала я.

— Это уж как получится,— ответил следователь.

КОМНАТА № 13

Хотя гостиница и называлась «Привокзальная», около вокзала я ее не обнаружила. На соседних улицах ее тоже не было. Я стала спрашивать у каждого встречного; никто о ней даже не слышал. Наконец древняя бабка вспомнила, что вроде бы есть такая гостиница, но не рядом с вокзалом, а на другом конце города.

Так оно и оказалось.

В общем, когда я подходила к серой пятиэтажке, на улице уже стемнело.

За стеклянной перегородкой сидела женщина. Она читала книгу.

Почувствовав мой взгляд, женщина подняла голову.

— У вас свободные места есть? — спросила я.
— Нет, — отрезала она и снова уткнулась в книгу.

— Но следователь Емелин...

— А-а, так ты от Емелина. — Женщина протянула мне чистый формуляр. — Заполняй. Я тебя поселю в тринадцатом номере.

— Ой, — испугалась я. — А можно в каком-нибудь другом?

— Нельзя. Остальные номера заняты.

Я посмотрела на большой стенд с ключами, висящий у нее за спиной.

— Как же заняты? Вон у вас все ключи на месте.

— Девочка, — раздраженно ответила женщина, — гостиница открылась после ремонта. Но места уже забронированы. Поэтому бери тринадцатый или...

Я поняла, что спорить с ней бесполезно.

— Давайте ваш тринадцатый.

— Тихо! — Она резко вскинула указательный палец. — Слышишь?!. Музыка...

Я прислушалась, но никакой музыки не услышала.

— Какова цель твоего приезда в Задонск?! — вдруг спросила женщина.

Определенно у нее были не все дома.

— В гости к бабушке.

— А кто твой дедушка?

— Капитан дальнего плавания.

— А-а, это он зимой и летом ходит в плаще нараспашку?

— Да, — подтвердила я, — и в тельняшке.

— И еще называет себя необычно, — стала напоминать она. — Капитан... капитан...

— Капитан Кэп! — подсказала я.

— Да, да, да, — закивала женщина. — Правильно. Капитан Кэп... А меня Кирой звать.

— Очень приятно,— сухо произнесла я и, забрав ключ, стала подниматься по лестнице.

— Там в комнате окно открыто,— крикнула мне вслед Кира.— Это я проветривала и забыла закрыть.

...Найдя тринадцатый номер и отперев дверь, я обнаружила, что машинально достала из кармана свой ключ. От квартиры в Москве. Он идеально подошел к этому замку. Усмехнувшись, я вошла в комнату и включила свет.

Бах!.. бах!..— прогремело два выстрела со стороны открытого окна.

Не колеблясь ни секунды, я как заяц прыгнула за кресло, а оттуда переползла в угол, который из окна не просматривался.

Несомненно, стреляли с крыши соседнего дома. Я огляделась. На столе стоял графин и два стакана. Я осторожно протянула руку. Бах!..— раздался еще один выстрел. Графин разлетелся вдребезги. Но я успела схватить стакан и запустить им в люстру с одной горящей лампочкой. Свет погас.

Так-то лучше. При свете я представляла собой отличную мишень.

Было тихо. И в комнате. И за окном.

И тут я заметила красную точку. Она медленно перемещалась по стене; потом прыгнула на холодильник и поползла дальше...

Я сразу поняла — это лазерный оптический прицел!

В коридоре слышались торопливые шаги. В дверь забарабанили.

— Эй, девочка... как тебя... Эмма! Открой! Что у тебя происходит?!..

— Отойдите от двери! — крикнула я.

Вместо того чтобы меня послушать, эта дура влетела в комнату. Красная точка спрыгнула с телевизора и замерла посередине Кириного лба. И вдруг исчезла.

Как видно, Киру убивать не собирались. Убийце нужна была только я.

— Закройте и зашторьте окно,— распорядилась я из своего безопасного угла.

Кира беспрекословно подчинилась. Видимо, до нее дошло, что происходит.

— Конечно, Эммочка, конечно,— испуганно лепетала она, задергивая шторы.— Лампочку в люстре я тебе заменю.

— Вы мне лучше номер замените. И чтобы окно на пустырь выходило. И не последний этаж.

— А почему не последний?

— Убийца с крыши может залезть,— объяснила я.

Кира страшно разволновалась. Пока мы поднимались по лестнице, она безостановочно твердила:

— Эммочка, я тебя просто умоляю, не сообщай ничего в милицию. Гостиница и так убыточная. Начнется следствие, ее совсем закроют. И я останусь без работы.

— Как это не сообщать? Меня же пытались убить!

— Но ведь не убили же,— резонно возразила Кира.— Ведь все обошлось. Я думаю, это какое-то недоразумение. Ну кому нужна десятилетняя девочка.

— Мне почти четырнадцать.

— Ой, да какая разница,— махнула она рукой.— Хочешь, я тебе молочка кипяченого принесу?

И Кира побежала по ступенькам, дробно стуча каблучками.

Я внимательно осмотрела новый номер. Окно выходило на пустырь. Я немного успокоилась.

— Эммочка, открой,— раздался голос Киры,— я тебе молочка принесла.

— Оставьте под дверью.

Мне совсем не хотелось обсуждать с этой мымрой произошедшее покушение.

— Так мы договорились? — Она не уходила. — Договорились?

— Хорошо, — ответила я, лишь бы только от нее отвязаться.

Кира ушла. Я приняла ванну и, выпив молоко, улеглась на кровать. Зарядив пистолет, положила его под подушку.

Уже засыпая, я подумала, что у молока был какой-то сладковатый привкус...

ЗАГАДОЧНЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Утром меня разбудило радио. Речь снова шла о наркотики «Привет из Африки».

— Несколько лет назад, — говорил диктор, — этот наркотик завоевал наркорынки всех континентов. Однако в последнее время происходит нечто странное: «Привет из Африки» нигде нельзя купить. Он бесследно исчез...

Дверь в номер стала тихонечко приоткрываться. Я точно помнила, что запирала ее на ключ... Моя рука молниеносно нырнула под подушку и сжала пистолет.

В комнату вошел невысокий мужчина в шляпе.

— Господин Шульц, — представился незнакомец, снимая шляпу. — Старинный друг капитана Кэпа.

Что-то я не помнила, чтобы у дедушки были друзья в Задонске. Тем более старинные.

В номер влетела запыхавшаяся Кира.

— Посторонним вход в гостиницу воспрещен! — возмущенно заговорила она. — Я же вам кричала!.. В милицию захотели?!

— Видите ли, я владелец магазинчика «В добрый путь», — не обращая на нее внимания, сказал

господин Шульц. — Мой магазин находится рядом с городским кладбищем.

— Ни-че-го не понимаю, — покрутила я головой.

— Не беспокойтесь, сейчас объясню, — пообещал господин Шульц и, покосившись на Киру, добавил: — Только не здесь. Я вас на улице подожду.

Он вышел из комнаты. За ним выбежала Кира, продолжая недовольно бубнить. Я чувствовала себя совершенно разбитой, словно не спала, а всю ночь занималась карате.

Решив как-то взбодриться, я приняла душ. Но это не помогло. Наоборот — дико разболелась голова.

На улице меня ждал господин Шульц. Мы зашли в кафе неподалеку от гостиницы. Взяли себе по маленькой чашечке кофе и сели в дальний угол.

Господин Шульц достал из «кейса» толстую пачку фотографий и разложил снимки по столу.

На фотках были изображены какие-то люди.

— Здесь около сотни человек, — сказал Шульц. — Все они бесследно исчезли. Причем в одном и том же месте. У городского кладбища.

С одного из снимков улыбалась Кира.

— Как же исчезли?! — Я ткнула в нее пальцем. — Вот дежурная из гостиницы.

— Те, что помечены на обороте черным крестиком, — глухо произнес господин Шульц, — вернулись.

Я перевернула Кирино фото. В нижнем правом углу стоял черный крест.

В ушах у меня зазвенело. Я широко открыла рот, надеясь, что звон прекратится. Но зазвенело еще сильнее.

— Когда мы с моим другом, капитаном Кэпом, об этом узнали, — господин Шульц перешел на та-

инственный шепот, — то решили провести научный эксперимент. Капитан взял несколько баллонов со сжатым воздухом и лег в гроб. А я и мой помощник Алик закопали гроб на кладбище. Наутро смотрим — ни гроба, ни капитана.

Он сделал глоток из своей чашки.

В кафе влетела стайка девчонок. С хохотом и разговорами они стали есть разноцветные шарики мороженого.

А напротив меня сидел мрачный господин Шульц.

— Зачем вы мне это рассказали? — спросила я, залпом выпив весь кофе.

Господин Шульц пожевал губами.

— Может, теперь ты рискнешь...

Я потерла пальцами ноющие виски.

— Ничего не понимаю.

— А чего тут понимать? — произнес господин Шульц, вставая. — Мы с Аликом приготовим гроб и баллоны... До скорого свидания, Эмма.

Слегка поклонившись, он быстро вышел из кафе. А я осталась сидеть за столом.

Со мной творилось что-то неладное...

ФОКУС-ПОКУС

Вдруг чья-то ледяная рука коснулась моей шеи. Я невольно вздрогнула. Рядом, на освободившийся стул, села Кира.

— Не верь ему, Эммочка, — возбужденно сказала она, — я нигде не исчезала. Он сам исчезал. Хочешь, я тебе это докажу?.. Хочешь?!

Кира с силой сжала мое запястье и потянула за собой. Я пошла как во сне. Мы шли безлюдными улицами, переулками... Дул порывистый ветер. Моросил дождь...

Кира толкнула дверь.

В просторном помещении, за круглым столом,

сидели господин Шульц и здоровенный верзила. Они играли в карты.

Вместо электрического света горело множество свечей.

На полу стоял гроб. С потолка свешивались веревки с петлями на концах. Из стеклянных витрин, расположенных вдоль стен, скалили зубы маски уродов.

— Проходите, проходите,— обрадовался господин Шульц.— В «дурака» будете играть?

— Нет,— отказалась я.

— Жаль,— широко зевнул он.— Это Алик.— Он кивнул на верзилу.— Мой помощник.

— Здравствуйте, Алик,— сказала Кира.

— Зря стараетесь,— расхохотался господин Шульц.— Он глухонемой... Хотите кипяченого молочка?

«Бред какой-то»,— подумала я.

Господин Шульц что-то показал глухонемому Алику на пальцах, и тот принес чашку с горячим молоком.

— Пейте, барышня.— Господин Шульц протянул мне чашку.

Я выпила, снова ощутив сладковатый привкус. Господин Шульц забрал у меня чашку, и она в его руках превратилась в букет алых роз.

— Артист! Артист! — Кира радостно захлопала в ладоши.

— Да, я артист, — согласился господин Шульц.— До того как купить себе этот магазинчик, я долгие годы работал на эстраде. Между прочим, добрым волшебником.

— Ах, так вы волшебник,— отсмеявшись, сказала Кира.— Сейчас мы это проверим. Ну-ка, сотворите какое-нибудь чудо.

— Запросто! — бесшабашным тоном ответил господин Шульц.— Но вы, Кирочка, должны мне помочь.

— Давайте,— охотно согласилась Кира.— А что надо делать?

Господин Шульц подкинул букет под самый потолок.

— Фьюти-фьють,— посвистел он.— Розы превращаются в саблю.

И действительно, теперь в его руке был длинный узкий клинок.

— Э-э...— разочарованно произнесла Кира.— Я-то думала...

— Нет, нет, Кирочка,— весело сказал господин Шульц,— главное чудо впереди... Встаньте вот сюда. Смотрите мне прямо в глаза. Фокус-покус начинается. Раз! два! три!!! Алле-гоп!!!

С этими словами господин Шульц взмахнул острым клинком и... И отсек Кире голову!!!

Сначала я ничего не поняла. Это было так дико... так быстро...

— А...— только и смогла я выдавить из себя.

— Бэ,— спокойно сказал господин Шульц.— Закрой рот, а то муха влетит.

Кира как стояла, так и продолжала стоять на прежнем месте. Только без головы.

— Подсадка, — коротко бросил господин Шульц.

— Что?..— переспросила я.

— «Подсадками» я называю тех, кто возвращается,— пояснил он.— Неужели ты не поняла из нашего разговора в кафе, что они уже не люди?

— Нет,— забормотала я,— честно говоря...

Господин Шульц погладил меня по щеке.

— Иди-ка ты, Эмма, спать. Алик тебе постелит.

На дрожащих ногах я подошла к... к Кире и, став на цыпочки, заглянула через шею вовнутрь. Там было пусто и темно.

Перед моими глазами все завертелось, и я потеряла сознание.

СЫСКОЕ АГЕНТСТВО «ТЕТУШКА АГАТА»

Когда я очнулась, то с изумлением обнаружила, что лежу на кровати в своем номере. В окно светило яркое солнце.

Неужели это был сон?..

Я быстро вскочила, оделась и спустилась вниз. Кира сидела на прежнем месте. Естественно, с головой.

— Доброе утро, Эмма,— сказала она.— Как спалось?

— Прекрасно,— ответила я.— Если, конечно, забыть о том, что в меня стреляли из снайперской винтовки.

Кира громко рассмеялась, словно я удачно пошутила.

— А из пушки в тебя не стреляли?

— Кира,— с недоумением произнесла я,— вы разве не помните вчерашнего происшествия?

— Во-первых, вчера я не работала..

— Как же не работали, если вы меня поселяли?

— Я тебя поселяла позавчера.

По моей спине прошелестел ледяной ветерок.

— Как позавчера?.. Вы же дали мне тринадцатый номер, а потом...

— Какой еще тринадцатый?! — перебила Кира.— Я тебе дала двадцать седьмой. Вот смотри, если не веришь.— Она протянула заполненный формуляр.

Действительно — там стоял двадцать седьмой номер.

— Убедилась, подруга?!

Я вышла из гостиницы.

Бредя извилистыми улочками, я продолжала думать о том, что же со мной произошло. Получается, это был не сон? Но тогда — что это было?.. Бред, продолжавшийся целые сутки?.. Или,

может быть, у меня начались глюки?.. «В потолке открылись люки, не волнуйтесь, это глюки». Хорошенькое дельце.

А выстрелы в окно?.. Почему Кира сделала вид, будто ничего не знает? Боится?.. Чего боится?.. А может — кого... Эх, сейчас бы Володьку сюда! Он бы мигом во всем разобрался.

На стене дома я увидела большой рекламный плакат:

**ЧАСТНОЕ СЫСКОЕ АГЕНТСТВО
«ТЕТУШКА АГАТА»**

(расследования, розыск, слежка)

Я вспомнила, как следователь Емелин настойчиво отправлял меня в это агентство. Даже телефончик детектива Микстурова на бумажке записал. Порывшись в кармане, я нашла эту бумажку.

Из ближайшего таксофона позвонила.

— Сыское агентство «Тетушка Агата» слушает,— раздался в трубке мужской голос.

— Извините, можно поговорить с детективом Микстуровым?

— Вы с ним уже говорите.

— У меня для вас есть очень запутанное дело.

— Приходите. Распутаем. Мой офис находится рядом с краеведческим музеем.

И трубку положили.

Я еще немного постояла рядом с таксофоном, раздумывая — правильно ли поступила, позвонив Микстурову. И решила, что правильно. Кашу маслом не испортишь. Чем больше народу будет искать дедушку, тем лучше.

С этими мыслями я и отправилась в «Тетушку Агату».

Правда, легче оказалось найти краеведческий музей — большой старинный дом с белыми колон-

нами. Сыскная контора располагалась в двух шагах от него.

В просторном холле сидела секретарша. Она работала на компьютере.

— Вы к Дмитрию Петровичу?

Я кивнула.

Секретарша щелкнула тумблером селектора.

— Дмитрий Петрович, к вам девочка.

— Давай ее сюда,— раздался жизнерадостный голос.

— Проходите,— официальным тоном сказала секретарша.

Я прошла в кабинет. Частный детектив Микстуров оказался симпатичным мужчиной с усами и в очках.

— Ну что, с ума сошла? — весело спросил он, потирая руки.

— Я?!

— Ну не я же! — расхохотался детектив.

Стоя посреди кабинета, я лихорадочно соображала, что все это значит? А вдруг я и вправду чокнулась? И это уже стало заметно по моему внешнему виду...

— Да ты не бойся! — Он ласково улыбнулся. — Все люди сумасшедшие, только не все об этом знают... Что там у тебя?.. Тебе кажется, что ты лошадь-вампир?!

— Вообще-то у меня дедушка пропал,— осторожно сказала я.

— Вот это плохо,— нахмурился Микстуров. — Покажи язык.

— Зачем вам мой язык?

— Покажи, покажи.

На селекторе зажглась красная лампочка.

— Доктор,— сообщила секретарша,— к вам еще один пациент.

— Доктор? — растерянно повторила я. — Так вы не частный детектив Микстуров?

— Нет, деточка, я частный психиатр Микешатьев. А к Микстурову дверь рядом.

«Тьфу ты», — плюнула я про себя.

— Извините, перепутала.

— Ничего, бывает, — посмеиваясь, произнес Микешатьев. — Если с умом сойдешь, обязательно заходи. Не стесняйся.

— Зайду, — пообещала я и выскочила из кабинета.

«ПРИВЕТ ИЗ АФРИКИ»

Когда я вошла в дверь напротив, там не оказалось ни секретарши, ни компьютера, ни даже стола. Вообще ничего не было. Пустая комната. Только у подоконника стоял немолодой мужчина и, глядя в окно, жевал жвачку.

— Вы частный детектив Микстуров? — сразу решила я уточнить.

— Он самый, — ответил мужчина и протянул мне розовую полоску. — Жвачку хочешь?

Я поблагодарила и тоже стала жевать.

— Ну что ж, — сказал детектив, внимательно осмотрев меня с ног до головы. — Звать тебя Эмма Мухина. Живешь ты в Москве. И у тебя исчез дедушка. Верно?..

— Да, — с недоумением произнесла я. — Откуда вы знаете?

— По твоему внешнему виду определил, — засмеялся он. — А если серьезно, то мне звонил следователь Емелин.

— Так вы найдете моего дедушку?

— За хорошие деньги я тебе хоть десять дедушек найду.

— А-а... За хорошие деньги?

— А ты как думала? Сейчас за бесплатно только птички поют. — Микстуров выплюнул жвачку на

пол.— Ладно, рассказывай подробности. А там видно будет.

Я рассказала. Собственно, и рассказывать-то было нечего. Как получила зашифрованную открытку, как обнаружила в доме двух бандитов, как пошла в милицию... Я подумала, говорить ли о дедушкиных записях, и решила, что пока не стоит. Также я ничего не сказала о покушении на мою жизнь. Зачем все сразу выкладывать незнакомому человеку?

Детектив Микстуров выслушал меня без особого энтузиазма.

— Это все? — спросил он, закуривая.

— В общем, да. Правда, прошлой ночью со мной произошел странный случай...

И я, буквально в двух словах, изложила свой то ли сон, то ли бред, то ли еще что-то.

Микстуров прямо подскочил на месте. Пинком ноги распахнув дверь, он зычно заорал:

— Дмитрий Петрович, можно вас на минутку?!

Когда в комнате появился психиатр Микешатьев, Микстуров попросил снова повторить странную историю.

Я повторила.

— Что скажете, доктор? — Детектив впился глазами в психиатра.

— «Привет из Африки», — отрывисто бросил тот.

— Я тоже так подумал. Но откуда он мог взяться в нашем захолустье?

— Понятия не имею. Его и в Штатах теперь не достать. А тут вдруг в каком-то Задонске...

— Может, все-таки не он? — засомневался Микстуров. — Ведь от «Привета», насколько я знаю, не бывает ни головной боли, ни звона в ушах.

— Здесь имеется своя специфика, — разъяснил

психиатр. — «Привет из Африки» — мощнейший наркотик. Марихуана и героин ему в подметки не годятся. Для детского организма он крайне опасен. Странно, что девочка вообще осталась жива.

— Вы хотите сказать,— встряла я в разговор двух специалистов,— что меня накачали наркотиками?!

— Без всякого сомнения,— уверенно произнес Микешатьев.— Все симптомы налицо.

Детектив Микстуров выплюнул на пол погасшую сигарету.

— Эмма, ты что-нибудь пила перед встречей с этим господином Шульцем? Вспомни. Это очень важно.

Я на мгновение задумалась.

— Да вроде ничего... хотя постоит. Я выпила молока.

— Привкус у молока был?! — в один голос воскликнули детектив и врач.

— Да... сладковатый...

— Все сходится, — возбужденно сказал Микешатьев. — Это «Привет из Африки».

— Кто дал тебе молоко? — спросил Микстуров.

— Кира дала.

— Какая Кира?

— Дежурный администратор гостиницы «Привокзальная».

— А до этого ты ничего не пила?

— Нет, ничего.

— А после этого?

— После только у господина Шульца. В его магазинчике. Но вы же говорите, это галлюцинации.

— В его магазинчике, — задумчиво повторил детектив. — Ладно, давай теперь вернемся к твоим бандитам. Ты совсем ничего не поняла из их разговора?

— Они же по-блатному говорили.

— Понятно. Но, может быть, уголовники называли имена, клички...

— Ой, называли! — вспомнила я. — Какого-то Хозяина.

— Хозяина... — Микстуров снова закурил. — Если мне не изменяет память, это кличка владельца ночного клуба «Сивка-Бурка».

— Свинарского?! — удивленно вскинул брови психиатр Микешатьев. — Я был уверен, что он порядочный человек.

— В наше время, Дмитрий Петрович, ни в чем не надо быть уверенным, — назидательно сказал Микстуров. — Этот ваш порядочный человек является главарем преступной группировки, которая контролирует все увеселительные заведения горо-

да. А в его клубе по ночам собираются местные бандиты, рэкетеры и наркоманы...— Детектив посмотрел на меня.— Эмма, а ты бы могла узнать Червяка или Карася, если б их увидела?

— Наверное,— поколебавшись, ответила я.— Вообще-то я их видела только через щели в люке.

Микстуров выплюнул на пол очередной окурок.

— Хорошо. Иди сейчас в гостиницу и ложись спать. Сегодня ночью мы посетим «Сивку-Бурку».

РАССКАЗ ДИРЕКТОРА МУЗЕЯ

Не успела я выйти из агентства «Тетушка Агата», как начался жуткий ливень. Спасаясь от дождя, я забежала в краеведческий музей.

И решила от нечего делать осмотреть его.

По широкой мраморной лестнице я поднялась наверх и в полном одиночестве стала бродить по заставленным разной ерундой залам.

В одном из залов я увидела живого Льва Толстого.

— О-о, посетитель пришел,— обрадовался Толстой.— Здравствуйте, здравствуйте, посетитель.

— Вы очень похожи на Льва Николаевича,— сказала я.

— А я и есть Лев Николаевич,— ответил он.— Только не Толстой, а Курицын. Лев Николаевич Курицын. Директор этого музея.

— Что-то у вас народу не густо.

— Ничего не поделаешь, дитя мое,— печально вздохнул он.— Люди не интересуются историей родного края. Они интересуются только деньгами. А между тем история нашего города богата замечательными людьми. Здесь жил, например, Крузенштерн. Ты, конечно, знаешь, кто такой Крузенштерн?!

Я усиленно закивала головой, делая вид, что знаю.

— А вот скажи, дитя мое,— поглаживал старик пышную бороду,— почему наше озеро называется Богатое?

— Никогда об этом не думала,— призналась я.

— Хочешь, расскажу?! — загорелся директор.— Весьма любопытная легенда.

— Расскажите,— из вежливости согласилась я.

Старик опять погладил бороду и стал рассказывать:

— Давным-давно жил в этих краях один русский барин. Звали его Порфирий Дормидонтович Скуратов. По тем временам считался он человеком образованным. Весь свет объездил. Да и правду сказать, как тут не ездить, если Порфирий Скуратов был сказочно богат. И здоровьем его Бог не обидел, и красотой... И вот, объехав весь культурный свет, захотел он объехать еще и некультурный. Побывать в Африке, Австралии, Новой Зеландии... Снарядил Скуратов экспедицию, да и отправился в опасное путешествие.

И так ему полюбились острые ощущения, что он стал каждый год путешествовать по диким, неизведанным местам.

И вот однажды, когда Порфирий Дормидонтович в очередной раз находился в Африке, решил он из русского удалства искупаться в Ниле. Причем именно в том месте, где водилось множество крокодилов. Недолго думая, скинул Скуратов одежду да и бросился в мутную воду. А крокодилы, тоже недолго думая, бросились на Порфирия Дормидонтовича. И если б не африканец Мадунга, к счастью, оказавшийся неподалеку, остались бы от Скуратова одни воспоминания.

Смелый негр своими дикими воплями распугал всех крокодилов и вытащил русского путешественника на берег... Здесь-то и обнаружилось, что кро-

кодили откусили Скуратову ногу. А какой путешественник без ноги?.. Вот и пришлось Порфирию Дормидонтовичу возвращаться обратно в Россию. А в благодарность за спасение он взял с собой Мадунгу и назначил ему хорошее жалованье.

По приезде в Россию поселился Скуратов в Задонске. Вот как раз в этом самом доме его усадьба и располагалась. А у соседнего помещика была дочка Лизавета. Такая красавица — красивее и не надо. Вскоре Скуратов и Лизавета познакомились, подружились и обвенчались. И все бы хорошо, да на беду пошла как-то Лизавета в озере искупаться, да и утонула... Тебе не скучно, дитя мое? — перебил сам себя Курицын.

Дождь на улице хлестал пуще прежнего. Вода заливала оконные стекла.

— Да нет, Лев Николаевич, — сказала я, с трудом сдерживая зевотку, — очень интересно.

— ...Горю Порфирия Дормидонтовича не было границ. Он так убивался по несчастной Лизавете, что дворовые люди стали опасаться за его рассудок. И, как выяснилось, не зря. Сошел Скуратов с ума. Продал все свои имения, а на вырученные деньги купил слитки чистого золота и на двух подводах привез в Задонск. Сложил все это золото в громадный сундук, вывез на середину озера и бросил в воду. Затем попрощался с дворовыми людьми, нацепил на шею веревку с камнем и тоже бросился в воду. С тех самых пор наше озеро и стало называться «Богатое».

Директор музея умолк.

— А сундук с золотом никто не искал? — поинтересовалась я.

— Еще как искали. Но так и не нашли.

— А негр?

— Что негр? — не понял Курицын.

— Негр куда делся?

— На родину уехал. В Африку.

В правом ухе у меня сильно зазвенело. Я страдальчески сморщилась.

— Тебе плохо, дитя мое? — участливо спросил директор.

— Все нормально, — успокоила я его. — Просто вчера наркотиков наглоталась, до сих пор по мозгам бьет. Да вы продолжайте, продолжайте...

— Собственно, я уже закончил. Лизавету нашли и похоронили. Скуратов, пока был жив, пригласил из Петербурга известного скульптора, и тот сделал мраморное надгробие в виде ангела с крестом. Если у тебя будет желание, сходи на кладбище, посмотри. Замечательная скульптура.

— Вы же говорили, это легенда, — напомнила я.

— Легенда, конечно, — не стал спорить директор. — Но каждая легенда частично основана на реальных фактах.

Я поглядела в окно. Дождь перестал.

— Пойду, пожалуй.

— Ой, — всполошился старик, — а я хотел еще рассказать об истории развития животноводства в нашем крае...

— Как-нибудь потом, Лев Николаевич. Мне уже пора спать.

Директор Курицын хитро прищурился.

— Не рановато ли спать, дитя мое?

— В самый раз, — заверила я. — Сегодня ночью меня пригласили в «Сивку-Бурку».

Чудаковатый старик всерьез расстроился.

— Господи, — всплеснул он руками, — это же настоящий притон. Там собираются, мягко говоря, плохие люди. А ты ведь еще такая маленькая.

— Маленькая, да удаленькая, — бойко ответила я и отправилась в гостиницу.

В НОЧНОМ КЛУБЕ

Проснулась я где-то около полуночи. А ровно в полночь за окном раздался автомобильный гудок. Выбежав на улицу, я увидела побитый «форд», за рулем которого сидел частный детектив Микстуров.

Я залезла в машину, и мы поехали.

Над входом в ночной клуб загоралась и гасла неоновая вывеска «Сивка-Бурка». Массивная дверь была заперта. Микстуров позвонил в звонок.

Ни ответа, ни привет.

— Может, они не слышат? — предположила я.

— Сейчас услышат. — Частный детектив со всего размаха ударил ногой в дверь.

На пороге тотчас появился крутой вышибала.

— Закрыто, — грубо сказал он.

Микстуров вытащил из кармана несколько долларов и помахал ими у вышибалы под носом.

— Проходите, пожалуйста, — сразу подобрел тот.

Мы прошли.

В ресторанном зале детектив Микстуров заказал себе бутылку «Капитана Блада», а мне бутылку «Буратино». На закуску мы взяли по салату из крабов.

Официант убежал выполнять заказ.

Я оглядела зал. Директор Курицын оказался совершенно прав — это был настоящий притон. Дым стоял коромыслом. Гремела музыка. Мигали разноцветные огни. А за столами сидели одни бандиты.

Тут я заметила Карася с Червяком.

— Червяк и Карась за соседним столиком, — вполголоса сообщила я детективу.

Микстуров украдкой глянул через плечо.

— Держи их в поле зрения.

Вернулся официант с заказом.

— Простите, я могу поговорить с хозяином клуба? — спросил у него Микстуров.

— Господин Свинарский с посетителями не общается, — холодно ответил официант.

— Тогда передайте ему вот это, — детектив протянул свою визитную карточку. — Думаю, со мной он захочет пообщаться.

И точно. Не успел официант удалиться, как тотчас появился толстый коротышка в малиновом пиджаке.

— Чем могу служить, господин Микстуров? — усаживаясь, спросил он.

— Некоторое время назад исчез небезызвестный капитан Кэп, — сразу взял быка за рога детектив. — Возможно, он даже убит.

— Не знаю, не знаю, — противненько захихикал Свинарский. — В последнее время я никого не убивал.

— Это еще не все, — продолжал Микстуров. — Ваши люди произвели обыск в доме у капитана.

— Какие еще люди? — фальшиво удивился Свинарский.

— Вот эти, — кивнул детектив в сторону двух бандитов.

— Эй, ты, ищейка, — с угрозой процедил сквозь зубы Червяк, — на бритву, что ли, нарываешься?!

— Спокойно, Червяк, — повернулся к нему Свинарский и снова посмотрел на Микстурова. — Запомните, господин Микстуров, кто лезет в мои дела — тот долго не живет.

События начинали принимать явно опасный оборот. Я уже стала подумывать, не придется ли нам уносить отсюда ноги. Но детектив Микстуров миролюбиво ухмыльнулся.

— Ты меня не так понял, приятель, — сказал он. — Я хочу купить твои сведения.

— Купилок не хватит, — подал голос Карась.

— Ну-ка не хрюкай,— оборвал его Свинарский и деловито спросил: — Сколько?

Вместо ответа детектив кинул на стол пачку стодолларовых бумажек. Они тут же, как по волшебству, исчезли.

— Моя компаньонка, мадам Ирэн,— лениво начал говорить Свинарский,— владеет заведением под названием «Маленький магазинчик ужасов». Продает там амулеты, статуэтки и прочую чушь. Так вот она сообщила мне, что в старом городе живет один тип. Бывший капитан дальнего плавания. И у него есть куча африканских статуэток. Мадам Ирэн попросила украсть их для нее.

— И это все? — спросил Микстуров.

— И это все,— ответил Свинарский.

— Нет, не все,— влезла я в разговор.— Вы забыли сказать о записях.

— Ах, какая симпатичная девочка! — воскликнул Свинарский, словно только что меня заметил.— Как тебя зовут?

— Маша Потехина,— сказала я.

— Машенька, а ты в школе учишься?

— В банно-прачечном институте.

Свинарский снова противенько захихикал, показав два ряда золотых зубов.

— Какие остроумные дети растут,— обращаясь к Микстурову, произнес он.— Палец в рот не клади.

— Так как же насчет записей? — напомнил ему частный детектив.

Свинарский поднял глаза к потолку и стал насвистывать веселенький мотивчик. Поняв намек, Микстуров выложил на стол еще пачку долларов.

— Да, припоминаю,— спрятав деньги, заговорил Свинарский,— мадам Ирэн просила прихватить еще записную книжку капитана, в которую он записывал заморские рецепты от насморка. Ребята, конечно, нашли эти записи и притащили мне.

— Опять вы врете,— сказала я.— Никаких записей ваши ребята не нашли. А я вот нашла. И там вовсе не рецепты от насморка, а кое-что другое.

— Нашла?! — вскричал Свинарский.

— Да, нашла,— я похлопала себя по пустому карману.— Вот они, в карманчике лежат.

В ту же секунду я поняла, какую глупейшую ошибку совершила. Но было уже поздно.

МЫ УНОСИМ НОГИ

Свинарский мигнул Червяку и Карасю. Те встали. Музыка смолкла. Несколько бандитов, сидящих за дальними столиками, тоже поднялись со своих мест.

— Дай сюда эти записи, Потехина,— с угрозой сказал Свинарский, протягивая руку.— Иначе ты не закончишь банно-прачечный институт.

Я почувствовала, как у меня противно задрожали коленки.

— Зачем же так грубо, приятель? — спокойно произнес Микстуров и, схватив со стола бутылку «Капитана Блада», грохнул ее о голову Свинарского.

На детектива с ножом бросился Червяк. Но я была начеку. Схватив со стола бутылку «Буратино», я грохнула ее о голову Червяка.

А дальше начался полнейший цирк!..

Мы с частным детективом стали отбиваться от налетевших со всех сторон бандитов. Думаю, мой тренер по карате остался бы доволен, видя, как я ловко раздаю удары направо и налево. Микстуров, кстати говоря, тоже оказался каратистом что надо!

Из-под стола вылез оцухавшийся Свинарский.

— Записи! — прохрипел он, наставив на меня пистолет.

Я быстро выбила у него пистолет ногой и блестяще провела боксерский прием под названием «левой снизу, правой сбоку». Свинарский снова отправился под стол, теперь уже надолго.

— Бежим отсюда! — закричал детектив Микстуров и помчался к выходу, опрокидывая на ходу бандитов и столики.

Я кинулась вслед за ним со всем проворством, на которое только была способна. По дороге мне попались сразу три бандита, один здоровее другого. Но я не собиралась так просто сдаваться. С какой стати?.. В общем, хотите верьте, хотите нет, я уложила всех троих.

Бах!.. — прогремел выстрел за спиной; и еще раз: бах!!!

Пули прошли над моей головой в каких-ни-

будь трех-четырех сантиметрах. Микстуров обернулся и, размахнувшись, бросил на середину зала какую-то штуку.

Б а-б а-а х!!!..— прогремел мощный взрыв, и сразу же повалил густой дым.

Бандиты, преследующие нас, закашляли и зачихали. Это была граната со слезоточивым газом.

Мы выбежали в холл. Я с ходу протаранила головой верзилу со шрамом на щеке, а детектив одним ударом вырубил вышибалу.

На улице стояла чудесная лунная ночь, но нам некогда было любоваться на луну. Запрыгнув в «форд», мы с головокружительной скоростью помчались по пустынным улицам Задонска.

На лице Микстурова виднелось множество ссадин.

— В нашей профессии чаще получаешь по роже, чем даешь,— сказал он, перехватив мой взгляд.— А ты молодец, Эмма. Не растерялась.

— А чего тут теряться,— небрежно ответила я.— У меня в Москве разборки и покруче бывали.

Машина остановилась у гостиницы.

— Записи в самом деле лежат в твоём карманчике? — как бы невзначай спросил детектив.

— Нет, конечно.

— А что это за бумаги?

— Да так, ерунда всякая.

— За эту ерунду нас чуть было не шлепнули,— напомнил Микстуров.— Так что давай выкладывай.

Я «выложила». Подробно рассказала о боцмане Кошкине, Ирке Пыжиковой, африканском племени мбулу, прекрасной Анате, желтеньком цветочке тарига... короче, обо всем, что прочла в листиках, валявшихся у печки.

— М-да,— буркнул детектив,— не густо... Мне кажется, должна существовать какая-то связь между записями твоего деда и наркотиком «Привет из Африки».

— А как же Кира?.. Разве не она подсунула наркотик?

— Она-то она. Но откуда у скромной служащей гостиницы наркотик, который стоит целое состояние? Не говоря уже о том, что «Привет из Африки» уже больше года не появлялся на подпольных наркорынках мира.

— Да-а,— только и сказала я.

— Вот тебе и «да». — Он побарабанил пальцами по рулю.— Ладно, иди отдыхай. А завтра, вернее уже сегодня, надо будет еще раз обыскать дом капитана Кэпа. Более тщательно. Ведь должно же где-то быть продолжение этих страниц.

Я вылезла из машины. Микстуров уехал. Начи-
нало понемногу светать.

Кира сладко спала. Я разбудила ее и попросила ключ от номера.

— Ну ты и гулять здорова, подруга,— сонно пробормотала она.— С мальчиком познакомилась?

— Ага,— кивнула я,— с мальчиком. Мы с ним всю ночь на скамейке в парке целовались.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСОК КАПИТАНА КЭПА

Когда я вошла в свой номер, то вдруг подумала, что сейчас, пожалуй, самый удобный момент проверить: действительно ли в меня стреляли из снайперской винтовки или это тоже был наркотический бред?

Я спустилась на второй этаж и тихонечко подкралась к тринадцатому номеру. Приложила ухо к двери. Тишина. Тогда я достала ключ от своей квартиры и сунула его в замочную скважину.

Ключ подошел. Но это еще ни о чем не говорило: он подходил и к двадцать седьмому номеру. Прямо не ключ, а воровская отмычка.

Осторожно открыв дверь, я вошла. Зажгла свет. Сердце мое при этом невольно екнуло. Я отлично помнила, к чему привело включение света в прошлый раз.

Тринадцатый номер в точности повторял двадцать седьмой. Все тот же стандартный набор мебели.

На кровати валялся чемодан. Значит, здесь уже кто-то жил.

Я внимательно оглядела стены, ища дырки от пуль. Дырок нигде не оказалось. Одно из двух: либо Кира их уже замазала, либо эти дурацкие дырки — плод моего возбужденного наркотиком воображения.

Надо было, конечно, уходить. В любую минуту мог вернуться хозяин номера. Но, привыкнув все время совать свой нос куда не следует, я пристально смотрела на чемодан. «Эмка, — строго сказала я себе, — не будь идиоткой; иди отсюда подобра-поздорову».

Однако руки уже сами тянулись к блестящим застегкам.

Чемодан был закрыт. Недолго думая, я вытащила свой ключ и сунула в узкую щель замка. Застежки тотчас отскочили. Я открыла крышку и... ойкнула.

В красных бархатных ячейках аккуратненько лежали части снайперской винтовки. Все по отдельности: ствол, приклад, оптический прицел, два магазина с патронами...

Вот так приколы!..

Когда ко мне вернулась способность соображать, я увидела, что поверх разобранной винтовки лежит еще и тетрадь в кожаном переплете. Я машинально раскрыла ее и... ойкнула еще раз.

Это были записки моего дедушки.

Они начинались сразу с десятой страницы:

«...не мог пошевелить ни рукой ни ногой. Но, как ни странно, все отлично видел и слышал.

Ко мне подошел боцман Кошкин и приложил к губам зеркальце. Зеркальце не запотело.

— Он мертв! — радостно закричал боцман.

Дикари забили в барабаны и запели ритуальную песню. Меня и прекрасную Анату положили на погребальные носилки и понесли в Священную Хижину. Здесь, по закону предков, наши тела должны были пролежать всю ночь. А на рассвете их торжественно сожгут на костре во славу бога Индути.

День прошел. Наступила ночь.

Я чувствовал, что уже могу пошевелиться. Тогда я осторожно повернулся на левый бок и посмотрел на прекрасную Анату. Она тоже смотрела на меня.

— Ну что, мой милый капитан, — сказала Аната на чистейшем русском языке, — умереть мы всегда успеем, верно?..

От удивления я так и сел.

— Ты... говоришь по-русски?!

— Конечно. Это же мой родной язык.

С этими словами она вытащила из носа распорки. Затем, поплевав на ладони, стерла с лица черную краску.

И перед моим изумленным взором предстала настоящая русская красавица. Только с бритой головой.

— О мой милый капитан, — певуче произнесла она, — пришло время открыть тебе еще одну страшную тайну. Моя прапрапрабабушка была русская дворянка Лизавета. В конце позапрошлого века ее привез из России мой прапрапрадедушка Мадунга. А так как в те времена наше племя было еще более кровожадным, чем теперь, то он побрил ей голову и выкрасил тело в черный цвет... С тех пор все так и пошло. Как только в нашем роду рождался белый ребенок, его тут же красили черной краской и запихивали в ноздри распорки, чтобы нос казался расплюснутым. Но из поколения в поколение наш род учил родную русскую речь и передавал из уст в уста историю неземной любви храброго

Мадунги и красавицы Лизаветы. Сейчас я тебе ее поведаю...

За стенами хижины стояла душная африканская ночь. В густом воздухе висело гортанное пение дикарей.

— Ну поведай,— сказал я, раскуривая трубочку.

И прекрасная Аната начала свой рассказ:

— Юноша Мадунга был потомственный колдун. Он часто покидал племя мбулу и отправлялся в дальние страны на поиски полезных растений. И вот однажды, в дельте реки Нил, он спас от неминуемой гибели русского путешественника Порфирия Дормидонтовича Скуратова. И тот в знак признательности пригласил Мадунгу посетить далекую Россию.

По приезде в чужую страну молодой колдун с энтузиазмом взялся за изучение неизвестных трав и цветов. А Скуратов стал потихоньку спиваться. Дело в том, что нильские крокодилы откусили ему ногу и Порфирий Дормидонтович не мог больше путешествовать.

Так бы он, наверное, и спился окончательно, если б не одно обстоятельство... Ой-ой-ой! — испуганно закричала прекрасная Аната, прервав свой рассказ.— У входа в хижину кто-то дышит.

Я выглянул наружу. Рядом с хижиной стояла противная гиена.

— А ну пошла вон отсюда! — Я пнул ее ногой в морду.

Гиена завизжала и умчалась в джунгли.

— Продолжай, дорогая,— сказал я прекрасной Анате.

— ...Если б не одно обстоятельство. Как-то раз Мадунга совершенно случайно смешал настой из тарига с настоем из русского цветочка ромашки.

— Ромашки,— поправил я ее.

— Да, да, ромашки... И у него получился чудодейственный напиток, при помощи которого можно переживать во сне самые невероятные и опасные приключения. Мадунга назвал его «булигонго», что означает — «волшебная вода».

Радости Порфирия Скуратова не было пределов. Еще

бы! Теперь он снова мог путешествовать как прежде, не вставая при этом с пуховой перины.

Порфирий Дормидонтович заметно взбодрился, бросил пить и стал подумывать о женитьбе.

А у соседского помещика была на выданье дочка Лизавета. Нежная и хрупкая, как бабочка. Скуратов повстречал ее в своем саду и сделал предложение. Лизавета отказала богатому барину. Скуратов снова сделал предложение. Лизавета снова отказала.

...Так повторялось двадцать раз, пока отец Лизаветы насильно не выдал ее за Порфирия Дормидонтовича.

Между тем Лизавета совсем не случайно очутилась в скуратовском саду. Она бегала туда на тайное свидание с Мадунгой. Зачем ей одноногий русский барин, если она больше жизни любила двуногого африканского красавца!..

Но против родительской воли не пойдешь, и Лизавета скрепя сердце обвенчалась со Скуратовым.

Порфирий Дормидонтович оказался мужем ревнивым и злобным. Он буквально прохода не давал бедной девушке своими вечными придирками. А иной раз даже и поколачивал ее.

Каково было Мадунге, с его африканским темпераментом, смотреть на все это?! И вот что он придумал... Ой-ой-ой! — снова прервав рассказ, испуганно закричала Аната.

Из угла хижины выпорхнуло несколько летучих мышей.
— Не бойся, дорогая, — сказал я, раскуривая потухшую трубку, — это всего лишь мышки с крылышками. Продолжай.

— ...И вот что он придумал. Сговорившись с Лизаветой, Мадунга дал ей выпить настой из тарига. Лизавета выпила и тотчас «умерла», как мы сейчас с тобой.

Скуратов чуть с ума не сошел от горя. Устроил ей пышные похороны, заказал роскошный памятник, а на кладбище велел соорудить склеп... Мало того — приказал прорыть к склепу подземный ход от усадьбы, чтобы можно было ходить и рыдать над гробом.

Этого Мадунга с Лизаветой, конечно, не ожидали.

Но, на счастье наших влюбленных, в Санкт-Петербурге заговорщики убили императора Павла I. Новый император

Александр собственноручно составил список приближенных к Павлу дворян и повелел их заковать в кандалы и сослать в Сибирь. А имущество сосланных конфисковать.

Попал в «черный список» и Скуратов.

Тут уж Порфирию Дормидонтовичу стало не до любовных переживаний. Скоренько продал он все свои имения, купил на вырученные деньги золото и спрятал в Лизаветин ~~склад~~. До лучших времен.

А чтобы никто ничего не заподозрил, разыграл из себя сумасшедшего — бросил в озеро огромный сундук, якобы с сокровищами. (На самом деле в сундуке лежали обыкновенные камни.) Затем, при всем честном народе, Скуратов и сам бросился со скалы в воду. С пудовой гирькой на шее.

За скалой же Порфирия Дормидонтовича дожидался на лодочке Мадунга. Да, видно, не рассчитал Скуратов свои силы. Так Мадунга его и не дождался...

Лизавета вскоре очнулась, и они, от греха подальше, отправились в Африку. Здесь бы им и жить в любви и согласии, да на беду пристрастился Мадунга к настоечке из тарига с ромашкой...

В коридоре слышались шаги и голоса. Я молниеносно бросила тетрадь в чемодан, закрыла крышку и погасила свет.

В дверной замок вставили ключ. Я беспомощно огляделась. Спрятаться было абсолютно некуда. Только под кровать.

Я легла на пол и с трудом втиснулась в узкое пространство между кроватью и полом. Если б я не была худенькой девочкой, мне бы это не удалось.

Дверь открылась. В комнате загорелся свет.

— Так что вы хотели сообщить? — спросил хриплый голос. — Говорите, здесь совершенно безопасно.

— Разрешите, я шторы задерну, — ответил второй голос. — Не выношу открытых окон.

Второй голос я узнала сразу. Он принадлежал Свинарскому, с которым мы несколько часов назад так мило расстались.

Хриплый голос тоже показался мне знакомым, но я никак не могла вспомнить, где же его раньше слышала...

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Я лежала под кроватью, боясь лишний раз вздохнуть. Трудно было представить себе ситуацию более нелепую, чем эта. Володька оказался прав — я влипла в историю. Да еще как влипла!

Главное, что пистолет остался в сумке.

По комнате прохаживались две пары ног. Около одной пары находилась черная трость.

— Сегодня в клуб приходил частный сыщик Микстуров, — сказал Свинарский. — Он откуда-то знает про обыск в доме у капитана. Задавал разные вопросы.

— Надеюсь, вы ничего лишнего не лягнули?

— Я же не дурак.

— Если бы вы были умный, Свинарский, — раздельно произнес незнакомец, — то сами бы пошли искать записи, а не послали двух идиотов.

— Виноват, — залезбил хозяин ночного клуба.

— Сядьте, — раздраженно приказал незнакомец. — Не мельтешите перед глазами.

Свинарский сел на кровать. И чуть не раздавил меня в лепешку.

— С Микстуровым была девчонка, — продолжал он. — Она сказала, что записи у нее.

Незнакомец громко рассмеялся.

— И вы поверили?! Нет у девчонки никаких записей.

— Может, и есть. Это же внучка капитана.

— Записи лежат в моем чемодане.

— В вашем чемодане?! — пораженно воскликнул хозяин клуба. — Но где вы их нашли? Мои ребята весь дом перерыли!

Я наострила уши.

Но вместо ответа незнакомец спросил:

— Вы слышали когда-нибудь о сокровищах Скуратова?

— Еще в детстве. Нас всем классом водили в краеведческий музей. И экскурсовод рассказывал о сундуке с золотом на дне озера... Чушь собачья.

Незнакомец остановился напротив кровати.

— Нет, не чушь, — сказал он. — Сокровища действительно существуют.

— Да чепуха! — Свинарский заерзал, переминая мне все косточки. — Моя компаньонка, мадам Ирэн, специально нанимала водолазов, чтобы те прочесали Богатое. Никакого сундука с золотом они не обнаружили.

— И вы ей тоже поверили?! Я гляжу, Свинарский, вы доверчивы как ребенок. Водолазы нашли сундук.

— Нашли?! — Хозяин клуба даже привстал на секунду. Воспользовавшись этим, я немного изменила положение тела.

— Успокойтесь. В сундуке не было никаких сокровищ. Они спрятаны в другом месте. И я могу сказать, в каком.

— Вы?..

— Да, я. Разумеется, не за просто так. А за одну пустяковую услугу.

— Убить кого-нибудь надо? — кисло спросил Свинарский.

Незнакомец снова громко рассмеялся.

— Зачем же так сразу — убить.

— Пустяковая услуга за сокровища?.. Такого не бывает.

— Для вас, Свинарский, пустяковая, — уточнил

незнакомец. — А для меня вовсе даже нет... Принесите мне то, что находится в сундуке.

Я, лежа под кроватью, задумалась. Из рассказа прекрасной Анаты было совершенно ясно, что в сундуке находятся обыкновенные камни. «Ну, спроси, спроси, — мысленно кричала я Свинарскому, — что находится в сундуке?!» Но, как видно, этому дураку такое даже в голову не пришло.

— Э-э, не пойдет, — нагло вато заявил он. — Я не собираюсь рисковать своей шкурой за бесплатно. У мадам Ирэн в подручных ходят два отчаянных головореза. Вы сначала скажите, где спрятаны сокровища.

Наступило долгое молчание. Видимо, незнакомец обдумывал слова Свинарского.

— Хорошо, — решил он, — скажу. Но заранее предупреждаю: вздумаете хитрить — получите пулю в лоб.

— За кого вы меня принимаете?! — деланно возмутился хозяин ночного клуба.

— За негодяя, — холодно ответил незнакомец.

— Хе-хе-хе, — захихикал Свинарский. — Шутить изволите.

Черная трость взметнулась вверх, со свистом рассекая воздух.

— Ай! — громко вскрикнул Свинарский.

«Так тебе и надо», — злорадно подумала я.

— Запомните, я никогда не шучу. И вам со мной шутить не советую. Давайте говорить начистоту. Я нахожусь здесь по заданию Хромого Макса. Знакомо вам это имя?

— Еще бы, — с испугом пробормотал хозяин ночного клуба. — «Крестный отец» американской наркомафии.

— Я смотрю, вы газет не читаете. Хромым Макс уже давным-давно своим наркотиком «Привет из Африки» завоевал европейские и азиатские

наркерынки. И теперь он некоронованный король мирового наркербизнеса.

«Это уж точно»,— вспомнила я сообщение по телику. Но что понадобилось некоронованному королю в сундуке Порфирия Дормидонтовича?..

— В общем, так, Свинарский,— деловито заговорил незнакомец.— Сокровища зарыты на кладбище. Завтра в три часа ночи я вам покажу, где именно. Возьмите с собой лопату. Вы получите ровно половину, если принесете мне содержимое сундука.

— А где стоит сундук?

— В магазине мадам Ирэн. Откроете красную дверь и увидите железную лестницу, ведущую вниз. Спуститесь в узкий коридорчик и найдете там желтую дверь. За ней снова будет железная лестница, но ведущая вверх. Подниметесь в грязный чулан и сразу наткнетесь на зеленую дверь, за которой и находится сундук.

— Откуда вам все это известно?

— Не вашего ума дело. И учтите, Свинарский, мадам Ирэн ничего не должна знать. Полнейшая тайна.

— Закурить можно? — спросил хозяин ночного клуба. По голосу чувствовалось, что он взволнован.

— Курите,— разрешил незнакомец.

Свинарский зашуршал пачкой сигарет. И вдруг уронил зажигалку.

Она упала на пол и отлетела под кровать. Прямо к моему носу. К счастью, из-за своего живота Свинарский не мог наклониться как следует. Он присел на корточки и начал шарить руками под кроватью. Волосатая пятерня двигалась прямо у моего лица. При желании я могла укунить его за палец.

Наконец мне в голову пришла спасительная мысль. Я носом подвинула зажигалку Свинарскому под руку.

Он распрямился. Я перевела дыхание. Некоторое время оба бандита молчали.

— Не буду вас больше беспокоить,— стал наконец прощаться хозяин ночного клуба.— До завтра.

— Не забудьте прихватить лопату,— напомнил незнакомец.

Хлопнула дверь. Свинарский ушел. Я немного расслабилась.

Незнакомец, постукивая черной тростью, прохаживался по комнате. Потом погасил свет, разделся и лег на кровать. Он оказался намного легче Свинарского.

Я подождала, когда его дыхание выровняется, и по-пластунски поползла к двери. Когда незнакомец начал храпеть, я тихонечко открыла дверь и выскользнула из номера.

А по коридору рванула как пуля из пистолета.

Я ЗАНИМАЮСЬ СОЧИНИТЕЛЬСТВОМ

Проснувшись на следующий день, я сразу вспомнила о сокровищах. Хотя я и в первый раз сталкивалась с настоящими сокровищами, но из кино и книг отлично знала: с золотом ни в коем случае нельзя тянуть время.

Сегодня сокровища есть, а завтра их нет. Вернее, они есть, но уже не у тебя.

Поэтому я быстренько вскочила с кровати, оделась и помчалась в хозяйственный магазин. Там я купила две лопаты. Штыковую и совковую. И еще три мешка, чтобы было куда пересыпать золото.

Затем я позвонила детективу Микстурову и сказала, что не смогу сегодня пойти с ним искать дедушкины записи. А заодно сообщила, что дом опечатан, но попасть в него можно через люк на чердаке.

Про сокровища я не обмолвилась ни единым словом. Еще чего!

Тринадцатый трамвай шел до самого кладбища. «Значит, так,— размышляла я по дороге,— бандиты появятся не раньше трех. Выходит, мне надо быть на кладбище, как только стемнеет».

Я быстро отыскала Лизаветину могилу. Директор музея и тут оказался прав — ангел с крестом смотрелся очень красиво.

Как бы невзначай я потыкала штыковой лопатой землю. Вроде не твердая.

Остаток дня я провела в парке культуры и отдыха. Каталась на каруселях, стреляла в тире, смотрела на свои уморительные отражения в комнате смеха.

Короче, убивала время как могла.

Единственно в «Страшной пещере» не побывала: она была закрыта. Но в последнее время в моей жизни и так страхов хватало, поэтому я не очень расстроилась.

Думала я исключительно о сокровищах. Уверена, вы меня поймете, если вам самим когда-нибудь посчастливится найти настоящие сокровища.

Еще я вспомнила вчерашний день.

Все-таки здорово получилось! За один раз я обнаружила снайперскую винтовку, дедушкины записи, а также подслушала важный разговор.

Вот и не верь после этого в чудеса!

Ближе к вечеру, посмотрев в кинотеатре дурацкий боевик, я отправилась на кладбище.

На улице уже совсем стемнело. Я ехала в тринадцатом трамвае совершенно одна.

— Приехали, — сказал водитель. — Конечная. Кладбище.

Я вышла и медленно побрела вдоль забора. Еще утром я заметила в заборе дырку, от которой до могилы Лизаветы рукой подать.

На небе появилась яркая луна, осветив своим желтым светом мрачные надгробия и кресты. Но мне некогда было бояться. Поплевав на ладони, я взялась за лопату.

И так увлеклась, что не обратила внимания на едва уловимый шорох... Но когда на плечо мне легла чья-то рука, ноги сами собой подкосились от страха. Представьте: в полночь, на кладбище, вам кто-то кладет на плечо холодную руку.

Перетрусила я основательно, чего уж тут скрывать.

— Попалась! — раздался торжествующий вопль. — А ну пошли в милицию!

Резко обернувшись, я увидела мужчину лет двадцати. И сразу успокоилась. Слава Богу, не мертвец.

— Ой, дяденька, — сказала я плаксивым голосом. — А вы кто?

— Черт в малиновом пальто! — орал он. — Местный сторож, понятно?!

И как это я упустила из виду, что на кладбище есть сторож?

Он больно схватил меня за ухо и поволок за собой. Ноги у него заплетались. Мужчина был пьяный.

Мы пришли в маленькую сторожку. На грязном столе стояла бутылка водки. Сторож сделал несколько жадных глотков.

— Дя-а-денька, — ныла я, — не вызывайте, пожалуйста, милицию. Я вам сейчас все объясню. Мы с бабушкой вдвоем живем. У нее пенсия маленькая. А кушать хочется.

— Так ты что, — он захохотал во все горло, — мертвецов жрешь?!

«Вот идиот-то», — подумала я.

— Нет, дяденька. Просто у нас дедушка умер. Капитан дальнего плавания.

— Знаю я твоего деда. — Сторож принялся

жевать соленый огурец.— Он в тельнике ходил, да?

— Да. И еще в плаще нараспашку. Зимой и летом. А когда его корабль стоял в Рио-де-Жанейро, дедушка украл черную жемчужину в городском музее.

— Во молоток! А охрана куда смотрела?

— Они не заметили.

— Во лопухи!..— развеселился сторож.— Выпить хочешь? — Он протянул мне бутылку.

— Спасибо, дяденька, я не пью.

— Какой я тебе дяденька,— обиделся он.— Меня Федькой звать.

Я украдкой глянула на часы. Было уже полвторого ночи. Надо срочно что-то предпринимать.. А, ладно, пускай этот Федька выкопает сокровища, а там разберемся.

Главное, чтобы золото не досталось бандитам.

— Я тут сутки через трое работаю,— разглагольствовал пьяный Федька.— А хочу найти такую работенку, чтоб день работать, а неделю отдыхать. Зачем надрывать свое молодое тело..

Сделав из бутылки очередной глоток, он закрыл глаза и, сидя за столом, уснул.

Этого мне еще не хватало!

Набрав ведро воды из-под крана, я вылила ее на Федькину голову. Он ошалело вскинулся.

— Ты кто? — спросил он, глядя пьяными глазами.

— Черт в малиновом пальто!

— Бр-р-р! — Федька закрутил мокрой головой, немного протрезвев.— Ну и чё там с этой жемчужиной?

— Дедушка зашил ее в подкладку своего морского кителя.

— Правильно,— одобрил сторож,— там ни одна собака не найдет.

— А потом умер,— продолжала я сочинять.— А мы с бабушкой его в этом ките и похоронили.

— Так это что ж получается,— сообразил Федька,— жемчужина в могиле?!

— Выходит, так.

Он возбужденно вскочил со стула.

— Тебя звать-то как?

— Даша.

— Вот что, Дашка, бери фонарь. Пошли раскопаем могилу. Только, чур, денежки от жемчужины пополам. Идет?

— Идет.

Мы вышли из сторожки и снова направились в глубь кладбища.

— Это ж сколько водки можно будет купить,— мечтал Федька по дороге.

— Давайте быстрее,— торопила я его.

Мы пришли на место, и Федька взялся за лопату. Он так рьяно копал, что скоро оказался по пояс в земле. Затем по грудь. А потом и вовсе скрылся.

Куча земли рядом с памятником росла прямо на глазах.

Наконец Федька вылез наверх. Пот лил с него ручьями.

— Ничего не понимаю,— тяжело дыша, сказал он.— Какая-то безразмерная могила получается. На такой глубине никогда и не хоронят. Где твой дед-то?!

Я посмотрела на часы. Полтретьего. Пора срочно уносить ноги.

— Где, где! — закричала я.— Что ты у меня спрашиваешь?! Кто здесь сторож, ты или я?!

— А-а,— растерянно открыл рот Федька.

— Бэ! — ответила я и быстренько слиняла с кладбища.

НОВОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Конечно, я не пошла через весь город в гостиницу, а залезла на чердак ближайшего дома и провела там остаток ночи.

В разбитое окно задувал ночной ветер. Прислонясь к холодной трубе, я предавалась горестным раздумьям.

«Какой облом,— думала я,— один-единственный раз в жизни выпал шанс найти сокровища, и тот оказался пролетным». Все остальное тоже было не лучше... Кинувшись сломя голову искать золото, я совсем упустила из виду разобранный винтовку в чемодане у незнакомца с черной тростью. Так вот кто в меня стрелял. Но зачем?.. И тут вдруг я неожиданно вспомнила, где слышала его хриплый голос.

На автоответчике!!!

Ну конечно же, это он звонил дедушке и предлагал обговорить интересное дело на теплоходе. Теперь становилось понятным, откуда у него записи. Скорее всего, он обманным путем выманил их у капитана Кэпа... Но тогда непонятно другое: к чему нанимать Свинарского для поиска этих записей? И тем более непонятно, для чего Кира подсыпала мне «Привет из Африки».

Да-а, одни загадки.

Скорей бы уж Володька прилетал, а то я тут одна совсем запутаюсь.

Решив больше не мучить себя вопросами, я уснула.

А утром проснулась злая и раздраженная. В особенности меня раздражал тринадцатый трамвай, на котором пришлось возвращаться в гостиницу.

«Был бы другой номер, все было бы по-другому,— хмуро думала я.— А теперь сиди как дура на жестком сиденье и кукуй без дедушки, без сокровищ и без лопат».

Вспомнив эти злополучные лопаты, я разозлилась еще сильнее. Ну надо же, блин, теперь мое золото досталось жирному Свинарскому и незнакомцу с черной тростью. Этим бандитам с большой дороги.

Где справедливость, я вас спрашиваю?! Нет ее!

— Твой билет, девочка,— раздался над ухом строгий голос.

Я чуть не разревелась от обиды. Мало того что я потеряла сокровища Скуратова, сейчас еще и оштрафуют за безбилетный проезд.

Я подняла голову. Рядом со мной стоял улыбающийся директор музея Курицын.

— Ага, испугалась,— довольно посмеивался он.— «Зайцем» едешь?

— Крокодилом,— ответила я не очень любезно.— А вы куда, в музей?

— Ну конечно. А ты куда?

— Просто так катаюсь.

— Вот и съездила бы посмотреть на памятник Лизавете. Это здесь, рядом.

— Да уж насмотрелась,— сумрачно вздохнула я.— Красивый ангелочек. Жалко, что у него нос отбит.

— Да, жалко,— согласился директор.— К сожалению, так неаккуратно перевезли.

— Куда перевезли?

— А я разве не рассказывал? — удивился Курицын и тут же с удовольствием стал рассказывать: — Раньше в Задонске два кладбища было. Старое и новое. В тридцатые годы на месте старого решили сделать парк культуры. А все памятники, представляющие историческую ценность, перевезли на новое.

Меня прямо в жар бросило от этих слов.

— Вы хотите сказать, что под старинными надгробиями ничего нет?!

— Совершенно верно, дитя мое,— подтвердил директор.— Прах умерших трогать не стали. Это же были захоронения начала прошлого века.

Вот это да! Выходит, когда я каталась на каруселях, сокровища были совсем рядом.

— Лев Николаевич,— с надеждой спросила я,— а вы случайно не знаете, где в парке находится могила Лизаветы?

— Конечно, знаю! — гордо ответил Курицын.— Я же все-таки директор краеведческого музея! У нас в фонде хранился подробный план старого кладбища.

Сердце мое тревожно колотилось.

— Хранился?!. Значит, сейчас его нет?..

— Увы, дитя мое. План сгорел во время пожара.

Опять двадцать пять!.. Я с досадой уставилась в окно.

— Но я тебе и без плана могу сказать,— продолжал Курицын.— Как в ворота войдешь, сразу налево. Буквально в двух шагах.

— А где были ворота? — снова загорелась я.

— Там, где сейчас вход в парк. Чугунные ворота оставили на прежнем месте. Их отливал известный литейщик восемнадцатого века по имени...

Но я уже не слушала разговорчивого старика. Вскочив со своего места, я побежала к выходу.

— Куда же ты, дитя мое? — растерянно закричал он.

— До свидания,— махнула я рукой.— Моя остановка.

И, соскочив с подножки трамвая, понеслась в хозяйственный магазин.

Продавщица была та же, что и вчера.

— Дайте мне, пожалуйста, две лопаты,— торопливо сказала я.— И еще три мешка. Покрепче.

Она посмотрела на меня недоуменным взглядом.

— Девочка, ты же вчера покупала две лопаты и три мешка. Зачем тебе столько?

— Сокровища иду искать,— сказала я правду.

— Ха-ха-ха,— рассмеялась продавщица.— Тогда желаю удачи.

— Спасибо!

Я снова побежала на остановку.

Тут же подошел тринадцатый трамвай. Но, наученная горьким опытом, я пропустила его и села в следующий. Под номером семь!

На этот раз мне должно было повезти.

Правда, имелся один маленький нюанс. А вдруг незнакомец с черной тростью знает, что могила находится в парке? Недаром же он так легко согласился сообщить Свинарскому, где спрятаны сокровища. С другой стороны, откуда он, приезжий, может об этом знать?.. А в дедушкиных записях

только сказано — сокровища в склепе! И все!

Спрыгнув с подножки трамвая, я помчалась в парк. Ситуация складывалась просто великолепная: ни тебе бандитов, ни тебе сторожей.

Дождись ночи и спокойненько выкапывай золото.

Я подлетела к старинным воротам с узорчатой решеткой и, войдя в них, свернула налево. Обе лопаты, штыковая и совковая, выпали из моих рук.

Нет, никогда человеку, родившемуся тринадцатого числа, не будет в жизни счастья.

Прямо на том самом месте, где, по словам Курицына, должен был находиться склеп Лизаветы, стоял небольшой дом. Я медленно подошла к нему и прочла вывеску над входной дверью: «Маленький магазинчик ужасов».

МАГАЗИНЧИК МАДАМ ИРЭН

Открыв дверь, я вошла. И остолбенела... Я словно бы опять попала в свой наркотический бред. Горели свечи. На полу стоял гроб. С потолка свешивались веревки с петлями на концах.

Сомнений быть не могло — это магазинчик «В добрый путь». Вот круглый стол, за которым господин Шульц и глухонемой Алики играли в карты. А вот здесь стояла Кира без головы...

Что все это значит?..

Может, у меня снова начинаются глюки?.. Я больно ущипнула себя за руку. Ничего не исчезло. Больше того — слышались легкие шаги, и в са лоне появилась стройная женщина. Волосы у не были выкрашены в зеленый цвет, а длинные ногт на пальцах покрыты черным лаком.

Настоящая ведьма.

— Ужасами интересуешься, зайчик? — улыба лась она. Но глаза при этом оставались холод ными.

Я решила на всякий случай прикинуться дурочкой.

— Да нет, тетенька, просто на каруселях в парке каталась. И вот случайно зашла.

Женщина продолжала фальшиво улыбаться.

— Раз зашла, зайчик; давай я тебе покажу свой магазин.

«По-видимому, это и есть мадам Ирэн», — поняла я.

Она взяла меня за плечо и подвела к гробу.

— Вот гроб со всеми удобствами. Видишь, какой он просторный. Не хочешь полежать?

— Спасибо, тетенька, не хочется.

— Напрасно, зайчик. В нем очень удобно. Здесь имеются телефон, кондиционер, электрический свет, холодильник, телевизор...

— А зачем? — удивилась я.

— Это гроб для богатых людей, зайчик, — объяснила мадам Ирэн. — А у богатых свои причуды.

Она повела меня дальше. Теперь мы остановились у витрины с уродливыми масками.

— Может, желаешь купить себе маску? И как-нибудь ночью напугать бабушку или папу.

— А зачем? — снова не поняла я.

— Им бы очень понравилось. Всем людям нравится, когда страшно.

«Может быть, кому-то и нравится, — подумала я, — но далеко не всем. Во всяком случае, моему папочке это вряд ли понравится».

— Моему папочке это вряд ли понравится, — вслух сказала я. — Вот разве что дедушке.

— А кто твой дедушка? — спросила мадам Ирэн.

— Капитан дальнего плавания.

— А, тот старик, который все время ходит в морской фуражке?

— Ага, — кивнула я. — И с трубкой в зубах.

Мадам Ирэн пристально смотрела мне в глаза.

— Кажется, он куда-то исчез,— произнесла она напряженным голосом.

— Исчез?.. Первый раз слышу,— беспечно ответила я.— Капитан Кэп сейчас дома. Готовит себе на обед макароны по-флотски.

— Ты в этом уверена, зайчик?!

Я быстро шагнула к другой витрине.

— А здесь у вас что?

— Искусственные мухи и пауки. Для того чтобы подбрасывать их гостям в суп. Правда, смешно?!

Мне стало так противно, что я даже закашлялась.

— Подавилась, зайчик? — Она заботливо хлопала меня по спине.— Хочешь, я тебе кипяченого молочка принесу?

Кашель мой мгновенно пропал.

— Нет, нет,— поспешно отказалась я.— Благодарю покорно.

Мадам Ирэн закурила тонкую сигарету.

— А вот тут,— показала она черным ногтем на следующую витрину,— хранится самое ценное. Чудодейственные травы и цветы. Я их собирала в Африке.

— Вы были в Африке?

— Да, зайчик, была. Я занималась там черной магией.— Она открыла витрину и достала засохший цветок.— Вот, например, цветочек тарига. Ты знаешь, для чего он служит?

— Н-нет...— Голос у меня дрогнул.— А для чего?

— С помощью тарига можно так усыпить человека, что будет казаться, будто он мертвый.

Она коснулась желтым цветком моих губ. Я невольно попятилась.

В это время открылась небольшая дверца в стене, и в салон вошел... господин Шульц.

Чертовщина прямо какая-то.

— Мадам Ирэн,— сказал он,— вас к телефону. Они оба исчезли за дверью.

«Так, Эмка,— сказала я себе,— сохраняй спокойствие. Если у тебя опять начались глюки, то ты скоро проснешься. А если это реальность — то надо срочно в этом убедиться».

Но как?..

И тут я поняла — как. Очень даже просто.

Незнакомец с черной тростью подробно объяснил Свинарскому, где спрятан сундук. Надо найти его — тогда все окажется реальностью.

А, будь что будет!.. Я уверенно открыла красную дверь. И сразу увидела железную лестницу, ведущую вниз. Все как говорил незнакомец. Спустившись по крутым ступенькам, я побежала узким коридором. Желтая дверь!.. Вот она!.. За ней началась железная лестница, ведущая вверх. Не раздумывая ни секунды, я стала карабкаться по еще более крутым ступенькам. Позади слышались топот и голоса. Отступать некуда. «Полный вперед!» — как любит повторять капитан Кэп.

Я влезла в грязный чулан, забитый разным хламом, и наткнулась на зеленую дверь. Толкнула ее плечом. Закрыто. Ударила ногой в замок. Дверь распахнулась.

Посредине пустой комнаты стоял старинный сундук.

Наконец-то мне все стало ясно.

Никакого «Привета из Африки» я не принимала, и никаких галлюцинаций у меня не было. А был лишь искусно разыгранный спектакль. С какой целью его разыграли — еще предстояло выяснить.

А пока что я подскочила к сундуку, ухватилась за ржавые ручки и с трудом откинула здоровенную крышку. И тут же завопила от ужаса.

В сундуке лежал человеческий скелет.

«ХВАТИТ ВРАТЬ, ЭММА МУХИНА»

В комнату ворвались мадам Ирэн и господин Шульц. Они тяжело дышали. Я уже взяла себя в руки, но сделала вид, что сильно испугана.

— Ой, тетенька,— принялась нести я всякую чушь,— я хотела домой идти и перепутала двери. А потом слышу — чьи-то шаги. Мне так страшно стало, я решила спрятаться в сундук. А там... а там...

Я горько заплакала.

Мадам Ирэн смотрела на меня с иронической усмешкой.

— Считай, зайчик, что мы тебе поверили,— сказала она.— А теперь расскажи правду.

— Это правда, тетенька,— размазывала я слезы по щекам.

— Хватит врать, Эмма Мухина! — гаркнул господин Шульц.

— Вы ошибаетесь. Я не Эмма, а Маша.

— А может быть, Глаша? — насмешливо спросила мадам Ирэн.

— Где твой дед? — резко сказал господин Шульц.

— Не знаю,— совершенно искренне ответила я.

— Не хочешь говорить,— покачал он головой.— Ну ничего, сейчас я развяжу тебе язык.— Господин Шульц достал из кармана маленькую брошюрку под названием «Техника пыток».— Та-ак, поглядим, с чего начать...

Мадам Ирэн снова закурила тонкую сигарету.

— Мне кажется, девчонка не врет,— сказала она.— Иначе зачем ей писать заявление следователю Емелину.

«Откуда ей известно про заявление?..» — подумала я.

— Зайчик, — дружески улыбнулась мадам

Ирэн,— ты приехала сюда, чтобы найти своего дедушку. Не так ли?

— Предположим.

— Мы тоже хотим его найти. Давай искать вместе.

— А зачем он вам нужен? — прямо спросила я. — Хотите узнать, где спрятаны сокровища?

— Сокровищ не существует! — Она раздраженно дернула плечами. — Это все миф! В сундуке оказались не сокровища, а Скуратов.

Скуратов?! Я тотчас заглянула в открытый сундук. Действительно, у скелета была одна нога. Ничего не понимаю. А как же рассказ прекрасной Анаты?..

— Если сокровищ нет, — сказала я, — то что вам надо от моего дедушки?

— Записи! — коротко бросила мадам Ирэн.

И этой нужны записи. Что ж такого особенного в них содержится?..

Я украдкой глянула на господина Шульца. Он стоял в расслабленной позе. Сейчас или никогда!.. Наклонившись, я кинулась вперед и с разбегу ударила его головой в солнечное сплетение. Господин Шульц рухнул на пол.

Я выхватила из кармана пистолет.

Мадам Ирэн попятилась к двери. Лицо ее побледнело.

— Зайчик, — зашептала она дрожащими губами, — не вздумай, зайчик...

— А ну говорите, зачем вам дедушкины записи?!

На ее губах вновь появилась змеиная улыбка.

— А это видела? — Она показала мне фигу.

В ту же секунду из потайной двери возник глухонемой Алик и, навалившись на меня своей тушей, связал руки веревкой.

Все было кончено. Я проиграла.

С пола, крихтя и охая, поднялся господин Шульц.

— Мадам Ирэн,— злобно сказал он,— давайте-ка ее уьем!

— О нет,— мадам Ирэн наморщила носик,— зачем же так грубо, Шульц?..

«Видимо, эта змея придумала что-то покруче»,— решила я и не ошиблась.

— Убить ее мы всегда успеем,— продолжала мадам Ирэн.— Лучше спрячем девчонку в наш гроб. Я уверена, капитан Кэп сразу объявится, как только узнает, что его внучка в опасности. И мы обменяем ее на записи.

— Отлично придумано, мадам!— захлопал в ладоши господин Шульц.— Никому и в голову не придет искать девчонку под землей. А сколько она там сможет пробыть?

— Да хоть всю жизнь. Специальный компьютер, установленный в гробу, регулирует содержание кислорода в воздухе.— Мадам Ирэн подошла ко мне.— Но имей в виду, зайчик, если твой дед не объявится, я отключу компьютер.

...Ближе к ночи, несмотря на все мое сопротивление, меня засунули в гроб для богатых.

— Забери свою игрушку, зайчик.— Мадам Ирэн кинула мне дедушкин пистолет, предварительно вынув из него обойму.— Несите ее, ребята.

«Ребята» только того и ждали. Тут же захлопнули крышку гроба и понесли. Я посмотрела в маленькое окошко. Надо мной висело черное небо. Ни луны, ни звездочек.

Сверху посыпались комья земли. Небо исчезло.

ГРОБ СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

В первый момент я так испугалась, что лежала в темном гробу ни жива ни мертва от страха.

Но потом постепенно успокоилась, включила свет, огляделась... Гроб и в самом деле оказался очень удобным. В нем даже сидеть было можно,

правда, слегка согнувшись. В маленьком холодильнике я обнаружила копченую корейку, творог с изюмом, пакет яблочного сока. С утра я ничего не ела, поэтому с жадностью набросилась на еду.

Настроение мое сразу улучшилось. Даже как-то уютно стало. Я представила себе, что нахожусь не в гробу, а на подводной лодке. Путешествую где-нибудь по дну Тихого океана.

Я опять улеглась на мягкий коврик и включила телевизор. Передавали последние известия:

«Международная уголовная полиция продолжает усиленные поиски неуловимого Хромого Макса. По данным, полученным Интерполом из достоверных источников, след Хромого Макса ведет в Россию. Что понадобилось главному мафиози мира в нашей стране, пока остается загадкой...»

Я переключила на другой канал. Здесь все та же девчонка беззаботно прыгала по сцене и напевала:

Дача, кляча, ча-ча-ча...

Бедные мои мамочка с папочкой, сидят сейчас, наверное, на своей даче, любятися подрастающими помидорами, а того и не подозревают, что их единственная дочка лежит в гробу.

Зазвонил телефон. Я сняла трубку.

— Мухина? — спросила трубка голосом господина Шульца.

— Ну а кто же еще?

— Живая пока?

— Да вроде живая, — ответила я.

— Вроде... — захохотал господин Шульц. — А может, уже нет?

Я бросила трубку. Дурак набитый! Ну погоди, дай мне только отсюда выбраться... На всякий случай я набрала домашний номер Микстурова.

— Частный детектив Микстуров слушает, — раздался насмешливый голос мадам Ирэн. — Я гля-

жу, зайчик, ты нас совсем за идиотов принимаешь. Думаешь, мы тебе городской телефон поставили?!

Я опять бросила трубку. Вот так попала в жир ногами.

Сверху послышался какой-то шорох. Я замерла. Шорох повторился. Я быстро вырубил свет и телик. Теперь шорох не прекращался ни на минуту. Кто-то копал землю. Не скажу, что это меня очень обрадовало. Может, мадам Ирэн пришла в голову очередная гадость, похлеще первой. Я бы этому нисколько не удивилась.

Затаив дыхание, я смотрела в окошко. Земля начинала понемногу шевелиться. Снова показалось темное небо. Невысокий человек энергично счищал с гроба остатки земли.

Я как следует пригляделась...

Володька!!!!..

Да! да! это был Володька Воробьев! Мой милый Воробей, который прилетел из далекой Аргентины, чтобы спасти мне жизнь! Ай да Володька, ну молодец!..

От бурной радости, охватившей меня, я даже решила подшутить над ним. Понимаю, что это звучит глупо, но так оно и было. Когда Володька открыл крышку гроба, я басом сказала:

— Ха-ха-ха. Я мертвец.

И протянула к нему скрюченные пальцы.

Володька испуганно вскрикнул и — хлоп! — упал в обморок.

Вот так пошутила.

Я кинулась приводить его в чувство, проклиная свой дурацкий характер.

— Володька, очнись!.. Володька!..

Наконец он открыл глаза.

— Мухина, — спросил он слабым голосом, — ты живая?

— Живая, Володька, живая. Я просто пошутила.

— Пошутила?!! — Он вскочил на ноги. — Я как угорелый несусь из Аргентины! Думаю, что с ней случилось?! А она пошутила!..

— Володька, послушай...

— Да я тебе сейчас как дам по роже! Пошутила! У тебя, Мухина, вместо головы кочан капусты!

— Володька, — виновато вздохнула я, — прости, пожалуйста.

— Ни за что!

— А хочешь, я тебя поцелую?

Он мигом успокоился.

— Хочу.

Я поцеловала его в щечку.

— Ладно, Мухина, — он расцвел словно майская роза, — на первый раз прощаю.

Мы забросали гроб землей, разровняли все как было и побежали вон из парка. Пусть теперь господин Шульц названивает сколько угодно.

— Слушай, Володька, — спросила я, — а как ты догадался, что меня закопали?

— Ты же сама по телефону предупредила — будь осторожен. Поэтому когда я приехал, то решил сразу с тобой не встречаться. А разведать обстановку. Подхожу к гостинице, смотрю — а ты на трамвайной остановке стоишь.

— И ты поехал за мной, — догадалась я.

— Да. Во втором вагоне. Потом шел за тобой до самого парка. Видел, как ты оставила лопаты у стены и вошла в магазин. Я стал ждать. Тебя нет и нет. Наступила ночь. Я уже хотел в магазин через окно лезть. Но тут из дверей два типа выносят здоровенный гроб. Я сразу понял, что ты в этом гробу.

— А как ты понял?

— Очень просто. Зачем им посреди ночи тащить пустой гроб?

— Точно! А откуда ты узнал, что я там живая?

— Это и дураку ясно. Кто ж тебя, Мухина, в такой роскошный гроб мертвую положит. Я схватил твои лопаты и, когда эти типы ушли, стал копать. Торопился. Боялся, как бы ты там не задохнулась. А ты шутки шутишь...

— Да ладно, Володька, ты просто в черный юмор не въезжаешь.

— Зато я тебя от смерти спас! — гордо ответил он.

— Тронута, сдвинута, опрокинута. Может, теперь из благодарности за тебя замуж выйти?!

— Лично я жениться не собираюсь, — пренебрежительно хмыкнул Володька. — У меня другие планы. Как только окончу школу, сразу же стану композитором. Буду писать гениальную музыку и исполнять ее на скрипке.

— А я стану путешественницей, — увлеченно заговорила я. — Как бабушка. Весь земной шар обойду. Сначала вдоль, а затем поперек...

— Ладно, Мухина, — перебил Володька, — хватит мечтать. Лучше расскажи, что за таинственные дела здесь творятся.

Мы сели на скамейку.

— Ну, слушай, Володька... — начала я.

СНОВА ВМЕСТЕ

...И я подробно рассказала о зашифрованной открытке и двух бандитах; о поварихе Ирке Пыжиковой и боцмане Кошкине; о прекрасной Анате и цветочке тарига; о следователе Емелине и снайперской винтовке; о господине Шульце и его фокусе-покусе...

Короче говоря, все рассказала.

У меня даже язык устал, так долго и много я говорила.

Когда я закончила, уже почти рассвело. Мы встали со скамейки и не спеша побрели в гости-

ницу. Вскоре нас догнал первый троллейбус, и мы поехали.

За стеклянной перегородкой сидела все та же Кира. Глаза у нее странно поблескивали.

— Познакомьтесь, Кира,— сказала я,— мой старший брат. Приехал ночным поездом.

— Владимир Мухин,— представился Володька.— У вас свободные места есть?

— Для брата Эммы Мухиной у нас все есть! — бодро ответила Кира и протянула ему чистый формуляр.— Заполняй, мальчишечка!

Володька принялся заполнять.

— Кира,— как бы между прочим спросила я,— а кто живет в тринадцатом номере?

Дежурная залилась звонким смехом.

— Ой, держите меня,— хваталась она руками за живот,— у него такая смешная фамилия. Шеври... ха-ха... Шеврикукин...

— А откуда он?

— Бизнесмен из Москвы. Ха-ха-ха...

Я решила подождать, пока Кира успокоится. Но она все хохотала и хохотала.

— Кира,— так и не дождалась я,— а он что — хромой?!

От этих слов дежурная закатилась пуще прежнего.

— Ой, не могу, ха-ха-ха...

— Странная какая-то женщина,— заметил Володька, когда мы поднимались по лестнице.

— По-моему, она с приветом,— сказала я.

— С «Приветом из Африки»,— в шутку добавил он.

Мы тоже посмеялись и разошлись по своим номерам, чтобы как следует отоспаться. А ровно в полдень Володька постучал в мою дверь.

Я встала, оделась, заправила кровать и открыла.

Володька тут же плюхнулся на аккуратно заправленное одеяло.

— Воробей! — возмутилась я.

— Ты же знаешь, Мухина, я люблю думать лежа. — Он заложил руки за голову. — Итак, давай рассуждать логически.

— Давай.

И мы принялись рассуждать.

— Пока нам совершенно ясно вот что: капитан Кэп куда-то исчез. А в тебя стреляли из снайперской винтовки. Ты — девчонка и можешь не знать такую вещь: из винтовки с лазерным прицелом невозможно промахнуться.

— Ой, точно! Я же знала об этом, но забыла!

— Выходит, — продолжал Володька, — тебя не хотели убивать. А хотели таким способом предупредить.

— О чем предупредить?

— О грозящей опасности.

— Бандит с черной тростью хотел предупредить?!. Здорово ты, Володька, рассуждаешь!

— Мухина, я уже сто раз говорил: спешу медленно. С чего ты взяла, что он бандит?

— А кто же еще, если у него оказались дедушкины записи?

— Подожди, подожди, — остановил меня Володька. — Дай подумать. Не надо валить все в одну кучу. Значит, так. В твоём рассказе все время выплывают две вещи: наркотики и сокровища.

— Не наркотики, а наркотик. «Привет из Африки».

— А ты уверена, что тебе совсем не подсыпали наркотиков?

— Нет, не уверена, — подумав, ответила я, вспомнив свое болезненное состояние в тот день. — Конечно, они чего-то подсыпали в молоко. Иначе бы я сразу поняла, что голову отрубили манекену, а не Кире.

— Вот именно, Мухина! — Володька даже с подушки приподнялся. — Они подсунули тебе один

наркотик, а разыграли все так, словно дали другой. «Привет из Африки». Спрашивается — зачем?..

— Слушай, Володька, а что это за «Привет из Африки»?

— Да я и сам толком не знаю. Мне наш посол в Аргентине про него рассказывал. Этот наркотик появился несколько лет назад. Вызывает сильные галлюцинации. То есть тебе кажется, будто ты главный герой захватывающего приключенческого фильма...

Он неожиданно вскочил с кровати и бросился к двери. Резко рванул ее на себя.

— Ты чего?.. — спросила я.

— Странно. Мне показалось, нас подслушивают.

Володька снова улегся на кровать.

— Самое интересное, — продолжил он, — что ученые никак не могут раскрыть рецепт «Привета из Африки». А Хромой Макс все держит в большой тайне.

— В последнее время он куда-то пропал.

— Кто?.. Хромой Макс?!

— Нет. «Привет из Африки».

— Верно, — кивнул Володька. — Посол считает, что Хромой Макс сам не знает рецепт наркотика, а просто нашел его запасы где-то в Африке. А сейчас эти запасы кончились.

— Слушай, Воробей! — Мне в голову пришла мысль. — А может, этот «Привет» делается из человеческих костей?! Тогда понятно, зачем незнакомцу с черной тростью понадобился скелет Скуратова!

Володька посмотрел на меня как на чокнутую.

— Мухина, умный человек тоже имеет глупые мысли. Но он никогда не высказывает их вслух. Я обиженно надула губы.

— Подумаешь, умный выискался.

— Не обижайся, Мухина. Просто у тебя от

всех этих дел уже крыша едет. А у меня голова еще свежая. Мне со стороны виднее.

— Ну и чего тебе виднее? — скептически спросила я.

— А то и виднее. Не надо смешивать сокровища и наркотики. Как говорится: суп отдельно, мухи отдельно...

— Хорошо, — запальчиво согласилась я, — давай поговорим о мухах... э-э... о сокровищах.

Володька кивнул на дверь и зашептал:

— Надо пробраться в склеп и...

— Замечательно! — перебила я его в полный голос. — Ты что, полезешь в магазин мадам Ирэн и будешь разбирать полы?!

— Тс-с-с! — Он сделал свирепое лицо. — Не ори!

— Да кто нас подслушивает?! — Я выглянула в пустой коридор. — Никого нет.

— Зачем лезть в магазин? — все равно шептал Володька. — Ты же говорила: Скуратов приказал прорыть к склепу подземный ход.

— Ты хочешь сказать... — начала я.

— Тихо! — погрозил он пальцем.

— Ты хочешь сказать, — перешла я на шепот, — что надо пойти в музей и найти этот ход?

— Естественно, Мухина.

— Ну, не знаю. — Я с сомнением покачала головой.

— Зато я знаю. — Он встал с кровати. — Пошли.

И мы пошли в краеведческий музей.

«СТРАШНАЯ ПЕЩЕРА»

— Здравствуйте, Лев Николаевич, — сказала я Курицыну, когда мы пришли. — Вот, решила еще раз посетить ваш музей.

— Похвально, дитя мое, похвально. — Он по-

глаживал свою пышную бороду.— А кто этот молодой человек?

— Скрипач Воробьев. Любимый ученик Паганини.

— Мухина,— Володька толкнул меня локтем,— хватит молоть чуш.

— Тоже интересуешься историей нашего края?

— Очень интересуюсь,— подтвердил Володька.— Особенно пещерами и склепами.

— Да, наш край богат всевозможными пещерами. В одних только горах у озера их более двадцати. А во времена Ивана Грозного...

— Лев Николаевич,— перебила я,— а подземными ходами наш край не богат?

— Своевременный вопрос, дитя мое,— оживился директор.— Не далее как вчера я случайно обнаружил в музее подземный ход.

Мы с Володькой так рты и разинули.

— Не верите, молодые люди? — хитро улыбался Курицын.— А зря. Помнишь, дитя мое, я рассказывал, что в этом доме когда-то располагалась усадьба помещика Скуратова? Так вот, он приказал к склепу своей жены прорыть подземный ход.

— И... что?..— с придыханием пролепетала я.

— Поначалу я считал это такой же легендой, как и история о сокровищах. Ан нет. Разбираю вчера в подвале всякую рухлядь, смотрю — одна плита на полу неплотно прилегает...

— И вы... полезли?..— хрипло спросил Володька.

— Стар я, молодой человек, на карачках-то ползать. Надо археологов из центра приглашать. А у музея денег нет.

— Давайте мы сползаем,— живо предложила я.

— За бесплатно,— добавил Володька.

Директор даже прослезился.

— Друзья мои,—с чувством произнес он,—какие же вы молодцы! А не испугаетесь?

Мы стали наперебой уверять его, что не испугаемся.

Курицын подошел к книжной полке и вытащил толстый том.

— Вот,—он с гордостью протянул книгу Володьке,—хочу вам сделать подарок. Это исторические очерки о нашем крае. Здесь и моя статейка имеется.

— Тогда подпишите.—Володька вернул «кирпич» директору.

Курицын с удовольствием сделал на первой странице надпись и громко ее прочел: «Юным археологам! Любите и изучайте историю родного края. Директор краеведческого музея Лев Курицын».

— Пожалуйста.— На сей раз он протянул книгу мне.— Читай, дитя мое. Весьма поучительный труд.

Весил этот поучительный труд не меньше килограмма.

— Значит, сегодня ночью мы и полезем,— бойко объявил Володька.

— А почему ночью? — не понял директор.

Володька замялся.

— Нам так интересней,— нашлась я, но, когда мы вышли из музея, тоже спросила: — А почему ночью?

— Безопаснее,— разъяснил Володька.— Вдруг мадам Ирэн знает о склепе. Хочешь с ней нос к носу столкнуться?!

— Ты прямо человек-компьютер, Володька,— уважительно произнесла я.— Все предусмотритишь.

— А ты, Мухина, юмористка-самоучка. Зачем брякнула директору, что я любимый ученик Паганини?!

— Разве не так? — захихикала я.— Вон, даже в Аргентину с концертами ездил.

— Кстати об Аргентине,— вспомнил он.— Там такой прикол получился. Я же должен был выступать. Поэтому на другой день после твоего звонка в шутку говорю директору концертного зала «Эльдорадо»: «Вы знаете, мне приснился странный сон, будто под «Эльдорадо» произошло землетрясение». Так этот чудака тут же отменил все выступления и приказал готовить здание к эвакуации. А я спокойненько улетел в Москву...

Мы проходили мимо трамвайной остановки.

— Володька,— предложила я,— поехали в парке на каруселях покатаемся. Знаешь, как здорово!

— А мадам Ирэн?!. Давно, Мухина, в гробу не лежала?

— Аттракционы находятся с другой стороны. И там всегда полно народу.

— Тогда поехали.

В парке действительно было полно народу. Играла громкая музыка. Мы прокатились на всех каруселях, съели по три мороженных и подошли к «Страшной пещере». На этот раз она работала.

— Ой, Володька,— я дернула его за рукав,— давай посмотрим. Мне так нравится, когда от страха душа в пятки уходит.

Взяв у кассирши билеты, мы сели в двухместную тележку и покатали к чернеющему входу.

Внутри пещеры горел синий свет. В углах сидели чучела стервятников. На картонных плакатах были нарисованы скелеты.

— Да-а,— разочарованно протянула я,— фигия на постном масле.

Из-за поворота показался монстр-великан с кровавыми глазами и мохнатым телом. Но и он тоже был не страшный.

— Наверное, пещера рассчитана на малышня,— предположил Володька.

Тележка, постукивая на стыках, катилась по рельсам. Монстр-великан остался позади. Вместо него появилась женщина в черном трико и маске «домино».

— Это уже поинтересней,— обрадовалась я.

Женщина достала из сумки два больших ножа.

— А, знаю,— сказал Володька.— Я по телику видел. Сейчас она начнет в нас ножи кидать. Вернее, нам так будет казаться.

Размахнувшись, женщина с силой бросила первый нож.

Чисто инстинктивно я вскинула руки с «кирпичом» Курицына. Острое лезвие вошло в книгу по самую рукоятку.

«Ничего себе»,— подумала я.

Женщина снова размахнулась и бросила второй нож. Он просвистел рядом с моей щекой. Даже ветерком повеяло.

И тут до меня дошло: она кидала ножи по-настоящему.

Тележка продолжала двигаться. С каждой секундой мы приближались к зловещей фигуре в маске. Я принялась лихорадочно вытаскивать нож из книги. Он плотно застрял и не вытаскивался.

— Володька,— закричала я,— помогай!

Теперь я двумя руками держала книгу, а Володька, тоже двумя руками, дергал рукоятку ножа.

Женщина тем временем достала из сумки короткоствольный автомат. Расстояние между нами стремительно уменьшалось.

Володька выдернул нож из книги.

— Кидай! — завопила я. — Кидай!..

Володька размахнулся и кинул. Лезвие сверкнуло в воздухе. Женщина вскрикнула. Нож угодил ей в правое плечо.

Наша тележка выкатилась из пещеры.

На улице светило солнце. Крутились карусели. Гремела веселая музыка. Я взглянула на Володьку. Он был бледный-пребледный. Думаю, и я выглядела не лучше.

— Испугались, ребятки? — посмеивалась кассирша.

— Странный у вас номер. — Я еле ворочала пересохшим языком.

— Это который, милая?

— С ножами,— просипел Володька.

— Отродясь у нас ножей не было.

Мы, не сговариваясь, посмотрели друг на друга.

— Все ясно, Мухина,— сказал Володька,— тебя снова пытались убить.

— Ой, Володечка,— испуганно произнесла я,— у меня от страха прямо душа в пятки ушла.

— Тебе же это нравится,— ответил он.

ЗАСАДА

Нечего и говорить, что весь остаток дня мы бурно обсуждали происшествие в пещере.

— Это все дело рук мадам Ирэн! — уверенно заявила я.

— Нелогично получается, — спорил Володька. — Если она хотела тебя убить, почему сразу не убила?!

— Ты ее просто не видел. А я видела. У нее планы как погода меняются...

В общем, мы так ни до чего и не договорились.

Директор Курицын ждал нас в музее.

— Вот, молодые люди, — он протянул нам два старинных фонаря, — для вас приготовил.

Мы спустились в подвал и с трудом отодвинули тяжелую плиту. Перед нами открылся подземный ход.

Включив фонари, мы полезли в темную дыру.

— Счастливого пути, — крикнул вслед Курицын. — Будьте осторожны.

Ход был узкий и низкий. Приходилось буквально ползти на четвереньках.

— Вот скупердяй Скуратов, — ворчала я под нос, — не мог побольше проход сделать.

Володька резко остановился. Я, естественно, тоже.

— Мухина, — прошептал он, — впереди горит свет.

— Какой еще свет?

— Электрический.

— Ой, мамочка, — испугалась я, — Может, это мертвая Лизавета светится?!

— Мухина, ты что, сбрендила? При чем тут Лизавета? Сама же сказала: она с Мадунгой в Африку уехала.

— Ах, да, — вспомнила я.

— Ладно, лезем дальше.

Мы полезли.

Теперь уже и я видела впереди неясный свет. Володька уткнулся в глухую стену. Дальше хода не было. Над нами находились две плиты.

— Склеп, — тихо сказал Володька.

Сдвинув одну из плит в сторону, мы вылезли наверх.

Склеп был какой-то странный.

На потолке висела люстра с тремя горящими лампочками. Вместо гроба стоял широкий стол, уставленный различными колбами, мензурками и стеклянными банками. На полу, у стола, находилась коробка, доверху набитая белыми таблетками.

Володька взял из коробки одну таблетку и лизнул.

— Либитум, — со знанием дела произнес он.

— Какой еще либитум?

— Наркотик такой есть.

— А ты откуда знаешь? — изумилась я.

— Наш посол в Аргентине рассказывал.

— Он что, наркоман?

— Не наркоман, а крупный специалист по наркотикам, — уточнил Володька.

Я с недоумением озиралась.

— Ничего не понимаю. По виду напоминает склеп.

— Склеп и есть, — подтвердил Володька. — Только мадам Ирэн приспособила его под лабораторию для изготовления либитума.

— А где же сокровища? — уныло спросила я. — Может, мадам Ирэн их перепрятала?

— Как же, — фыркнул Володька, — стала бы она жить в задрипанном Задонске, если б нашла сокровища. Скорее всего, прав твой Курицын. Нет никаких сокровищ.

— Опять пролет мимо кассы.— Я подкинула на ладони таблетку.— Что будем делать?..

Володька не успел ответить. В потолке внезапно распахнулся люк, и в образовавшееся отверстие просунулся ствол автомата.

— Не двигаться! — раздался грозный приказ.— Руки вверх!

В склеп спрыгнули два милиционера. Одного из них я узнала. Это был сержант Петраченко.

Нас быстро обыскали. Петраченко вытащил из моего кармана дедушкин пистолет.

— Ага,— воскликнул он,— вооруженное ограбление!

— Пистолет без патронов,— сказала я.

— Разговорчики,— оборвал меня сержант.

Третий милиционер бросил вниз веревочную лесенку. Поднявшись наверх, мы оказались в магазинчике мадам Ирэн. Ни самой мадам, ни ее помощников я не заметила. Через темный салон нас вывели на улицу.

У магазина стоял милицейский фургон.

— Ты все поняла, Мухина? — шепнул Володька.— Мы попали в засаду. Они заранее знали о нашем приходе.

— Откуда?

— Оттуда. Орать надо в гостинице меньше.

— Залезайте в фургон,— приказал Петраченко.

Водитель врубил милицейскую сирену, и машина понеслась по городу, пугая кошек и собак.

— Куда едем, дяденька? — спросила я у сержанта.

— В тюрьму-матушку,— ласково ответил он.

Но приехали мы не в тюрьму, а в милицию. Здесь нас поджидал следователь Емелин.

— Вот,— Петраченко протянул ему пистолет,— у Мухиной обнаружил.

Емелин поднес пистолет к носу и понюхал.

— Порохом пахнет,— сказал он.— Значит, из него недавно стреляли.

— Что вы врете! — возмутилась я.

— Петраченко,— распорядился следователь,— в камеру обоих.

— Это незаконно! — закричал Володька.— Мы несовершеннолетние!!!

— А магазины грабить — совершеннолетние?! — Сержант толкнул Володьку в спину.— Иди давай.

Нас посадили в разные камеры.

Тяжелая дверь захлопнулась. Заскрежетал ключ в замке.

Да, я оказалась в настоящей тюремной камере. Решетчатое оконце под потолком. Деревянные нары. Холодные каменные стены.

Я села на нары и задумалась.

В голове стояла сплошная мешанина из ножей, соковок, sklepa и милиции. Ладно, утро вечера мудренее. Пора ложиться спать. Я принялась укладываться на голых досках.

Но тут снова заскрежетал ключ в замке. Дверь открылась. В проеме возник сержант Петраченко.

— Мухина,— сказал он,— к следователю.

ДОПРОС

Верхний свет в кабинете был выключен. Горела только настольная лампа.

— Садись, Эмма.— Следователь Емелин указал на стул.

Я села. Он тоже сел за стол и, положив перед собой чистый лист бумаги, приготовился писать.

— Фамилия, имя, отчество?

— Мухина Эмма Игоревна.

— Где проживаешь?

— В Москве.

— Род занятий?

- Учусь в школе.
- Сколько тебе лет?
- Девяносто восемь.

Емелин по инерции записал и это. Затем яростно отбросил авторучку в сторону.

- Ты что, Мухина, шутить со мной вздумала?!
- С чего вы взяли? — смотрела я невинным

взглядом.

— Гражданка Мухина, — официальным тоном сказал он, — вы обвиняетесь в убийстве своего деда!

Я чуть со стула не упала.

— Да, да, Эммочка, — ядовито улыбаясь, продолжал следователь Емелин. — Ты, я гляжу, из молодых да ранних. Мы навели справки в нотариальной конторе. По завещанию в случае смерти капитана его дом переходит к тебе. Но ты нетерпеливая, ты ждать не хочешь. Поэтому и убила родного дедушку из пистолета марки «смит и вессон» 38-го калибра. А потом разыграла комедию с его исчезновением.

— Вы дурак? — спокойно поинтересовалась я.

— Что-о-о?! — взревел следователь.

— Что слышали.

— Ты мне заплатишь за эти слова, — угрожающе сказал он. — Кстати, за разговор с Аргентиной ты тоже заплатишь.

Емелин кинул через стол телефонный счет.

— И не подумаю. — Я кинула счет обратно. — Сами говорили: «Звони хоть в Аргентину». Никто вас за язык не тянул.

Следователь нервно закурил.

— Ладно, переходим ко второму пункту... Кто послал тебя и твоего сообщника Воробьева ограбить магазин?.. Детектив Микстуров?!

Я удивленно откинулась на спинку стула.

— При чем тут Микстуров?

— При том самом, милая!

Я задумалась. Мадам Ирэн знала о моем заявлении в милицию. А следователь Емелин устроил нам засаду в «Маленьком магазинчике ужасов». Два этих факта состыковались в один: Емелин работает на мадам Ирэн.

Следователь истолковал мое долгое молчание в свою пользу.

— Вот и молодец, Эмма,— одобрительно произнес он.— К чему тебе лишние неприятности...— Он протянул мне листок бумаги.— На, подпиши.

Я взяла листок и прочла. Это было заявление, написанное от моего имени. В нем говорилось, что Микстуров подговорил нас с Володькой ограбить магазинчик мадам Ирэн.

— И не подумаю подписывать эту липу!

— Нет, подпишешь, мерзкая девчонка! — Емелин грохнул кулаком по столу.

— Ставить свою подпись— мое право, а не обязанность!

— Ах ты какая умная,— съязвил он.

— А что в этом плохого? — Я пожала плечами.

— Хорошо,— он убрал бумагу,— не хочешь как хочешь. Придется тебе тогда прокатиться в колонию для несовершеннолетних преступников.

— А вам придется прокатиться в колонию для несовершеннолетних преступников,— живо отреагировала я.

Следователь Емелин перекинул сигарету из одного угла рта в другой.

— Это еще почему?

— Потому что вы работаете на мадам Ирэн! — гневно заговорила я.— Потому что вы покрываете местных бандитов, которые собираются в ночном клубе Свинарского! Потому что вы специально не расследуете сто сорок дел! Вы продались бандитам, Емелин! Вы сами — бандит! Вот!!!

Я выпалила это ему в лицо как из пулемета.

— Неправда,— растерянно произнес он.

— Нет, правда! — Я грохнула кулаком по столу.

Следователь словно ужаленный вскочил со стула и подбежал ко мне.

— Эту правду,— прошипел он,— ты унесешь с собой в могилу...— И, открыв дверь, громко позвал: — Петраченко!

Тотчас явился Петраченко.

— Вот что, сержант,— сказал ему Емелин,— завтра утром приготовишь дежурный «газик». Я повезу Мухину в парк, к магазину. Надо будет провести следственный эксперимент.

— Мне тоже с вами ехать? — спросил Петраченко.

— Нет,— криво усмехнулся Емелин.— Мы прокатимся с ней вдвоем.

СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ

Петраченко отвел меня обратно в камеру. Я решила воспользоваться Володькиной системой: подумать лежа. Улеглась на твердые нары, закинула руки за голову и принялась думать.

Значит, следователь Емелин хочет засадить Микстурова за решетку. Но всего неделю назад он расхваливал детектива на все лады и пихал мне его номер телефона. Любопытно...

Теперь же выяснилось, что Емелин работает на мадам Ирэн, которая, в свою очередь, хочет заполучить дедушкины записи. Что же ей все-таки надо в этих записях?..

Меня точно током ударило!

Булигонго — вот что ей надо!!!

Чудесный напиток, полученный Мадунгой из смеси тарига с ромашкой, и есть новейший наркотик «Привет из Африки»!

Я вскочила с нар и, засунув руки в карманы, возбужденно забегала по камере.

Если наш посол в Аргентине прав и у Хромого Макса действительно нет рецепта наркотика, то мадам Ирэн, заполучив дедушкины записи и узнав рецепт булигонго, может стать «крестной матерью» мировой наркомафии.

Ай да мадам Ирэн!

На дне правого кармана пальцы нащупали что-то твердое. Это была таблетка либитума. Видимо, я машинально сунула ее в куртку.

Мне в голову пришел дерзкий план побега.

— Петраченко! — Я забарабанила ногой в дверь.

— Чего тебе? — раздался недовольный голос.

— Дайте поесть.

— Не положено. Только утром.

— Петраченко, миленький, — принялась упрямить я. — Так кушать хочется.

— Ладно уж, — проворчал он, — сейчас принесу.

В дверях распахнулось маленькое окошко, и Петраченко протянул алюминиевую миску с гороховым супом и кусок черствого хлеба.

— Спасибо, сержант, — поблагодарила я.

Когда окошко закрылось, я бросила в миску таблетку либитума. Раскрошила ее как следует и размешала.

Потом снова начала колотить в дверь.

— Петраченко!..

— Вот девка беспокойная, — заворчал сержант. — Ну чего еще?

— У супа странный вкус, — пожаловалась я, возвращая в окошко миску с ложкой. — Попробуйте.

Петраченко попробовал.

— Суп как суп.

— Так вы больше съешьте.

Сержант зачерпнул еще одну ложку. Затем

еще... Короче, он умял всю миску. Наркотик начал действовать. Глаза у Петраченко заблестели. Он глупо ухмыльнулся.

— Дяденька Петраченко,— ласково попросила я,— выпустите меня отсюда. Пожалуйста.

— С превеликим удовольствием.— Он широко распахнул двери камеры.— Выходи, дорогая, ты свободна! Я сам за тебя сяду!

С этими словами сержант вошел в камеру, лег на нары и громко запел: «Сижу за решеткой в темнице сырой...»

— А может, и Воробьева освободите?

— Держи! — Петраченко кинул мне ключ от соседней камеры.— Все свободны!

Я открыла дверь и выпустила Володьку.

— Ты ему в суп наркотик подмешала? — шепнул он.

— Ага.

— Бежим скорей!

— Эй, ребятаки, вы куда?! — весело закричал нам вслед сержант.

— В лес по грибы,— ответила я.

Петраченко лукаво погрозил пальцем.

— Смотрите больше не попадайтесь.

Мы крадучись прошли через дежурное помещение. На топчанах храпело несколько мильтонов. Я заметила на столе свой пистолет и, конечно, прихватила его с собой.

На улице стояло раннее утро.

Из первого же телефона-автомата я позвонила детективу Микстурову.

— Да? — откликнулся сонный голос.

— Это говорит Эмма Мухина,— быстро сказала я.— У меня к вам срочный разговор.

— Где ты находишься?

— У Центрального универсама.

— Оставайся там. Сейчас приеду.

Минут через двадцать подкатил побитый

«форд». Мы с Володькой сели в машину и поехали.

Я все подробно рассказала.

— Значит, они хотят меня подставить,— задумчиво произнес Микстуров.

— Но зачем им это надо? — Я вертела в руках зажигалку, которую обнаружила на сиденье.— Чем вы так насолили следователю Емелину?

Вместо ответа детектив достал из пачки сигарету и сунул в зубы. Я с готовностью щелкнула зажигалкой. Но Микстуров, словно не видя моей протянутой руки, принялся хлопать себя по карманам.

— Вот ваша зажигалка. Прикуривайте.

Детектив прикурил, с жадностью вдохнув дым.

— Так ты говоришь, никакого «Привета из Африки» тебе не давали?

— Конечно. Все было ловко подстроено. Только непонятно, с какой целью.

Микстуров мрачно глядел на дорогу.

— А как выглядит незнакомец с черной тростью?

— Я же его не видела.

— Ах, да. Извини.

Было заметно, что он с трудом сдерживает ярость. Не докурив сигареты и до половины, детектив с силой вдавил ее в пепельницу.

— Это ей даром не пройдет, — вполголоса произнес он.

— Вы имеете в виду мадам Ирэн? — спросил Володька.

Микстуров ничего не ответил. Мы подъехали к гостинице.

— Спасибо, ребята, за информацию. — Он пожал нам руки. — Емелина можете не опасаться. Я приму меры.

«Форд» резко рванул с места.

Мы вошли в гостиницу, взяли у дежурной ключи (на этот раз это была не Кира) и поднялись в мой номер.

— Вот гады какие! — с возмущением сказала я. — Хотят посадить в тюрьму хорошего человека.

— А ты заметила, что у него один глаз стеклянный? — спросил Володька, думая о чем-то своем.

— Стеклянный?

— Ну да. Он же не увидел протянутой зажигалки.

Зазвонил телефон. Я вопросительно глянула на Володьку.

— Братъ, не братъ?

— Бери, — кивнул он.

Я взяла трубку.

— Слушаю?

— Если вы желаете узнать судьбу капитана Кэпа, приходите сегодня в двадцать один ноль-ноль на пристань. Покатаемся на теплоходе, там и поговорим.

Это был хриплый голос незнакомца с черной тростью.

ОПАСНАЯ ПРОГУЛКА НА ТЕПЛОХОДЕ

Весь день мы с Володькой размышляли, как мне лучше поступить. Идти или не идти на встречу с незнакомцем? Дедушка вот пошел и исчез с концами. С другой стороны, если б незнакомец хотел меня убить, то давно бы убил из снайперской винтовки.

В общем, мы решили — надо идти.

Следовало, однако, как-то подстраховаться. Жалко, в пистолете патронов не было, а то бы Володька мог притаиться в укромном уголке, а в критический момент выстрелить в незнакомца с черной тростью. Но мадам Ирэн вытащила обойму, и этот вариант отпал сам собой.

— А что, если акваланги? — лежа на кровати, предложил Володька.

— Акваланги?

— Ага. Ты же говорила, японцы подарили капитану Кэпу два акваланга.

— Ну и что? — не понимала я.

— Я надеваю один акваланг, а второй беру с собой. Цепляюсь за какой-нибудь выступ и плыву рядом с теплоходом. А ты, как только возникает опасность, ныряешь. Я передаю тебе под водой акваланг. И мы сматываемся.

— Разве ты умеешь плавать с аквалангом?

— Чего тут уметь? Я, когда с родителями на спортивной базе отдыхал, каждый день с аквалангом плавал.

Володькина идея, как всегда, оказалась блестящей. И мы тут же приступили к ее осуществлению. Пробрались через чердак в дедушкин дом и забрали оттуда два акваланга и подводный фонарь.

А ровно в двадцать один ноль-ноль я стояла на пристани. Смеркалось. Незнакомца с черной тростью не было.

К пристани подошел маленький теплоходик. Из него выскочила бойкая тетка и закричала в мегафон:

— Последний рейс, последний рейс! Всех, кто хочет прокатиться по живописному озеру Богатое, прошу покупать билеты. Теплоход отправляется через несколько минут.

И тут я увидела человека с черной тростью. Он, прихрамывая, шел по дорожке, ведущей к пристани. Это был мужчина средних лет с очень красивым и мужественным лицом. Я даже пожалела, что такое хорошее лицо досталось обыкновенному бандиту.

Не глядя на меня, он купил у тетки билет и вошел по трапу на теплоход. Я тоже купила билет и прошла вслед за ним.

Должна признаться, я порядком нервничала.

— Отправляемся, отправляемся! — закричала тетка в мегафон.

Теплоходик медленно отчалил. Я поднялась на верхнюю палубу и, облокотясь на поручни, стала глядеть в сторону удаляющегося берега.

— Идите за мной, Эмма, — раздался торопливый шепот.

Я вздрогнула от неожиданности. Незнакомец с черной тростью шел к лестнице, ведущей вниз. Мы опять спустились на нижнюю палубу и прошли в самый хвост, где под винтом вздымались белые хлопья пены.

Здесь располагалась небольшая площадочка с одной скамьей.

Незнакомец сразу сел. Я стала поодаль, мысленно измерив расстояние между нами — на тот случай, если он вдруг кинется на меня.

— Слушаю вас, — сухо произнесла я.

— Эмма, — тихо сказал незнакомец, — хочу сообщить вам приятное известие. С капитаном Кэпом все в порядке. Он жив и здоров.

Голос его звучал спокойно и ровно. Не то что при разговоре со Свинарским. Даже хрипота была какой-то мягкой. Ловко притворяется.

Я изобразила на лице полнейшее равнодушие.

— Меня это не интересует.

— То есть как не интересует? — озадаченно пробормотал он.

— А вот так.

Мимо нас прошла влюбленная парочка.

— Простите, я не представился. Шеврикукин. Бизнесмен из Москвы. — И, когда парочка удалилась, добавил: — А на самом деле я агент Интерпола.

Во заливают!..

— Вы знаете, что такое Интерпол?

— Международная полиция.

— Совершенно верно. Сейчас мы заняты поисками опаснейшего преступника. Хромого Макса. И попросили капитана Кэпа помочь нам в этом деле.

— По-моему, вы не там ищете, — сказала я. — Его надо искать в Америке или Африке.

— Ошибаетесь, Эмма. Хромой Макс находится здесь, в Задонске. У него кончились запасы «Привета из Африки», и ему надо во что бы то ни стало достать записки капитана с рецептом булигонго.

— А-а, — скучно протянула я.

Он грустно вздохнул.

— Вы мне не верите.

Почему же, верю. Странно только, что сам дедушка не пришел.

— Поймите, Эмма, это невозможно,— горячо заговорил он.— Операция вступила в свою заключительную стадию. На карту поставлено слишком много. Сейчас сложилась уникальнейшая ситуация, когда все преступные нити наркобизнеса сосредоточены в руках одного человека — Хромого Макса. У Интерпола появилась реальная возможность одним ударом покончить с наркомафией во всем мире...

Честно говоря, хотелось ему верить. Но я прекрасно помнила, как, прячась под кроватью, слышала совсем другие речи.

— Хорошо, Шеврикукин,— оборвала я его.— Если вы сию минуту скажете, что было написано в открытке, которую дедушка послал мне в Москву, я вам поверю.

— Это проще простого.— Он расплылся в улыбке.— Капитан Кэп просил вас немедленно куда-нибудь уехать.

— А вот и неправда! Дедушка, наоборот, просил меня немедленно приехать в Задонск.

— Нет, нет, Эмма, вы ошибаетесь. Капитан опасался, что Хромой Макс может использовать вас в качестве заложницы...

— Ой, только не надо лапшу на уши вешать,— досадливо отмахнулась я.— Мне отлично известны ваши связи с местными бандитами. Почему вы хотели, чтобы Свинарский принес вам скелет Скуратова?

— При чем тут скелет? — принялся выкручиваться Шеврикукин.— Просто нам надо срочно поссорить Свинарского и мадам Ирэн. Под прикрытием задонской милиции мадам Ирэн изготавливает в подпольной лаборатории наркотики. А Свинарский, по своим каналам, сбывает их. Когда мы об этом узнали, то решили заодно арестовать и

эту банду. Но главная наша цель — Хромой Макс!..

— Может, вы и из снайперской винтовки в меня не стреляли?! — не удержавшись, спросила я.

— Не стрелял, — тут же соврал этот тип.

— Она сама выстрелила, да?..

— Эмма, послушайте... — Шеврикукин начал приподыматься со скамьи.

— Сидеть! — приказала я.

— Хорошо, хорошо. — Он снова сел. — Только успокойтесь. Я вам сейчас все объясню. Из винтовки стрелял капитан Кэп.

— Да вы с ума сошли!.. Мой дедушка никогда...

— Подождите, Эмма! — Он умоляюще прижимал к груди черную трость. — Таким способом капитан хотел предупредить вас, до какой степени здесь опасно. Чтобы вы были начеку, раз уж приехали...

Вот гад какой! Врет и не краснеет!..

— Каждое ваше слово — ложь, Шеврикукин! — взорвалась я. — Но один раз вы все-таки проговорились. Когда сказали, что Хромой Макс находится в Задонске. Тут вы не соврали. Потому что вы и есть Хромой Макс!

У негодая отвисла челюсть. Он глядел на меня широко раскрытыми глазами, не в силах вымолвить ни единого слова. Потом его рука медленно поползла к брючному карману. Еще секунда, и он выстрелит.

Перемахнув через поручни, я прыгнула в воду.

СОКРОВИЩА СКУРАТОВА

Я постаралась нырнуть как можно глубже. Вода была обжигающе холодной. Сквозь темно-зеленую пелену я увидела, как ко мне, быстро работая ластами, плывет Володька. Он взвалил на

мою спину тяжелый акваланг. Взяв в рот резиновый мундштук, я жадно вдохнула воздух.

Подождав под водой, пока теплоход отойдет достаточно далеко, мы всплыли на поверхность.

— Ну что, Мухина?! — нетерпеливо спросил Володька.

— Это Хромой Макс! — сообщила я.

— Ладно, на берегу расскажешь.

Он достал из пакета ласты и маску. Я с трудом стащила с ног мокрые кроссовки. Володька сунул их в пакет.

Мы снова нырнули и, спустившись к самому дну, поплыли, мерно перебирая ластами. Под нами шевелились густые заросли водорослей. Тут и там валялись консервные банки, бутылки, железяки. Попались даже две крышки от грузовика. Все это за многие годы накидали пассажиры с прогулочных теплоходов.

Мимо нас проплывали стайки серебристых рыбок. Пронеслась как торпеда здоровенная щука, оскалив зубастую пасть.

Вскоре водоросли кончились, и пошел беленький песочек. Мы плыли и плыли, не останавливаясь. Впереди уже виднелась подводная часть крутого скалистого берега.

Володька сделал знак рукой — всплываем. Я закивала и стала подниматься вверх, но неожиданно попала в сильное подводное течение, сбилась с ритма и беспомощно заболтала руками и ногами.

Меня понесло прямо на скалы, переворачивая так и сяк, словно тряпичную куклу. Володька усиленно заработал ластами, пытаясь схватить мою руку.

Но не успел.

Я врезалась головой в мягкий ил, каждую секунду ожидая удара о камни. Однако вместо этого

мое тело все дальше и дальше погружалось внутрь скалы. Я закричала от страха, и рот тотчас наполнился склизкой грязью. Меня чуть не стошнило. Я крепко схватила мундштук зубами.

Со всех сторон был один только ил.

Нашупав руками стены, сплошь покрытые ракушками, я поняла, что попала в подводный ход в скале. Развернуться в нем было совершенно невозможно. Яростно работая ластами, я стала пробиваться сквозь илистую жижу.

Вдобавок ко всем прелестям за шиворот заползла какая-то колючая тварь и противно там шевелилась.

К счастью, ил скоро закончился и снова появилась чистая вода. Протерев маску, я увидела позади себя свет. Это плыл Володька с включенным фонарем.

Потолок над головой исчез. Я вынырнула на поверхность. Рядом со мной показалась Володькина голова.

— Куда нас занесло? — с удивлением спросила я.

Володька посветил фонарем.

— Вроде подводная пещера. Или, как их называют, грот.

Шлепая ластами по каменистому дну, мы вышли на берег. Маленькая пещерка была сплошь завалена кучами песка.

Я, буквально без сил, опустилась на ближайшую кучу и отстегнула тяжелые баллоны.

— Фу-у, устала...

— Давай скорей, рассказывай, — торопил Володька, тоже снимая акваланг.

Я пересказала ему свой разговор с Хромым Максом.

Володька сидел на соседней куче песка.

— По-моему, Шеврикукин не врет, — сказал он.

— А зачем тогда в карман полез?
— За сигаретами, Мухина. Интуиция мне подсказывает, что он действительно агент Интерпола.

— Интуиция одно, а факты совсем другое.
Володька важно приосанился.

— Надо, Мухина, не только доверять фактам, но и уметь их анализировать.

— Ой, ладно,— вспылила я.— Не умничай!

— Я не умничаю,— завелся Володька.— А вот ты разговаривала с этим Шеврикукиным как супердурал!

— Сам ты супердурак!

Володька вскочил на ноги.

— Ах, так!..— обиженно произнес он и ушел в глубь пещеры.

Выжав мокрые волосы, я от нечего делать стала пересыпать песок из одной ладони в другую. Песок был какой-то странный. Я посветила фонарем на одну кучу. Потом на другую...

— Ни фиги себе! — присвистнула я.— Это же... золото!

— Что ты там бормочешь, Мухина? — спросил Володька из темноты.

— Это же золото!!! — заорала я во все горло.— Володька, мы нашли сокровища Скуратова!

— У тебя что, Мухина, очередной приступ?!— язвительно осведомился он.

— Смотри, Воробей,— я зачерпнула песок двумя руками,— самое настоящее золото!

...Мы тут же принялись за исследование пещеры и, помимо золотых куч, обнаружили еще три сгнивших ящика с золотыми монетами, четыре ящика с золотой посудой и пять ящиков с золотыми украшениями.

— Теперь мне все ясно, Мухина,— возбужденно говорил Володька.— Скуратов прыгнул с гирей на шее в озеро и нашел эту пещеру. Он решил

перепрятать сюда свои сокровища. Пробрался в склеп и увидел там пустой гроб. Сразу все понял и, перетащив в грот сокровища, отправился разбираться с Мадунгой и Лизаветой. Но не тут-то было. Те сами с ним быстро разобрались. Затем положили мертвое тело в сундук и бросили в Богатое...

Я с сомнением почесала нос.

— А как ты все это докажешь?

— Чего тут доказывать, Мухина, — беспечно рассмеялся Володька. — Раз сокровища в пещере, а Скуратов в сундуке, значит, так оно и было. Логично?

— Логично! — Я подбросила над головой горсть золотых монет. — Ура-а-а!.. Теперь я смогу отправиться в кругосветное путешествие!!!

— Сначала вдоль земного шара, — напомнил Володька. — А потом поперек.

ОКОНЧАНИЕ ЗАПИСОК КАПИТАНА КЭПА

Ранним утром, приведя себя в порядок, мы вернулись в гостиницу.

— О-о, кого я вижу, — встретила нас Кира громким возгласом. — Где это вы всю ночь пропадали?

— Купаться ходили, — ответил Володька.

— А тебе, подруга, письмо, — протянула она запечатанный конверт. — Ну чего смотришь, бери.

Но я смотрела не на письмо, а на Кирину руку. Правая рука от плеча до локтя была плотно перебинтована.

— Что у вас с рукой? — спросила я.

Глаза у Киры беспокойно забегали.

— Да пустяки. Растяжение.

Мы обменялись с Володькой понимающими взглядами.

— Мухина,— шепнул он,— у тебя пистолет с собой?

— С собой.

— Дай на минутку.

Ничего не понимая, я протянула ему пистолет. Володька взвел курок и прицелился в дежурную.

— Эй ты, крошка,— грозно рявкнул он,— а ну говори — что на самом деле с рукой?! А то сейчас на тот свет отправишься!

Я прямо обалдела. Вот так Володька. Вот так скрипач.

Кира же чуть в обморок от страха не упала.

— Ой, миленький, — тоненько заголосила она,— не губи! Все как на духу расскажу. Не хотела я в Эммочку ножи кидать. А они говорят — тогда таблеток не получишь.

— Так вы — наркоманка! — догадалась я.

— Да, миленькая,— закивала Кира головой.— Попробовала как-то раз этот проклятый либитум, да так и втянулась...

— Кто вам давал таблетки? — спросил Володька.

— Врач Микешатьев.

— А кто придумал розыгрыш с отрубленной головой? — спросила я.

— Ирка Пыжикова.

— Кто?! — в один голос воскликнули мы с Володькой.

— Ирка Пыжикова,— повторила Кира.— Мы с ней вместе в кулинарном училище учились. А после она уехала в Одессу и устроилась там поварихой на корабль «Академик Иван Дундуков».

— Но ведь она же утонула,— ошеломленно произнесла я.

— Нет, спаслась. Долгие годы жила в Африке, вышла там замуж за африканского вождя. А потом снова вернулась в Задонск. Открыла частный магазинчик. А под магазином устроила лабораторию. Микешатьев из больницы лекарства воровал, а Ирка из этих лекарств наркотики делала...

Все начинало понемногу проясняться. Кроме одного — для чего Пыжиковой понадобился розыгрыш?

— А для чего Пыжиковой понадобился розыгрыш? — вслух спросила я.

— Она хотела обмануть сыщика Микстурова. Чтобы тот подумал, будто у нее есть «Привет из Африки».

— Но зачем? — все равно не понимала я.

— Ой, не знаю, миленькая, — заплакала Кира. — Вы только меня не выдавайте, а то мне больше таблеток не дадут.

Перед нами сидела явно больная женщина. Мы стали подниматься по лестнице.

— Ну ты, Володька, и рывкнул, — сказала я. — Даже у меня поджилки затряслись.

— А что, — играючи щелкнул он курком пистолета, — в американских боевиках все положительные герои так разговаривают.

Когда мы пришли в номер, я распечатала конверт без обратного адреса. И вытащила единственный листок.

Это была девяносто третья страница дедушковых записей:

«...Прекрасная Аната приложила ухо к земле.

— За нами погоня, милый мой капитан, — с отчаянием сказала она. — Я слышу топот множества ног.

Быстро взобравшись на самую высокую пальму, я убедился в правильности ее слов. Нас преследовали дикари во главе с боцманом Кошкиным.

Мы побежали к реке.

И — о, чудо! — у берега покачивалась пирога. Если нам сейчас удастся переправиться на другую сторону, мы будем спасены. Дикари не осмелятся пуститься вплавь по кипящей крокодилами реке.

Я оттолкнулся ногой от затонувшего дерева.

— Не уйдешь, капитан! — закричал боцман Кошкин, выскочив на берег и бросив в меня тяжелый топор.

Поймав топор в воздухе, я хотел кинуть его обратно.

— Не делай этого, милый мой капитан, — остановила мою руку прекрасная Аната. — Топор нам в хозяйстве пригодится.

Она вытащила из-за пояса бамбуковую трубку и плюнула через нее длинной иглой в сторону Кошкина. Боцман не ахнуть не успел, как игла вонзилась ему прямо в глаз.

Я энергично заработал веслом.

На другом берегу мы собрали большую охалку лиан и развели костер. Прекрасная Аната принялась готовить пищу, а я присел под баобабом, чтобы немного отдохнуть.

И вдруг, откуда ни возьмись, появилась африканская кобра. Да как вцепится в мою руку мертвой хваткой. И не отпускает, хоть ты тресни!

Я туда-сюда рукой махать да о баобаб ее колотить. Насилу отцепилась, гадина, и уползла в траву.

А укушенная рука прямо на глазах распухла.

— Руби, руби скорей! — решительно командует прекрасная Аната. — Пока смертоносный яд в кровь не всосался!

Тут уж ворон считать некогда. Положил я руку на пенек да и отсадил топором выше локтя...»

Листок выпал из моих пальцев. Уж что-что, а обе руки у дедушки были на месте. Это я знала совершенно точно.

— Выходит, африканские записи — выдумка от начала до конца?! — растерянно произнесла я.

— Спокойно, Мухина. — Володька поднял листок с пола. — В каждой выдумке всегда есть доля правды.

И он углубился в чтение.

— Ни фиги не понимаю.— Я никак не могла опомниться.

А я, кажется, все понял! — весело сказал Володька.

— Что ты понял?

— Прекрасная Анатà попала Кошкину иглой в глаз.

— Ну и что?

— Значит, у него нет одного глаза.

— Ну и что?

— Выходит, он — одноглазый.

— Володька, — потеряла я терпение, — кончай выпендриваться. Говори толком.

— Хорошо, Мухина. Объясняю самым примитивным образом. Как для слабоумной. У Микстурова тоже нет одного глаза. Теперь, надеюсь, понятно?

— Ничего не понятно, — тупо смотрела я на него.

— Ну ты даешь, Мухина, — развел он руками, — совсем, я гляжу, у тебя котелок не варит. Микстуров и есть боцман Кошкин!

ТУМАН РАССЕЙВАЕТСЯ

Мы решили наконец немного отдохнуть. Володька ушел в свой номер, а я улеглась на кровать. Но сна не было ни в одном глазу. Чтобы как-то себя усыпить, я стала читать толстенный том краеведческих очерков. Но и это не помогло. Мысли снова и снова возвращались к таинственному письму.

Кто же прислал мне страничку дедушкиных записей?.. Шеврикукин? Но зачем ему было посылать этот листок по почте, если мы с ним вчера виделись? Может быть, сам дедушка?.. Но гостиничный адрес на конверте написан явно чужой рукой.

Я снова повертела конверт и небрежно бросила его рядом с книгой. Конверт как конверт. Ничего особенного.

Неожиданно в голове мелькнула смутная догадка. Следовало ее немедленно проверить...

Володька, конечно, уже дрыхнет. Ладно, справлюсь одна.

Я помчалась в краеведческий музей.

— Господи, дитя мое,— нервно теребил бороду Курицын,— так же нельзя! Что случилось?!

— Ничего не случилось,— спокойно ответила я.— Мы нашли другой выход. Там и вылезли.

— А я жду, жду. Уж не знал, что и думать... Сам хотел в эту проклятую дыру лезть... В милицию бежать... Почему вы сразу не пришли?!

— Да бросьте, Лев Николаевич. Знаете, как мой дедушка говорит: «Все это брызги моря».

— А кто твой дедушка?

— Капитан Кэп!— с гордостью сообщила я.

— А-а, чудаковатый старик, который зимой и летом ходит в плаще нараспашку?

— Ага,— широко заулыбалась я.— И еще в тельняшке, морской фуражке и с огромной трубкой в зубах.

— Видимо, он большой оригинал,— заметил Курицын.

Моя смутная догадка превратилась в твердую уверенность.

— Лев Николаевич,— вкрадчиво сказала я,— хотите, фокус-покус покажу?

Директор озадаченно хмыкнул...

— Ну покажи, дитя мое.

— Встаньте вот сюда. Смотрите мне внимательно в глаза. Фокус-покус начинается. Раз! Два! Три! Алле-гоп!!!!..

И с этими словами я дернула Курицына за бороду. Борода осталась у меня в руке. А вместо

директора музея передо мной стоял... дедушка!..

Радостно засмеявшись, я начала отбивать четку, размахивая фальшивой бородой.

— Понравился тебе мой фокус, дедушка?!

— Один-ноль в твою пользу, внучка,— поднял он руки вверх.— А как ты догадалась, что директор музея — это я?

— Надпись в книге очерков и адрес на конверте сделаны одной рукой.

— Ай-ай-ай! — Дедушка шутливо схватился за голову.— Я и забыл, что книжку вам подписывал.

— Дедушка,— строгим голосом произнесла я,— ты срочно вызываешь меня в Задонск и сам же от меня прячешься. Как прикажешь это понимать?..

Достав из кармана свою трубочку, капитан Кэп стал не спеша ее раскуривать.

— Дело в том, внучка, что я тебя не вызывал.

— Не вызывал?! А зашифрованная открытка: «Немедленно приезжай. Опасность?»

— Дорогая моя Эмма, ты все перепутала. В открытке стояло: «Немедленно уезжай. Опасность».

— Не может быть!

— Смотри сама.

Дедушка достал из внутреннего кармана шифровальный блокнот и протянул мне. В самом деле там было: 20623 — УЕЗЖАЙ.

Я вздохнула.

— Это все потому, что я родилась тринадцатого мая.

— Не переживай, внучка.— Он похлопал меня по плечу.— Я ведь тоже родился тринадцатого мая. Но, по правде сказать, своим приездом ты доставила нам много хлопот.

— Кому это «нам»?

Дедушка указал трубкой на дверь.

— Прошу любить и жаловать — полковник Бланшар!

Дверь отворилась, и в комнату, лучезарно улыбаясь, вошел Шеврикукин.

Вряд ли в этот момент у меня было очень умное лицо.

— Здравствуйте, Эмма. Надеюсь, вы не простудились в воде?

— Ну и ну, — только и оставалось мне сказать. — Выходит, вы действительно агент Интерпола?

— Причем самый лучший, — подчеркнул дедушка. — И, кстати говоря, мой ученик.

— Капитан Кэп стоял у истоков нашей организации, — пояснил полковник Бланшар.

Я повернулась к дедушке.

— А ты знаешь, что детектив Микстуров — это боцман Кошкин?

— Еще бы!

— А мадам Ирэн — Ирка Пыжикова!

— И это мне известно.

— А зачем ты наврал в записках, что отрубил себе руку?

— Не наврал, внучка, — попыхивал дедушка трубочкой, — а сочинил. Существенная, между прочим, разница. Может, я теперь приключенческие книжки писать буду.

— А про прекрасную Анату ты тоже сочинил? Дедушка от души рассмеялся.

— Это же твоя бабушка Ната!

— Тьфу ты! Мне такое даже в голову не пришло. Видно, я чего-то в жизни не понимаю.

— Какие твои годы, — сказал дедушка. — Поймешь еще.

Я посмотрела на полковника Бланшара.

— А кто же тогда Хромой Макс?

— Пока еще неизвестно, — ответил полковник.

— Может быть, боцман Кошкин?

Бланшар с сомнением покачал головой.

— Исключено. Бодмана как раз и послал в Задонск Хромой Макс. Он дал ему задание украсть или купить у капитана рецепт булигонго. И сам тоже, тайком, отправился сюда.

— Но зачем?..

— А затем, внучка,— ответил за полковника дедушка,— чтобы убить Кошкина, как только тот достанет рецепт. А заодно убить и меня. И тогда Хромой Макс стал бы единственным человеком в мире, который знает рецепт изготовления «Привета из Африки».

— А если б Кошкин случайно увидел Хромого Макса?

— Это тоже исключено,— сказал полковник Бланшар.— Каждые три месяца Хромой Макс с помощью пластической операции делает себе новое лицо. Он преступник-невидимка.

Мы все немного помолчали.

— Дедушка,— вдруг с возмущением вспомнила я,— а правда, что ты стрелял в меня из снайперской винтовки?!

— Не в тебя, внучка, а рядом с тобой,— уточнил он.— Должен же я был как-то предупредить тебя об опасности. И не просто предупредить, а чтобы ты действительно поняла, что надо держать ухо востро. А ты, дорогая моя, сразу попала в сети к Ирке Пыжиковой.

— Подумаешь,— повела я плечами.— Зато мы с Володькой Воробьевым нашли сокровища Скуратова!

Дедушка и полковник Бланшар весело переглянулись.

— Милая Эмма,— произнес полковник, поигрывая своей тростью,— а разве можно найти то, чего нет?

— Еще как можно,— ответила я и высыпала на стол горсть золотых монет.

МАЛЕНЬКАЯ ХИТРОСТЬ

Наверное, минуты две они изумленно пялились на монеты. Наконец дедушка сказал:

— Десять тысяч чертей! Я абсолютно ничего не понимаю! Ведь сокровищ не оказалось ни в сундуке, ни в склепе. Так, полковник?!

Бланшар утвердительно кивнул.

— Совершенно верно, мой капитан! Это факт!

— Надо не только доверять фактам, но и уметь анализировать их,— с удовольствием повторила я Володькину фразу.

— Два-ноль в твою пользу, внучка,— произнес дедушка.— Рассказывай, где тебе удалось обнаружить сокровища Скуратова.

Я рассказала.

Конечно, я не стала уточнять, что мы с Володькой случайно нашли пещеру. Зачем людей разочаровывать... Наоборот, я подробно изложила, как мы сопоставляли факты, как тщательно их анализировали, как пришли к выводу, что подводная пещера с сокровищами находится именно в том месте, где Скуратов прыгнул в озеро...

В общем, я пересказала им Володькину теорию.

Дедушка и полковник внимательно слушали, попеременно восклицая:

— Вы просто умница, Эмма!

— Молодец, юнга! Так держать!

Я польщенно улыбалась. Приятно все-таки, когда тебя хвалят.

— Молодец, внучка! — еще раз повторил дедушка в конце моего рассказа.— Самого капитана Кэпа переплюнула!.. Вернемся, однако, к нашим бандитам. Надеюсь, ты поняла, зачем Ирке Пыжиковой понадобился розыгрыш с «Приветом из Африки»?

— Чтобы обмануть детектива Микстурова... ой, то есть боцмана Кошкина.

— Правильно. Но ты, вероятно, не знаешь, что за всем этим стояло...

— Капитан,— попросил полковник Бланшар,— можно я расскажу?

— Полный вперед, полковник! — разрешил дедушка.

Усевшись поудобнее в кресле, Бланшар приступил к рассказу:

— Начну издалека. С Африки. Главный колдун племени мбулу Малук перед смертью открыл боцману Кошкину тайну своего рода: рассказал о Лизавете, сокровищах Скуратова и напитке булигонго. Мало того, он даже показал боцману место, где Мадунга закопал бочки с «волшебной водой». Боцман Кошкин приказал вырыть эти бочки и, не разобравшись что к чему, продал их за бесценок заезжему путешественнику...

— А этим путешественником был Хромой Макс! — догадалась я.

— Совершенно верно, Эмма. Он, в отличие от Кошкина, сразу разобрался что к чему и тут же стал продавать булигонго как новый наркотик «Привет из Африки». Мгновенно обогатился и уже через несколько лет сделался «крестным отцом» мировой наркомафии.— Полковник Бланшар немного помолчал.— Но, несмотря на то что Хромой Макс продавал булигонго буквально по каплям, чудесный напиток вскоре кончился. И тогда Макс снова отправился в Африку — узнать у боцмана Кошкина рецепт изготовления булигонго...

— А Кошкин не знал рецепта,— не выдержав, перебил полковника дедушка.— Колдун Малук унес эту тайну с собой в могилу. И тут боцман вспомнил про мою давнюю привычку все записывать. Он решил, что в моих африканских записях обязательно должен быть описан способ пригото-

ления булигонго. И не ошибся. Я действительно записал рецепт. Кстати говоря, очень простой...

— Куда уж проще,— подтвердила я,— смешать тарига с ромашкой.

Дедушка и полковник уставились на меня так, словно я только что свалилась с Луны.

— Эмма, откуда вы знаете рецепт? — спросил Бланшар.

— Я была под кроватью, когда вы разговаривали со Свинарским. А до этого читала дедушкины записи, лежащие у вас в чемодане.

— Двадцать тысяч чертей!!! — воскликнул довольный дедушка. — Вот шустрая девчонка! Вся в меня!..

Полковник Бланшар тоже улыбнулся.

— Может, вы тогда скажете, как мадам Ирэн узнала о булигонго?

— Конечно, скажу,— ответила я. — После своего спасения она вышла замуж за Кошкина, и он ей все рассказал. А когда они расстались, Ирка Пыжикова уехала в Задонск на поиски сокровищ.

— Совершенно верно, Эмма!.. Ну а дальше все проще простого. В Задонске появляетесь вы и идете к следователю Емелину. Узнав, что перед ним внучка капитана Кэпа, он тут же звонит мадам Ирэн...

— Точно! — Я хлопнула себя ладонью по лбу. — Он же выходил из кабинета!

— ...И у мадам Ирэн возникает хитроумный план. По ее приказу следователь Емелин начинает расхваливать сыскное агентство «Тетушка Агата», которое боцман Кошкин открыл в Задонске из конспиративных соображений. Емелин дает вам телефон Микстурова-Кошкина, а также направляет вас в гостиницу «Привокзальная». Наркоманка Кира, подсыпав в молоко слабый наркотик, вме-

сте с господином Шульцем разыгрывает перед вами спектакль с отсечением головы. План мадам Ирэн блестяще удался: вы побежали в «Тетушку Агату» и все рассказали Микстурову...

— Да уж...— смущенно почесала я нос.

— ...Микстуров сразу заподозрил, что вам подсыпали наркотик «Привет из Африки». А тут еще приходит врач Микешатьев и подтверждает это. На следующий день в сыском агентстве появляется мадам Ирэн и предлагает Кошкину-Микстурову сделку: за огромные деньги купить у нее рецепт наркотика. Все разыграно как по нотам.

— Чувствуются черные коготки,— согласилась я с полковником.— Теперь-то понятно, почему она приказала Кире убить меня. Видно, хотела свалить это убийство на бoцмана Кошкина, а когда у Кире ничего не вышло, мадам Ирэн придумала штуку похитрее: будто Микстуров-Кошкин подговорил нас с Володькой ограбить ее магазин.

— Совершенно верно, Эмма,— в третий раз подтвердил мою правоту полковник Бланшар.— Мадам Ирэн хотела вместо рецепта булигонго всучить Кошкину рецепт либитума. Пока бы он разбирался, к нему нагрянула бы милиция и арестовала как соучастника ограбления. А мадам Ирэн, вместе с денежками Хромого Макса, укатила бы куда-нибудь на Канарские острова...

— Пойдите, пойдите,— вдруг дошло до меня,— а откуда вы все это знаете?!. Про молоко... господина Шульца... Емелина...

Полковник Бланшар снова улыбнулся.

— Интерпол все знает. В криминальных структурах Задонска работает наш человек.

Дедушка раскопчегарил свою потухшую трубку.

— Друзья мои, а что, если нам поймать весь преступный мир Задонска на золотую удочку?

— Как это? — чуть ли не одновременно спросили мы с полковником.

— Очень просто, ребята. Главным бандитам города посылаем записки вот с таким текстом: «Если хочешь узнать, где спрятаны сокровища Скуратова, приходи сегодня в семь вечера в краеведческий музей». Эта информация сразу станет известна всем задонским преступникам, и они как один явятся в музей.

— Так они тебе и придут, — насмешливо скривила я губы. — Держи карман шире, дедушка.

— Еще как придут! — раскатисто захохотал капитан Кэп. — Прибегут! Прискачут!.. Потому что во все конверты мы вложим вот это...

И он показал нам золотую монету.

— Браво, мой капитан! — одобрительно воскликнул полковник Бланшар. — За один раз можно будет очистить город от всех бандитов. Я уже не говорю о том, что среди них обязательно окажется Хромой Макс!

— И мы его сразу узнаем! — тоже обрадовалась я. — Он же хромой!

— Думаю, Макс такой же хромой, как я слепой, — усмехнулся полковник.

— Ладно, там разберемся, — сказал дедушка. — За дело, друзья!

Вооружившись шариковыми ручками, мы начали заполнять листочки одним и тем же текстом. Потом вложили эти листки вместе с золотыми монетами в конверты и тщательно запечатали.

Дедушка набил свою трубочку свежим табаком.

— Полковник, позаботьтесь, чтобы письма дошли до адресатов.

— Слушаюсь, мой капитан! — Бланшар молодежато вскинул два пальца к виску и ушел выполнять дедушкино поручение.

А я побежала в гостиницу будить Володьку.

ПОЯВЛЕНИЕ ХРОМОГО МАКСА

— Ага! — запрыгал от радости Володька, когда я ему все рассказала. — Я же тебе говорил, Шерикукин не врет! Интуиция меня еще никогда не подводила!

— А что твоя интуиция скажет насчет Хромого Макса?

— Здесь все сложнее. Но мне кажется, Хромой Макс тот, кого мы меньше всего подозреваем. Вот ты, Мухина, кого меньше всех подозреваешь?

— Тебя! — Я выхватила из кармана пистолет. — Сдавайся, Хромой Макс!

Володька поднырнул под мою руку. Мы стали азартно бороться.

— Тихо! — вдруг замер он. — Про Аргентину передают!

Я сделала радио погромче.

«...Как мы уже сообщали, в аргентинском городе Санта-Фе произошло землетрясение. Самое странное, что оно произошло под одним-единственным зданием — концертным залом «Эльдорадо». К счастью, никто не пострадал, так как в момент подземного толчка в концертном зале никого не было».

Володька сидел на полу с таким видом, словно его пыльным мешком по голове огрели.

— Я же пошутил, — озадаченно произнес он.

— В следующий раз, Володька, шути удачнее, — посоветовала я.

Он встал с пола и начал отряхивать джинсы.

— Ты чувствуешь, Мухина, какие во мне способности таятся? Вот скажу в шутку, что ты полетишь на Таити. И ты полетишь на Таити.

— Ага, — хмыкнула я, — уже лечу кувырком. Ты лучше собирайся. Сейчас пойдем брать Хромого Макса.

В залах музея работали какие-то люди. Все как на подбор мускулистые и плечистые мужчины. Я сразу поняла, что это агенты Интерпола. Они устанавливали скрытые видеокамеры и развешивали динамики на стенах.

Полковника Бланшара мы нашли в главном зале.

— Познакомьтесь,—представила я ему Володьку,—Владимир Воробьев. Мой бой-френд.

— Очень приятно, — сказал полковник. — Я слышал по телевизору ваше исполнение «Мелодии» Глюка. Вы отличный скрипач!

Володька густо покраснел.

— Вот она, слава! — Я толкнула его в бок.

К нам быстро подошел озабоченный дедушка.

— Друзья мои, прошу на морской совет.

Мы прошли на третий этаж, в кабинет директора, и детально разработали план предстоящей операции.

...К семи часам все было готово к приему преступников.

Первым на золотую удочку клюнул хозяин ночного клуба Свинарский. Он подъехал к музею на светло-коричневом «вольво»; за ним, на «рено-19», следовали телохранители — Червяк и Карась. Затем появился боцман Кошкин на побитом «форде». За Кошкиным подкатила мадам Ирэн в роскошном «линкольне». За мадам — два ее помощника в бежевом «порше». Притопал врач Микешатьев на своих двоих. И напоследок прикатил милицейский «газик», из которого вылезли следователь Емелин и сержант Петраченко.

А потом...

Потом повалило столько бандитов, что я даже со счета сбилась. Расчет капитана Кэпа оказался верным: в преступный мир Задонска просочилась информация о конвертах с золотыми монетами. И все бандиты, от мала до велика, поспешили

в краеведческий музей узнать, где же спрятаны сокровища Скуратова...

Капитан Кэп, Володька и я сидели в кабинете директора и по трем телевизорам, установленным агентами Интерпола, наблюдали за происходящим в музее.

Дедушка взял в руки микрофон.

— Уважаемые посетители! Прошу всех пройти в Малый зал. Сейчас там состоится лекция об истории нашего края.

Преступники гуськом потянулись в Малый зал.

Дедушка снова нацепил бороду.

— Ну, я пошел.

— Ни пуха ни пера,— сказала я.

— К черту, внучка.— Он вышел за дверь.

Володька переключил все три телика на Малый зал. Народу здесь собралось столько, что яблоку негде было упасть.

— Внимание,— передал по радио полковник Бланшар.— Готовность номер 1.

На трибуне появился капитан Кэп. Он погладил фальшивую бороду и начал лекцию:

— История нашего края чрезвычайно интересна. Здесь жили многие замечательные люди. Например, мореплаватель Крузенштерн...

— Мухина,— скомандовал Володька,— вырубай свет!

Я щелкнула тумблером. Свет в Малом зале погас.

Бандиты беспокойно загудели, словно пчелы в потревоженном улье. И тут раздался голос полковника Бланшара, усиленный динамиками:

— Господа бандиты! Прошу соблюдать тишину и порядок. Вы находитесь в краеведческом музее, а не в ночном клубе «Сивка-Бурка»!

В зале началась беспорядочная стрельба.

— Музей блокирован агентами Интерпола! —

уверенно продолжал полковник. — Предлагаю всем сдаваться! Выходить из зала по одному! Оружие бросать на пол! Заранее предупреждаю — с международной полицией шутки плохи. Вопросы есть?!

Вопросов не было. Бандиты стали сдаваться.

Они выходили из дверей зала по одному и бросали оружие на пол. Вскоре на полу образовался целый арсенал. Чего тут только не валялось: пистолеты, автоматы, кастеты, ножи, газовые баллончики, гранаты...

Агенты Интерпола защелкивали каждому преступнику наручники и уводили на улицу, к стоящим рядом с музеем бронированным автобусам.

Постепенно всех бандитов увели. В Малом за-

ле остались в основном мои знакомые: Ирка Пыжикова, боцман Кошкин, господин Шульц, глухонемой Алик, Свинарский...

Дедушка отклеил фальшивую бороду.

— Эх, Кошкин, Кошкин,— сказал он,— я ведь предупреждал: не доведет тебя до добра твой злобный характер.

Боцман Кошкин понуро вздохнул.

— Сам не пойму, капитан, почему все так получилось. Черт попутал. Да вот еще она.— Он показал пальцем на мадам Ирэн.

— Не наводи тень на плетень, Кошкин,— тотчас ответила мадам.— Когда ты хотел принести капитана в жертву богу Индути, меня в племени еще и в помине не было. Сам попался, сам и отвечай. Верно я говорю, господин Шульц? — повернулась она к своему помощнику.

— А я не господин Шульц,— ответил господин Шульц.— Разрешите представиться: сотрудник отдела Интерпола по борьбе с наркомафией Чарли Стоун!

— Подлый предатель! — выкрикнула мадам Ирэн.

Из широкого рукава ее платья выскочило стальное жало и полетело в сторону Чарли.

Бах!..— прозвучал одиночный выстрел.

Стальное жало, подбитое меткой пулей, брякнулось на пол. А полковник Бланшар опустил черную трость. Из наконечника трости вился легкий дымок.

— Эх, Ирка, Ирка,— укоризненно покачал головой дедушка.— И тебе я на «Иване Дундукове» говорил: раз не умеешь хорошо готовить макароны по-флотски, толку из тебя не будет.

— Господа преступники,— обратился к оставшимся бандитам полковник Бланшар,— признавайтесь, кто из вас Хромой Макс.

Все угрюмо молчали.

Володька укрупнил изображение на экранах. Я начала крутить ручку на пульте, перемещая видеокамеру с одного лица на другое.

Кто же из них Хромой Макс?..

Микешатьев?.. Свинарский?.. А может быть — Червяк?..

В моей голове четко всплыли Володькины слова: Хромой Макс тот, кого мы меньше всего подозреваем.

— Володька, — крикнула я, — бежим скорее вниз!

Наше появление было встречено гробовым молчанием.

Я уверенно подошла к глухонемому Алику и показала на него рукой.

— Прошу любить и жаловать — Хромой Макс! Все замерли, как на стоп-кадре.

— Вот так удар судьбы, — медленно проговорил глухонемой Алик. — Кто бы мог подумать, что меня поймает какая-то сопливая девчонка.

— Не сопливая девчонка, — возразила я, — а внучка капитана Кэпа!

— Отлично сказано, юнга! — показал дедушка большой палец.

— А если еще раз Мухину обзовете, — Володька поднес кулак к носу Хромого Макса, — будете иметь дело со мной!

— Увести преступников, — распорядился полковник Бланшар.

Я ОТПРАВЛЯЮСЬ НА ТАИТИ

А затем мы все пошли в дедушкин дом-корабль. И капитан Кэп сварил нам целую кастрюлю макарон по-флотски.

— Давненько вы, ребята, не ели моих макарон-

чиков,— раскрасневшись от хозяйских хлопот, говорил он.— Бланшар, доставайте свой французский кетчуп.

— Сей момент, капитан,— откликнулся полковник, выставляя на стол красные бутылочки.

Дедушка щедро полил кетчупом каждую порцию.

— Объедайтесь, черти! — Он взмахнул рукой.

Два раза нас просить не пришлось. Мы стали объедаться.

— Вы уж извините меня, Эмма,— с набитым ртом сказал Чарли Стоун.

— За что?

— За то, что я вас тогда закопал.

— В таком случае, Чарли, вы тоже меня извините.

— За что?

— За то, что я вам заехала головой в живот.

В дверях появился капитан Кэп с кастрюлей.

— Кому добавки?

— Мне-e!!! — завопили мы все разом.

Дедушка разложил по тарелкам новые порции и присоединился к нашей компании.

— Капитан,— спросил полковник Бланшар,— откройте, пожалуйста, секрет: как вам удавалось выходить живым и невредимым из опасных приключений?

— Никаких секретов нет, полковник. Я всегда говорил себе: «Спокойно, Кэп. Все обойдется».

— Так просто, капитан?

— А в жизни все просто, Бланшар.

— Это точно,— согласился с дедушкой Чарли Стоун.— У нас в Англии даже пословица есть: «Неправда, что жизнь проста. На самом деле она еще проще».

Мы все засмеялись.

— Однако ребятам было совсем не просто

обнаружить сокровища Скуратова,— заметил полковник Бланшар.

— Да что вы,— ответил Володька, вычищая тарелку корочкой хлеба.— Мы же их случайно нашли.

У дедушки даже трубка изо рта вывалилась.

— Как случайно?!— повернулся он ко мне.— Выходит, ты наврала, внучка?!

— Не наврала, а сочинила,— ответила я, додая вторую порцию.— Существенная, между прочим, разница, дедушка.

— Ай да внучка,— шутливо погрозил он пальцем.— Три-ноль в твою пользу!

— Капитан,— спросил Володька,— а зачем вы приехали в Задонск? За сокровищами?

— При чем тут сокровища. Просто моей жене захотелось немного пожить на родине своей прапрабабки Лизаветы.

— Тогда такой вопрос, Кэп,— улыбнулся Чарли Стоун.— Почему вы стали капитаном?

— Интересный вопрос, Чарли,— прищурился капитан Кэп.— Но чтобы узнать ответ, вам необходимо хотя бы один разок постоять на берегу разбушевавшегося океана. А для начала послушайте...

И дедушка включил магнитофон.

В комнату ворвался шум морского прибоя. Мы все замолчали. И долго-долго слушали грохот волн, завывание ветра и пронзительные крики чаек... А потом снова стали есть, пить, смеяться и болтать о том о сем.

Какой это был чудесный вечер! Я сидела рядом с дедушкой и была счастлива.

... А через несколько дней мы с Володькой вернулись в Москву.

Когда я открыла дверь и вошла в квартиру, у меня глаза на лоб полезли. Мебели не было. Пока я искала дедушку в Задонске, а родители

копали грядки на даче, нашу квартиру обчистили.

В открытую дверь заглянула соседка, Ольга Петровна.

— Ой, Эммочка с Таити вернулась, — всплеснула она руками. — И совсем не загорела.

Тут я вспомнила про свою записку, написанную губной помадой на зеркале: «Улетела на Таити. Обратно не ждите». И все поняла. Как же я упустила из виду, что у моих драгоценных родителей нет чувства юмора.

Выходит, они продали мебель и полетели на остров Таити искать свою дочь. То есть — меня. Замечательно...

Я побежала к Володьке, чтобы сообщить ему эту новость. Но не успела и рта раскрыть, как в квартиру вошли три латиноамериканца.

— Разрешите представиться, — сказал один из них. — Посол Аргентины в России Санчес Сьенфуэгос. Нам нужен скрипач Владимир Воробьев.

— Это я, — растерянно ответил Володька.

— Дорогой сеньор Воробьев, я уполномочен передать вам самую горячую благодарность от Президента нашей страны. Своим пророческим сном вы спасли сотни людей. Страшно подумать, что могло произойти, если бы в ту ночь у вас была бессонница. Примите от нашего Президента скромный подарок в размере десяти миллионов песет, а также приглашение посетить Буэнос-Айрес с концертами. Лучшие залы столицы ждут вас, сеньор Воробьев.

Короче говоря, Володька, прихватив скрипку, опять улетел в Аргентину. А я отправилась на Таити выручать своих непутевых родителей. Там я их и нашла в маленьком городке Папеноо, на берегу Тихого океана.

В тот же день разразилась страшная буря.

Гремел гром! Сверкали молнии! Волны вздымались чуть ли не до небес!

Я стояла на берегу разбушевавшегося океана, и холодный ветер бросал мне в лицо соленые брызги.

Теперь я знала, почему мой дедушка стал капитаном!

ЭПИЛОГ

Вот и все. Остальное вам и так хорошо известно из газет, радио и телевидения. Хромой Макс подробно рассказал Интерполу о связях и явках, лабораториях и складах, передаточных пунктах и тайных притонах...

По всему миру прокатилась волна арестов и разоблачений. Несколько правительств в разных странах были вынуждены уйти в отставку. Крупные наркодельцы сели за решетку, не говоря уже о более мелкой рыбешке. Все основные запасы наркотиков уничтожили.

Но я думаю, это не надолго.

Рано или поздно снова появится какой-нибудь очередной Хромой Макс или Глухой Джо, а может быть, Слепой Пит. И все начнется по новой.

Потому что людям мало одного хорошего. Им еще и плохое подавай.

Что же касается меня, то я после этой истории написала стихотворение про Африку. Володька положил мой стишок на музыку, и, представьте себе, получилась отличная песня. Я ее исполнила в музыкальной передаче «Молодые голоса».

Когда мы с Володькой смотрели эту передачу по телику, то просто со смеху покатывались.

Я прыгала по сцене в набедренной повязке, вымазанная с головы до ног черной краской, и орала в микрофон:

Африка-а-а, это черная Родина.
Африка-а-а, в поле дремлют стога.
Африка-а-а, сладко пахнет смородиной.
И на сто верст тайга!
И на сто верст тайга!
И на сто верст тайга!

За исполнение песенки я получила специальный приз — машинку для печатания денег... Шучу, конечно. Мне дали пару миллионов рублей. Это мне-то, у которой теперь денег куры не клюют...

Да, чуть не забыла.

Вас, наверное, интересует, куда делась прекрасная Аната, то есть моя бабушка Ната. А вот куда. После того как они с дедушкой вернулись из Африки в Россию, бабушка поступила в летное училище. С отличием окончила его и стала первой в мире женщиной — испытателем сверхскоростных самолетов.

Однажды она испытывала очередной самолет. И скорость его оказалась намного больше, чем предполагали конструкторы. Бабушка ахнуть не успела, как облетела вокруг Земли.

А когда ее самолет снова приземлился на аэродроме, бабушки в кабине не было...

Но это уже совсем другая история.

